

316018
4-49
680

126387 (203)
4-49

Г.А.Чернов ПОЛВЕКА
В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ

7.10-41

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

11/09
21/03

ЛИСТОК
ВОЗВРАТА

БЫТЬ

г. Печора, типография Зак. № 1050

стный советский геолог и ар-
г., доктор геологоминералоги-
х наук Георгий Александров-

Чернов пятьдесят лет своей
жизни посвятил изучению Печор-
ского края и прилегающих к нему
областей. Обследуя самые трудно-
доступные районы Заполярья, он
обнаружил десятки геологических
объектов, имеющих практическое
промышленное применение. Им от-
крыты месторождения угля, нефти
и других полезных ископаемых,
эксплуатация которых в настоящее
время способствует возрождению
сировых окраин нашей страны. Он
выявил множество археологиче-
ских памятников, сыгравших
большую роль в восстановлении
истории края с начала заселения
Большевемельской тундры.

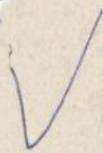
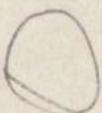
Потомственный геолог, сын вы-
дающегося первооткрывателя при-
родных богатств Европейской ча-
сти Заполярья А. А. Чернова, он и
по сей день продолжает исследо-
вания Печорского края.

К26.89(2031-60)91(C12)

Г.А.Чернов

К26.8
4-49-AB.

4-49

ПОЛВЕКА В ПЕЧОРСКОМ КРАЕ

43689
X
20085

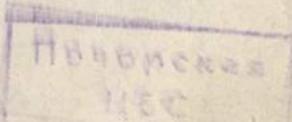
Издательство

• Мысль •

Москва

1974

• Муниципальное учреждение
«Печорская межпоселенческая
централизованная
библиотечная система»
«Печорская сельскохозяйственная
школа библиотечной системы»
муниципальной учреждение

91 (C 12)

Ч 49

Главная редакция
географической литературы

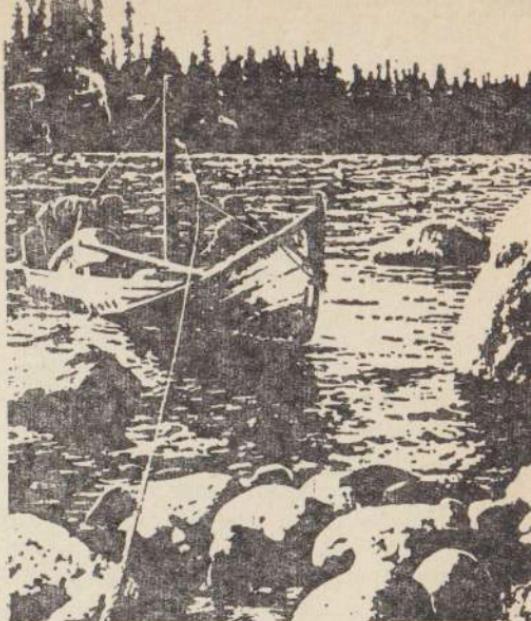
Ч 20804-014 175-73
004(01)-74

© Издательство «Мысль», 1974

Печорская
Городская детская
Библиотека

Часть I

Открытие

Печорский край в начале 20-х годов

Милый моему сердцу Печорский край, каким диким и неприступным казался ты мне, когда я в далеком детстве слушал рассказы отца. А рассказать ему было о чем: в своей жизни он много путешествовал.

Склонность к познанию природы проявилась у отца в раннем возрасте. Мой дед, Александр Николаевич, будучи геологом, всячески поощрял эту любовь к природе. Они вместе ходили на охоту, на рыбалку в окрестностях Соликамска, вместе отправлялись в приуральские экспедиции. В Печорский край мой отец попал впервые в 1895 году, когда ему было 18 лет. Он с восхищением рассказывал нам об этом первом увлекательном путешествии на лодке по быстрой реке. «Уже тогда, — говорил он, — во мне зрело страстное желание путешествовать и изучать природу».

В 1896 году отец окончил с серебряной медалью Пермскую гимназию и в этом же году поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. В 1902 году ему довелось побывать в Печорском крае, на реке Ижме, со своим учителем, профессором А. П. Павловым. Как начинающего геолога, отца привлекала сюда малая исследованность края. Вторичная поездка в эти места состоялась в 1904 году, и тоже с Павловым. Они плыли на пароходе по Вычегде через Усть-

Сысольск до Усть-Кулома, затем добирались на лошадях до Помоздино, а далее поднялись на лодках до волока между Черью Вычегодской и Черью Ижемской и спустились по реке Ижме.

В 1907—1909 годах отец участвовал в экспедиции П. К. Козлова по Монголии и был на озере Кукунор, а в 1914 году возглавил первую экспедицию по изысканию радия в Фергане.

В 1917—1918 годах отец посетил Печорский край, уже будучи опытным специалистом. Он возглавил тогда экспедицию по изучению геологического строения и полезных ископаемых Тимана в бассейнах рек Цильмы и Пижмы Печорской. Гражданская война помешала продолжить эти работы. А с 1921 года отец окончательно связал свою жизнь с Печорским краем.

Печорский край, Большеzemельская тундра, Уральский хребет, Пай-хой, Тиманский кряж — это обширные земли северо-востока Европейской части нашего Союза. В недалеком прошлом они представляли собой «белое пятно». Незавидная судьба предсказана Печорскому краю в «Архангельском губернском сборнике» за 1833 год. Мы читаем: «Значительная часть Архангельской губернии (северо-восточная) не исследована в геогностическом отношении и едва ли когда-нибудь будет исследована, потому что климат, местность и безлюдность отнимают у путешественника всякую возможность делать какие-либо наблюдения».

Однако множество озер, сетка голубых рек, массивы лесов, полоса гор, паконец, необъятные просторы сурового, дикого края вызывали огромный интерес к этим землям естествоиспытателей и путешественников. Отдельные смельчаки даже пытались искать здесь полезные ископаемые. В 60-х годах XIX столетия борьбу за освоение Печорского края вел русский промышленник М. К. Сидоров. Он посетил некоторые места с выходами угольных прослоев и проделал огромную работу по сбору материалов об угленосности Печорского края. Энтузиаст Севера, стремившийся освоить Ухтинское нефтяное месторождение, отдавший этому делу почти все свое состояние, в 1867 году обратился к наследнику царя с запиской, которая именовалась «О средствах вызволить север России из бедственного положения». И вот что ответил на эту записку генерал-адъютант Зиновьев: «Так как на севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и мнению моих приятелей, народ надо удалить с севера во внутренние страны государства, а вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштрёме, которого на севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные».

И в самом деле, север России находился в бедственном положении. Ни путей, ни дорог. И народ здесь жил испокон веков

своей самобытной жизнью. Никакая цивилизация его не касалась и не коснулась бы, если бы не события 1917 года...

В 20-х годах нашего столетия Печорский край стал объектом тщательного изучения. В 1921 году Северная научно-промышленная экспедиция, впоследствии реорганизованная в Институт по изучению Севера, начала разведку угля в Печорском крае. Возглавить эту экспедицию предложили А. А. Черпову. Отец с радостью принял это предложение.

Нужно ли говорить, в каких трудных условиях пришлось работать! В стране царили голод и разруха, на Печоре еще орудовали остатки белогвардейцев. Они уходили за Урал и грабили местных жителей и встречавшихся оленеводов. Испуганный народ прятался в лесах, покидая насажденные места, и одинаково встречал недруга и друга. Когда отец прибыл в Усть-Сысольск и зашел в исполком за помощью, то ему ничего не могли предложить, кроме... соли. Соль в Печорском крае ценилась «на вес золота». За соль можно было нанять проводника и рабочего, купить лошадь, телегу и прочее.

Отец рассказывал, как они с В. А. Варсанофьевой однажды набрели на покинутую избу у подножия массива Кычильзы. Хозяева избы, очевидно, испугались белых властей, скрылись. В сенях избы стоял большой лук и тут же, в уголочке, к нему стрельбы. На концах стрел вместо острия были насажены тупые металлические, вероятно свинцовые, набойки. Владелец избы должен был обладать богатырской силой. В XIX веке в Печорской глупши с таким оружием местные охотники ходили даже на медведя.

На одной из вершин Кычильзы они увидели стадо оленей и два чума. Около одного чума стоял хозяин. На нем лица не было от испуга. Когда с ним заговорили, он ничего не ответил, а раболепно ввел в чум и стал усиленно угощать олениной. Переводчики-проводники объяснили ему, что за люди сюда пришли. И все-таки спустя некоторое время он спросил у рабочего, сколько отберут оленей. Отец успокоил его, сказав, что ничего брать не будут. На прощанье хозяин стал предлагать мясо в подарок и потащил целую тушу к лодке. И, наконец совсем успокоившись, сказал: «Не знаю, кто ты такой, губернатор или кто, но вижу, что большой человек».

В 1923 году отец поехал исследовать реку Подчерьем и совершил своего рода «кругосветное путешествие»: он проплыл на лодке по Печоре из села Троицко-Печорск к Подчерьему, поднялся по этой реке до волока близ горы Тимаиз, затем перебрался в бассейн Ильича и спустился к Троицко-Печорску. Пока люди перебирались по волоку с лодкой, отец и Варсанофьева обследовали вершину Тимаиза и затем решили пройти прямиком к лодкам

в верховья Илыча. Карты не было, но был проводник, хорошо знавший эти места. Считали, что придется идти не менее 30 километров.

Сначала шли по высокой парме с безлесными вершинами, которая тянулась к югу от Тимаиза. На востоке открывался прекрасный вид на величественные вершины Уральского хребта, на запад к самому горизонту уходила полоса покрытых лесомувалистых предгорий. Вскоре спустились по восточному склону и вошли в прекрасный лес с крупными, высокими елями. По дороге убили тетерева. Идти стало тяжелее, да и усталость давала о себе знать. Около небольшого болотца присели отдохнуть. Спрашивает отец у проводника: «Далеко еще до избы на Илыче?» Подумав, тот отвечает: «Если это болото знакомое, то близко; если же незнакомое, то еще далеко». «А какое же болото? Знакомое или незнакомое?» — опять спрашивает отец. «Не знаю», — медленно отвечает проводник. Очевидно, болото было незнакомое, так как часа через три путешественники присели перекусить около другого небольшого болота, а признаков близости реки и перемены ландшафта не было заметно. «Ну, а теперь далеко до избы?» И в ответ: «Если это болото знакомое, то версты две, а если незнакомое, то далеко». «Ну, а какое же болото-то, — уже с некоторым нетерпением спрашивает отец, — знакомое тебе или нет?» «Не знаю», — флегматично отвечает проводник. «Куда же мы идем, если ты не знаешь?» — «Пойдем прямо», — звучит уверенный ответ. И опять пошли по сырому лесу. Солнце, по-видимому, уже склонилось за высокую пармовую гряду, оставленную далеко на западе, когда они подошли к громадному моховому болоту, шириной не менее двух километров. Проводник сказал, что пойдет разведать, какое это болото, и попросил подождать. Прошло более получаса, прежде чем раздались его громкие призывные крики на другой стороне болота. Путешественники откликнулись на зов и побрали по болоту. Когда, порядком уставшие, они наконец добрались до своего проводника, стоявшего на месте, тот невозмутимо сказал: «Не надо было ехать (то есть идти): болото незнакомое. Надо ехать обратно. Здесь справа непроходимое болото и слева непроходимое болото». — «Так зачем же ты кричал?» — с недоумением спросил отец. «Голос подавал», — ответил проводник. Группа возвращается через болото и идет дальше цепочкой. Темнеет так, что плохо был виден идущий впереди. Прошли еще что-то около трех верст. Вдруг проводник сказал: «Постойте, тут близко». И действительно находит затеску. Вскоре все выбираются на твердую тропу и осторожно один за другим доходят до избушки...

В 1924 году Госплан предложил А. А. Чернову расширить рай-

он работ. Благодаря материальной поддержке Геологического комитета и исполкома Коми АССР А. А. Чернов организовал большую экспедицию в Печорский край.

Я, разумеется, был весьма далек от всех планов и работ и остался бы к ним непричастен, если бы не мое рвение к другим занятиям, которыми увлекалась в 20-х годах почти вся московская молодежь.

По стопам предков

В жизни любого человека бывает событие, которое определяет его судьбу. Шел 1924 год. Закончились занятия в школе. Наступила весна — теплая, мягкая. В Москве это заметно по тому, как ожидают дворы. Жильцы выходят на улицу, ремонтируют покосившиеся за зиму скамейки, вскапывают под окнами землю, сажают цветы. Дворы оглашаются шумом детворы, начинаются игры. Наш двор ничем не отличался от других московских дворов. Как и везде, у нас играли в салочки, лапту, казаки-разбойники и, конечно же, в футбол.

Из всех игр мне больше всего нравился футбол. Я увлекался этой игрой настолько, что забывал приходить к обеду, а то и к ужину. Забежишь, бывало, домой, схватишь чего-нибудь и опять на улицу. Конечно, это не оставалось безнаказанным, но все сходило с рук до тех пор, пока моя терпеливая, добрая мама не собралась однажды сообщить о моем непослушании отцу. Как-то вечером, прокрадываясь по коридору в свою комнату, я услышал разговор родителей. Я прошел бы мимо, но звукнованный голос мамы приводил меня к месту. «Надо принять меры,— говорила она,— он целыми днями гоняет мяч, избегается, похудел, ничего не ест, пьет сырую воду. Боюсь, когда ты уедешь, я совсем потеряю над ним власть. Устрой или возьми его с собой в экспедицию. Ему уже 18 лет, и он не изнеженный мальчик». «Хорошо,— услышал я ответ отца,— я подумаю об этом». Признаться, отца я побаивался и после этого разговора как-то насторожился и, думается мне, умерил несколько свою страсть к футболу. Тем не менее решение отца не заставило себя долго ждать.

Помню, как до отъезда отца родители позвали меня к себе и сообщили о своем решении. «Ты уже взрослый,— сказал мне отец,— пора заняться делом, а игра в футбол ничего, кроме вреда, тебе не принесет. Поедешь с партией Сошкиной на Большую Инту, хватит баклужи бить». На этом разговор закончился. Я только развел руками в ответ. Молча я переводил взгляд с отца на мать. Меня мучила мысль, что ждет меня впереди. Я заметил

у мамы на глазах слезы и решил, что ждет меня преприятное испытание.

В семье я рос любимцем мамы и, может быть, отчасти ею же и был избалован. В детстве она потакала мне во всем. Вот и теперь я смотрел на нее умоляющим взором, втайне надеясь, не удастся ли ей оградить меня от наказания. Я даже собрался попросить у нее за все прощение и дать обещание впредь не играть в футбол. И хотя я рос настойчивым и балованным, но был честным юношой. Мне и в голову не приходило, что можно кого-то обмануть. И потому я не стал просить прощения, а покорился воле родителей.

Наступили дни сборов в экспедицию. Отъезд отца в нашем доме воспринимался как нечто должное и проходил всегда спокойно. Мой же отъезд внес в нашу мирную жизнь переполох. Каждый член семьи отнесся к нему по-своему. Отец был угрюм. Очевидно, у него были какие-то свои соображения по поводу моего вступления в жизнь. Моя единственная сестра, пятью годами старше меня, радовалась моему отъезду. Мы часто ссорились с ней. А теперь, глядя на мой унылый вид, она снисходительно улыбалась, и глаза ее красноречивее слов говорили: «Наконец-то я отомщена!» Страшно волновалась и даже изредка поплакивала за хлопотами мама.

А по сути дела ничего из ряда вон выходящего не произошло. Что особенного в том, что сын потомственного геолога в первый раз выезжает в экспедицию? Казалось бы, так оно должно и быть. Историю своей семьи я знал хорошо. В доме часто рассказывали о моем прадеде и деде, которые были тоже геологами. Оба они окончили в свое время Уральское горное училище в Екатеринбурге (ныне Свердловск). Прадед, Николай Иванович, служил управляющим Кизеловского железоплавильного завода, а дед, Александр Николаевич, состоял управляющим солеваренного завода в Соликамске и по роду службы проводил геологические исследования в окрестностях города. Отец бережно хранил экземпляр брошюрки «Очерк геологического строения г. Соликамска», написанной моим дедом и опубликованной в 1888 году в «Пермских губернских ведомостях». На брошюрке красивым почерком была выведена дарственная надпись: «Сыну моему для продолжения».

Таким образом, уже в годы отрочества я знал, что мои предки, как и отец, — геологи. Но беда в том, что к тому времени в нашем доме были забыты все семейные традиции. Во всяком случае меня ни к какой карьере не готовили. Мы воспитывались в суровое время. И когда по приезде отец рассказывал о своих путешествиях, я слушал его с тем же увлечением, с каким читал книги Купера и Майна Рида. Эти рассказы я воспринимал как нечто

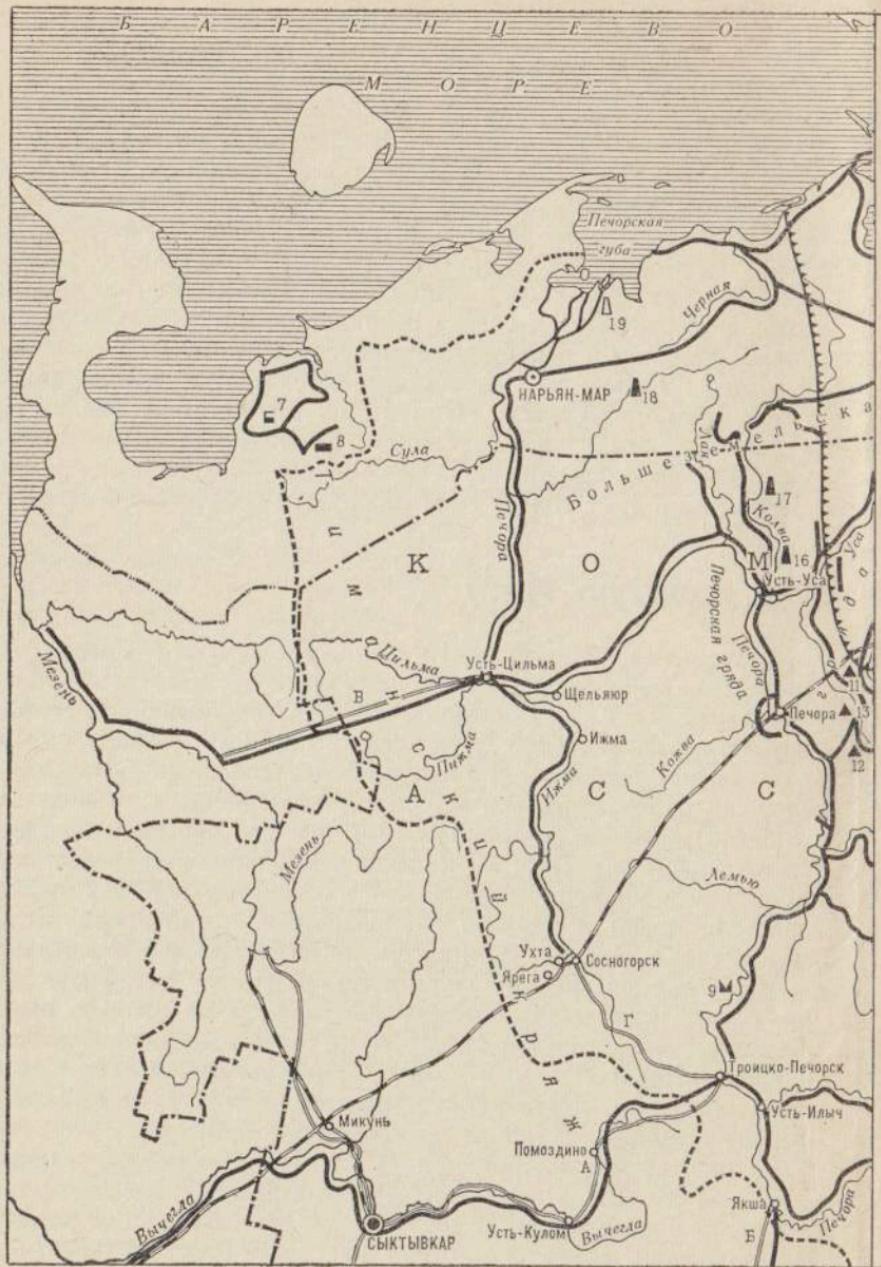
фантастическое. Далеким, чуждым и совсем не притягательным казался мне Печорский край, когда отец рассказывал о его просторах, природе и быте людей.

В моем воображении рисовалась страна, лежащая где-то за полярным кругом. Легко понять представление юноши, родившегося в средней полосе, об этом самом полярном круге: несбыточная мечта, если он мечтатель. Но я был отнюдь не мечтателем. Я жил всем тем, что меня окружало. Футбол так футбол. Шахматы — увлекался ими и я. Физическому школьному кабинету я тоже отдавал должное предпочтение. И если мы затрагивали вопрос, кем стать, то я всегда останавливался на том предмете, которым увлекался в данный момент. В ту пору мне хотелось быть физиком. Только что появились детекторные приемники, и мы много времени отдавали сбору таких приемников, находя бог знает где и каким путем материалы. Словом, мое время было иным, чем времена моих предков. Вот почему первую поездку в Печорский край в 1924 году я считаю крутым поворотом в своей судьбе.

На далекую Инту

Наступил день отъезда — 10 июня. На вокзал я поехал в сопровождении печальной мамы и ликующей сестры. Около поезда мы встретились с Е. Д. Сошкиной и Т. А. Добролюбовой. Мама много говорила с Елизаветой Дмитриевной, просила ее быть со мной построже, не позволять мне выходить из вагона на станциях, не шалить в лодке (этого мама больше всего боялась: я ведь не умел плавать). Словом, говорилось много и все обо мне. Наконец раздался гудок паровоза. Я выслушал последние наставления, поезд тронулся и медленно пополз вдоль платформы. Я заметил, как заплакала мама; почему-то, не выдержав, прослезился и я. Мне вдруг стало грустно. Я никогда не расставался с домом, и вот теперь, глядя на мамину удалявшуюся фигуру, я не мог простить себе всех проступков, которые доставляли ей столько огорчений. Спазмы сжали мне горло, и, чтобы совсем не расплакаться, я вошел в вагон и уткнулся в окно. Я почувствовал себя совершенно опустошенным: поезд уносил меня от всего, что мне было дорого, к чему я привык. Я покидал мать, свой дом, друзей.

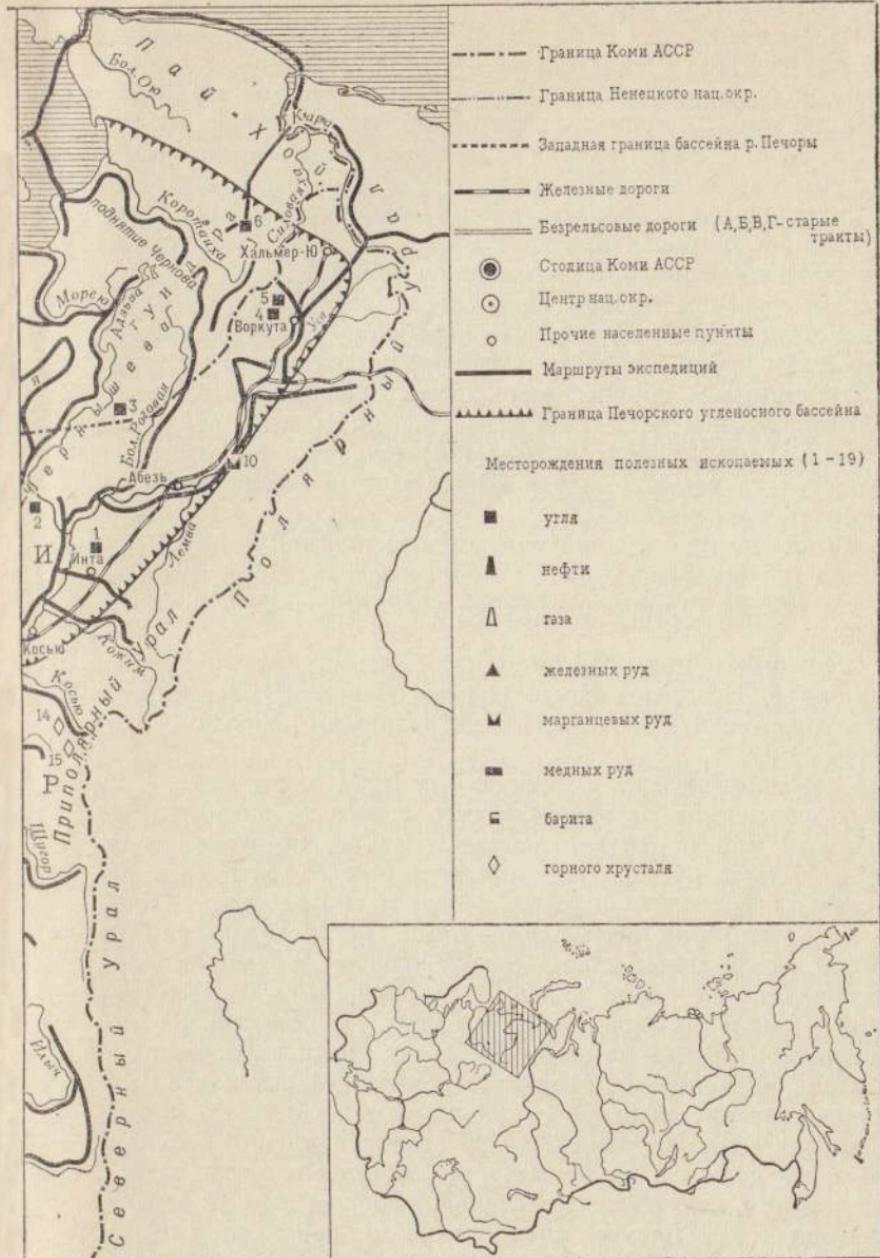
Скоро стемнело. Забравшись на верхнюю полку, я постарался заснуть, но мне это не удалось. В первый раз в своей жизни я мучился бессонницей. Я не имел ни малейшего представления о путешествии и все вспоминал рассказы отца. В памяти всплывали яркие события из его рассказов, и мне казалось, что все должно повториться, раз я еду в Печорский край.

Карта маршрутов геологических экспедиций по Печорскому краю

Месторождения: 1 — Интинское; 2 — Заостренское; 3 — Адзьвинское; 4 — Ворутинское; Киниское; 10 — Сивая Мaska; 11 — Сокотовское; 12 — Извято-Ямское; 13 — Мартюшевское; Васильковское

Тракты: А — Троицко-Печорский; Б — Якшинский; В — Усть-Цилемский; Г — автомобильный

5 — Нижнесырягинское; 6 — Нымдинское; 7 — Кумушкинское; 8 — Светловское; 9 — Пашинское; 10 — Харотское; 11 — Вангырское; 12 — Усинское; 13 — Возейское; 14 — Лая-Вожское; 15 — Троицко-Печорский тракт

Ухта — Троицко-Печорский

Поезд доставил нас в Вологду, где состоялась пересадка на пароход. От Вологды наш путь лежал по реке Сухоне. Большой красивый двухпалубный пароход «Гоголь» в ожидании пассажиров покачивался на причале у пристани. Наконец мы со своими пожитками на нем. В моем распоряжении отдельная каюта второго класса. Мне это понравилось. Я много ходил по палубе и любовался красивыми закатами на реке и ее берегами. На другой день мы подошли к старинному городу Великому Устюгу. С парохода открылась широкая красивая панорама. Купола многочисленных церквей поблескивали на солнце золотом.

Вскоре на высоком правом берегу показался Котлас, откуда наш путь лежал в Усть-Кулом. Мы перебрались на маленький беспалубный (палубой служила крыша) пароходишко «Степан Разин». Устроились в общей каюте. Путь предстоял неблизкий. Около 600 километров до Усть-Кулома рассчитывали преодолеть дней за шесть. Спустившись по Малой Двине, наш пароходишко круто повернуло на восток в устье Вычегды и поплелся вверх по течению черепашьим шагом.

Через 20 километров мы залюбовались панорамой берега. Наш пароходишко пошел мимо города Сольвычегодска. Вблизи я рассмотрел, что вокруг старинного собора сгруппировалось несколько церквей.

Утро следующего дня встретило нас дождем, дул противный встречный ветер. Неслись рваные низкие облака. И берега реки показались мне однообразными, неприветливыми. Унылый пейзаж наводил тоску.

Погода не радовала и на следующий день. Я нашел такого же скучающего пассажира, и мы сразились с ним в шахматы. По национальности мой партнер оказался коми, по-русски говорил хорошо. Кстати, русских пассажиров почти не было на пароходе. От своего собеседника я узнал, что от села Яренска мы плывем уже по территории республики Коми. Вдоль всей реки не оказалось ни одной пристани. Пароход, тыкаясь прямо носом в берег, останавливался около каждого селения, хотя нельзя сказать, чтобы селения на Вычегде были часты. Обычно это небольшие деревеньки. Изредка на высоком берегу среди посеревших и покосившихся от времени бревенчатых изб возвышалась белая церковка, вносившая особый колорит в однообразную картину северной природы. Пароход подолгу стоял у каждого населенного пункта, выгружая и нагружая тюки, ящики и дрова.

Редкие селения, отсутствие пристаней, месиво грязи на берегу, унылая погода — вот первое впечатление о территории Коми края. И задумался я над тем, что же влечет сюда отца, что интересное находит он для своих изысканий на этой земле.

Наконец, мы подплываем к Усть-Сысольску. В 1771 году город посетил академик И. И. Лепехин. В своих «Дневных записках путешествий» он писал, что «поистине село сие у всех зырян в особливом почтении» и что «домы в нем отменные перед другими селами» и уже «построены две каменные изрядные церкви». Он отмечал, что все лучшее в селе принадлежало богачам Сухановым. Даже зырянский промысел на реке Печоре по добыче топчильного камня принадлежал Сухановым. Народ, не имея письменности, свое горе и радость изливал в песнях, свой гнев и возмущение — в сатирических сказках.

Первым певцом здесь был поэт И. А. Кутратов. Самое раннее стихотворение его относится к 1857 году, когда он учился на среднем (философском) отделении Вологодской семинарии. В 1860 году, по окончании семинарии, Кутратов был назначен учителем в Усть-Сысольск. Горячей любовью к народу проникнуты стихи поэта, в которых он смело изобличает царских чиновников, местную буржуазию и духовенство. Внешний облик Усть-Сысольска поэт охарактеризовал так: «Храм один, а все сословья ходят в 20 кабаков!»

Не дотронешься рукою, словно ты харчек, нечист.
Над большою над рекою стал ты мал и неказист.

Народ и поныне чтит первого своего поэта.

В конце города, за ручьем, есть район, который называется Парижем. Сюда еще в начале XVIII столетия были сосланы наполеоновские пленные солдаты. Это название бытует и поныне. В 60-х годах прошлого столетия в окрестностях Усть-Сысольска отбывали наказание более 70 поляков — участников польского освободительного восстания против царизма. Среди них были русский этнограф и географ, литературовед и общественный деятель Н. И. Надеждин, один из организаторов Морозовской стачки — В. С. Волков, а в 1905 году сюда же был сослан В. А. Русанов, впоследствии известный полярный путешественник, исследователь Новой Земли и Шпицбергена.

В годы революции и гражданской войны Усть-Сысольск стал важным организующим центром борьбы с белогвардейцами и кулачеством в крае. В 1918 году городским населением был избран Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в этом же году организована первая большевистская партийчайка под председательством И. П. Андрианова.

Усть-Сысольск расположен на высоком левом берегу реки Сысолы при впадении ее в Вычегду. Издалека, с Вычегды, видна церковь, красующаяся на краю крутого берега среди высоких тополей. Вид изумительный, но не городской. Поднявшись на бе-

рег, я попал сразу в небольшой березовый светлый парк. Но по выходе из парка набережная неожиданно омрачалась неприветливой улицей с деревянными домами. Это был, между прочим, центр города. В 20-х годах каменных домов здесь было очень мало. Первое двухэтажное каменное здание сооружено в 1870 году Сухановыми (теперь здесь разместился краеведческий музей), педучилище построено в 1890 году, есть пожарная каланча, магазин, да, может быть, наберется еще несколько каменных домов. Весь город состоял в большинстве из деревянных одноэтажных домов. От дома к дому проложены деревянные мостки, так называемые тротуары. Немощеные дороги. От них в сухую погоду поднималась пыль, а в дождь разливались грязные лужи. Отовсюду раздавалось кудахтанье кур, по улицам бродили козы и другой домашний скот. А роскошный, дорогостоящий Стефановский собор, возвышающийся среди бедных построек, лишь подчеркивал убогость Усть-Сысольска.

В 1930 году Усть-Сысольск был переименован в Сыктывкар и стал столицей Коми АССР. Кто сейчас попадет в этот город, поизится его виду. Достаточно сказать, что в нем сосредоточены такие крупные научные, учебные и производственные центры, как Коми филиал Академии наук СССР с целой сетью подведомственных институтов, университет, целлюлозно-бумажный комбинат.

Через четыре часа пароход отвалил от пристани. Снова потянулись однообразные вычегодские берега. На шестые сутки в 2 часа ночи прибыли в Усть-Кулом. Несмотря на поздний час, нас приютили в первой попавшейся избе. Однако уснуть скоро не удалось. Только мы расположились на полу со своими мешками, как на нас набросились полчища тараканов. Елизавета Дмитриевна предложила сбежать на сеновал. Мы выбрались на улицу и сладко выспались на сене.

С утра началась лихорадочная подготовка к дальнейшему путешествию. Печорский тракт соединял Усть-Кулом на Вычегде с Троицко-Печорском на Печоре. Дорога протяженностью около 240 километров уходила в тайгу. По тому, как суетились Татьяна Алексеевна и Елизавета Дмитриевна, я почувствовал, что забираемся мы в какую-то глухомань. Я задал глупый вопрос Елизавете Дмитриевне: «Может быть, можно добраться до Печоры другим путем?» В ответ Елизавета Дмитриевна подала мне карту Печорского бассейна и помогла разобраться в его транспортных возможностях. К моему ужасу, оказалось — других дорог нет. Значит, не обманывался я в своих отроческих суждениях о Печорском kraе. Это действительно одна из самых диких и глухих провинций, отличающаяся от других окраин России разве что своими обширными просторами.

Территория Печорского края располагается в самой северо-восточной части Европейской России. В административном отношении она охватывает область Коми АССР и северную часть Ненецкого национального округа Архангельской губернии. Река Печора — главная водная магистраль обширной территории. Эта многоводная река протяженностью 1790 километров собирает воды огромного района и несет их в Баренцево море. Истоки Печоры начинаются далеко на юге, в отрогах Северного Урала. Левые ее притоки стекают с Тиманского кряжа, а правые — с Северного, Приполярного и Полярного Урала. Правые притоки Нижней Печоры и реки Усы прорезают почти всю территорию Большеземельской тундры с севера на юг. При беглом знакомстве с картой тех времен кажется, что вся площадь северо-востока изрезана голубыми дорогами. Но к сожалению, судоходны из них только сама Печора и ее приток Уса в нижнем течении.

Печора протекает по различным областям: лесной, лесотундрой и тундровой, включая горную и предгорную. И может быть, это разнообразие ландшафтов привлекало сюда путешественников. Край малозаселенный и бездорожный. Добраться до самой Печоры можно было тремя путями.

Первый, самый простой — морской — от Архангельска в низовья Печоры. Для геологов он был неудобен. Навигация по Баренцеву морю открывалась лишь в начале августа. В конце октября в низовьях Печору сковывала лед. В короткий навигационный период пароходство не успевало переправлять грузы из Архангельска в Нарьян-Мар. Порт был забит товарами и пассажирами. Люди просиживали здесь в ожидании парохода по две недели. У Печорского пароходства вплоть до 1931 года на счету было всего два грузопассажирских парохода — «Республика» и «Социализм». Первый из них ходил от Усть-Усы до устья Печоры, второй — от Усть-Усы до Троицко-Печорска. За месяц оба парохода успевали сделать один-два рейса. Словом, пока доедешь — работать некогда. Через Архангельск геологи обычно возвращались с Печоры. А уж попадать на Печору приходилось таким вот трудным, по верным путем. По крайней мере мы хоть надолго нигде не застревали, а все время двигались.

Второй путь на Печору шел через Якшинский тракт. Он начинался от Чердыни, в лучшем случае от Ныроба, расположенных на реке Колве. Но до них надо было добраться пароходом от Перми, а до Перми — поездом. Грунтовая дорога тянулась вдоль реки Колвы через деревни Кидус, Корепино и Петрецово и выходила в деревню Якшу, расположенную на Верхней Печоре. Это старинный путь чердынских купцов, бывших в свое время подлинными хозяевами этого края. Тракт находился в довольно сносном со-

стоянни, но путь этот тоже не совсем удобен. На верхнем участке реки в летнее время обнажаются непроходимые перекаты, и Печора здесь летом не судоходна. Приходилось спускаться на лодках до Троицко-Печорска, куда в большую воду поднимались пароходы. Этой дорогой пользовались тогда, когда надо было попасть в верховье Печоры.

И наконец, третий — Усть-Цилемский тракт протяженностью 230 километров. Он начинался от села Койнас на Мезени и выходил на Усть-Цильму. В летнее время этот тракт становился непроеханным, по санному же пути в этом направлении переправляли дичь, пушнину и ценные породы рыб в Архангельск.

Таким образом, ранней весной в Печорский край удобнее всего попасть через Печорский тракт. И теперь мы готовились в дорогу.

Печорский край оставался одним из самых труднодоступных районов нашей страны вплоть до 40-х годов. Вот как описал транспортные условия Печорского края в своей книге «Большая Печора» В. Кантарович, побывавший здесь в 30-х годах нашего столетия. «Агорафобия — боязнь пространства — особый вид психической болезни. Она вилотную подступала ко мне в странствованиях по Печорскому краю. Я противостоял печорским просторам беззащитным, не вооруженным никакими совершенными средствами передвижения. Обмелевшие реки, мокрая, засасывающая тундра, лесное бездорожье подстерегали меня на каждом этапе пути. Ничтожные расстояния — полтораста — двести километров — оказывались вдруг непреодолимыми. Приходилось менять маршрут или подолгу выжидать «оказии». Мысль о непреодоленных километрах страшила. Незаселенные пространства давили на психику». Кантарович в общем-то прав. Исследования свои приходилось планировать в соответствии с возможными путями передвижения — это верно. Если Кантаровича преследовала агорафобия, то я за время своих путешествий приобрел диаметрально противоположное заболевание — клаустрофобию (боязнь тесноты). Во всяком случае по возвращении из экспедиции я всегда ощущал тесноту и духоту в домашних условиях.

Наконец найдены четыре подводы: три одноколки под багаж и один тарантас для женщин. Тарантас — это попросту плетеная корзина с пахнущим свежим сеном, в которой при желании можно ехать лежа. Я расположился на одноколке поверх тюков и не без зависти поглядел на тарантас. И как это одноколка, подумал я, с одной колесной осью покатит по ухабистой дороге? Да ведь она на первом же ухабе развалится. С годами я убедился, что на одноколке по печорским дорогам ездить удобнее, чем в тарантасе. Одноколка дает только один толчок на ухабах, двухосный тарантас — два, и вся защита от синяков — уютное ложе из сена.

На другой день мы покинули Усть-Кулом. Все мужчины, в том числе и я, боясь быть осмеянными любопытными зрителями из деревни, вышли пешком, женщины восседали в тарантасе. Добирались до деревни Пожег. Дорога оказалась довольно сносной, сухой. Пришлось взгромоздиться на одноколку, а возчики оседлали лошадей. Поехали быстрее. Дорога уходила в сосновый бор. Высокие сосны с раскидистыми кронами почти не пропускали света. Под колесами мягко шелестели сосновые иглы: полное впечатление тенистой аллеи старого парка. Но мало-помалу сосны стали уступать место березке, а затем потянулся смешанный лес. Появились болотца, ручьи. Дорога терялась. Лошади наши разбрелись, отставая друг от друга; моя одноколка почему-то поплелась последней.

Скоро мы потеряли остальных из виду. Чтобы не сбиться с правильного пути, приходилось сначала отыскивать свежие следы только что прошедших телег, а потом наверстывать потерянное время, подхлестывая усталую лошадь на сухом участке дороги. Так проехали несколько часов в надежде за каждым поворотом дороги, за каждым оврагом увидеть своих. Мне надоело трястись в одноколке. Я соскочил с тюков и пошел пешком. Вот тут-то и состоялась моя первая встреча с... комарами. Пока я сидел на своих тюках, а лошадь двигалась более или менее быстро, тучка комаров вилась сзади. Но не успел я опуститься на землю, как эта тварь облепила меня. Да что облепила! Я просто окунулся в жужжащую живую массу. Комары лезли в глаза, в уши, в рот, волосы. Я отмахивался руками, наконец сорвал ветку — ничто не помогало. Я побежал, и только тогда почувствовал некоторое облегчение. Но долго ли пробежишь под палящим солнцем? И все-таки я бежал. В таких муках прошел час, а подвод все не было видно. Вдруг деревья надо мной сомкнулись, мне стало жутко среди этого дикого леса. Я бросился было в сторону, но лес оказался непрходимым. Всюду торчали пни, коряги, поросшие мхом, напоминающие фантастические фигуры. Мне даже захотелось закричать, но я одумался: а вдруг действительно за поворотом окажется тарантас? Мне стало стыдно, и я ускорил шаг.

Признаться, я никогда не любил леса, да и не часто приходилось мне до сих пор бывать в нем. Вдруг тишину нарушил скрип телеги. Я обрадовался, но напрасно. Подвода шла навстречу. Проверившись с возницей, я спросил, далеко ли повстречались ему наши подводы. Но человек пробормотал мне что-то на своем языке и, махнув рукой на прощанье, подхлестнул свою лошадь. Я остался один. В 22 километрах от Усть-Кулома мы предполагали пить чай. Верстовой столб показывал 19, значит, идти еще три кило- «Печорская межпоселенческая централизованная библиотечная система»

До избушки я дошел один. Подводы были уже распряженны. Мой возница плелся где-то сзади; он пришел полутора часами позже меня. К этому времени мы успели напиться чаю, а я, кроме того, наловил мелкой рыбешки на уху.

Избушка, как ни странно, оказалась постоянным двором. Такие избушки-станции были разбросаны почти вдоль всего тракта. Судя по той убогости, которую застали мы, вряд ли постоянные дворы Печорского тракта когда-либо процветали, а в то время вообще влачили жалкое существование. Кроме наших экспедиций, редко в эти края судьба забрасывала человека.

До Пожега оставалось 30 километров, но дорога стала хуже. В полдень пришлось передохнуть. Развели грандиозный костер и дымокур, потому что не успели лошади остановиться, как на нас напали мириады комаров.

Дымокур — лучшее средство от комаров. С него начинался день, он был постоянным спутником в работе (впоследствии я приучился делать дымокур в ведре и ходил с ним по тундре). В безопасности чувствуешь себя лишь тогда, когда вокруг горят несколько костров с тлеющими сырьими зелеными ветками. И пока у тебя текут слезы от дыма, комары тебе не страшны. В какой-то момент даже покажется, что комары лучше дыма. Выходишь из дымовой завесы на свежий воздух — и... тоже невозможно дышать. Бывают такие серенькие безветренные дни, когда воздух буквально насыщен кровопийцами. В какой-то степени правдоподобно определение местных жителей: «Платок бросишь — не упадет». Кстати говоря, кусают только самки; кровь им нужна для вывода себе подобных.

Несколько часов отдыха в лесу у костра под покровом дыма за шутками-прибаутками, на которые оказались большие мастера наши проводники, прошли незаметно. Надо сказать, что мы не очень торопились. В этих краях наступление темноты не пугало, что, кстати говоря, обескураживало меня поначалу. Белые ночи давали возможность двигаться в течение суток. И кажется, наши возчики предпочитали двигаться ночью, когда прохладнее и меньше комаров.

Лишь к вечеру тронулись в путь. В деревню Пожег прибыли утром. Остановились опять в первой попавшейся избе. Народ в этих местах оказался весьма гостеприимным. Мы не испытывали никаких затруднений в поисках ночлега. Все дома были открыты в буквальном смысле. Здесь не существовало замков. Если хозяева уходили далеко, то обычно у двери ставили палку — знак «нет хозяев», заходить не стоит.

Утомленный множеством дневных впечатлений, я сразу же заснул как убитый. Разбудили меня в 10 часов утра. Лошади были

запряжены, и все было готово к отъезду. Но погода испортилась: моросил дождь. Это не предвещало ничего хорошего, могла испортиться и без того плохая дорога, и потому решили добраться во что бы то ни стало до Помоздино, до которого было 30 с лишним километров.

Дорогу действительно развезло. По глинистой почве неподкованные лошади еле ползли. Наконец мы вышли к Вычегде. Через реку переправились на утлом пароме. В деревню приехали как раз к ужину. Хозяйка дома, в котором мы остановились, угостила нас чаем и шаньгами (подобие русских ватрушек, только вместо творога картошки). Горячие, залитые сметаной или топленым маслом шаньги возбуждали аппетит.

Село Помоздино небольшое. В 1902 году здесь проживал полярный исследователь В. А. Русанов. Сохранилась братская могила, в которой похоронен большевик А. И. Шомысов, погибший за власть Советов в 1919 году. Именно здесь была расстреляна белыми бандитами революционерка Домна Каликова. И жители села чтят память о бесстрашной девушке.

Пройдено сто километров пути — это лучшая часть Печорского тракта. А вот дорога от Помоздино до Троицко-Печорска, так называемая тайбола, добрых 150 километров, не предвещала ничего хорошего. Она тянулась по прямой линии через множество болот и низин. На этом участке не было ни одной деревни, где можно было бы поменять лошадей. Через болота когда-то были проложены настилы из бревен, так называемая гать. От времени бревна почти нацело сгнили. Но как бы то ни было, в селе нашлись желающие сопровождать нас до Троицко-Печорска.

К 10 часам утра у нашей избы собралось немало народа. Все наперебой старались дать совет и напутствие добрым словом. Очевидно, не очень-то внушительно выглядела наша экспедиция в составе двух молодых женщин и мальчишки-подростка. Переезд зависел только от наших проводников, на опыт которых мы полностью полагались.

В течение шести часов нас преследовали всевозможные дорожные неприятности. И в довершение всего в моей повозке сломалась оглобля, потому что мне вдруг вздумалось управлять своей лошадью самому. Еле-еле добрались до избушки станции Подора. От тряской дороги стучало в голове. Кое-как выпрягли лошадей и пустили их пастись без привязи, хотя у каждой на шее брякал колокольчик. Решили основательно отдохнуть. Меня мучила мысль, что мы будем делать, если лошади потеряются. Я прислушивался к звону колокольчиков и ожидал сигнала Елизаветы Дмитриевны к сбору.

До следующей избушки — Эжвадор было около 35 километров.

Правда, проехать удалось лишь 15. Опять измученные ямщики остановились на отдых, выбрав для этого неплохую полянку. Развели костер, перекусили и легли спать: мы на тюках, ямщики — вокруг костра. Часа через два я проснулся не то от холода, не то от какого-то звука. Прислушался. Дружно хранили ямщики. Каждый заливался на свой лад. Я встал и, чтобы согреться, развел костер. От треска дров проснулась Татьяна Алексеевна. Солнце поднялось уже высоко, стало пригревать. Скоро проснулись все, и, не мешкая, мы тронулись в путь.

К 7 часам утра добрались до избушки Эжвадор и очень обрадовались тому, что она оказалась обитаемой. Здесь в одиночестве жил старичок. И хотя мы нагрянули неожиданно, старичок заметно оживился, когда мы сказали, что отдохнем у него от трудного пути. Он поставил самовар. А я пока пошел обследовать окрестности. Неподалеку протекала небольшая речонка. Через нее перекинут деревянный мостик. На воде покачивался плот. Речонка оказалась истоком самой Вычегды. От устья Вычегды, там, где она впадает в Северную Двину, мы начали свой путь по этой реке и вот теперь на лошадях через болота и леса добрались до ее истоков. Река тянется на 800 километров. Проделан огромный путь, ушло много времени, а мы все еще не приступили к работе.

Вхожу в избу и вижу: на столе пыхтит объемистый самовар, стоят горка баранок (наше угождение) и миска с шаньгами (угождение старичка). Все пьют ароматный, свежезаваренный чай. Присаживаюсь и я. Незаметно самовар пустеет. Старичок пошел ставить другой. Сколько мы сидели за столом, сказать трудно, но скоро старичок принес третий самовар. И не знаю, чем бы кончилось это чаепитие, если бы Елизавета Дмитриевна не сказала, вставая из-за стола: «Ну, пора отдохнуть, скоро поедем».

Дорога от Эжвадора до Зеленца производила мрачное впечатление. На этом перегоне когда-то горел лес, и черные обгоревшие голые стволы деревьев торчали среди молодого зеленого кустарника. Все здесь казалось мертвым: не слышно было ни щебетания птиц, ни журчания насекомых.

После долгих часов езды по этому унылому месту мы добрались до Зеленца. Навстречу нам вышел хозяин, за ним — хозяйка, а затем по старшинству — дети. Сколько их было у этой счастливой четы, сразу пересчитать не удалось. Все они устремили на нас любопытные взгляды, и тут же Елизавета Дмитриевна стала одаривать их баранками. Мы решили заночевать здесь, спать устроились на улице.

От Зеленца до Троицко-Печорска оставалось около 70 километров. В 40 километрах от Зеленца, в Нюмылге, мы сделали последний привал и провели его в обществе четы альбиносов. От-

куда взялись здесь эти люди, для меня осталось загадкой и по сей день. Последние 30 километров плелись еле-еле. Я с нетерпением следил за верстовыми столбами, которые кое-где здесь сохранились и, бесконечно путался в счете километров. Наконец показалась река Сейда. Переехали деревянный мосток, существующий здесь с незапамятных времен. В деревню Сейду прибыли только к утру, когда все спали непробудным сном. Услыхав звон колокольчиков, ребятишки выбежали открыть нам ворота. По главной дороге села лошади промчались рысью, оставляя за собой пыль, и мы скрылись под неумолчный лай собак, так и не познакомившихся с Сейдой.

Вскоре показалась маковка Троицко-Печорской церкви. Меня поразило своеобразие красоты этого местечка. Утренние лучи солнца пронизывали прозрачный, чистый воздух, а нетронутая гладь реки излучала голубоватый свет. Все здесь казалось чистым, голубым, прозрачным. Эта первая встреча с Печорой в лучах восходящего солнца осталась у меня в памяти на всю жизнь. Мы проехали к той избе, в которой обычно останавливался отец. Село пробуждалось. На звон колокольчиков выходили люди.

Утомленные дорогой, мы сразу же улеглись спать. Несколько часов крепкого сна на свежем, здоровом деревенском воздухе окончательно восстановили силы. Встали бодрые, как будто бы и не было трудного пути. Самовар стоял на столе, хозяева поджидали нас к чаю. Но я первым делом побежал к реке — полюбоваться. Печора, как много о тебе говорилось в нашем доме, и вот теперь ты передо мной! Вспомнив тракт, я облегченно вздохнул.

После завтрака хотел побродить по берегу. В экспедиции я был самым молодым, и потому делать что-либо по своему усмотрению мне не удавалось. Пришло разбирать багаж. И только на другой день я пошел знакомиться с рекой и селом.

Троицко-Печорск — старинное село; оно возникло в 1674 году в связи с интересом к рыбным и звериным богатствам района Верхней Печоры. Как раз против села Печора поворачивает с востока на север. С левой стороны, ниже поворота, она принимает приток Мылову, которая несет в Печору много воды. Расстояние между берегами, покалуй, будет здесь с километр. Вот почему Печора выглядит величавой рекой даже на этом участке своего верхнего течения. В селе около сотни дворов, большинство их расположилось на ровной террасовой поверхности. Вдали от реки, за селом, поднимается высокий коренной берег с могучими кедрами. Далее простирались вспаханные под посевы поля. По правому, низкому берегу Печоры тянулись сенокосные луга. Кругом роскошная природа. Вот только жалкое впечатление произвели избы — бревенчатые, покерневшие, покосившиеся от вре-

мени, с еще более черными пристройками, или клетями, для скота.

В Троицко-Печорске пришлось прожить восемь дней в ожидании парохода. Однажды хозяева разрешили мне покататься на лодке. Не успел я выйти на берег, как около меня собралась вата-га ребят. С шумом и криком все погрузились в лодку и отправились на другой берег. Я ни слова не понимал по-коми, но тем не менее подчинился общему настроению, потому что ребята оказались опытнее меня. Один парень деловито держал в руках настоящее ружье. Когда мы сошли на берег, он отправился охотиться на уток. Остальные бросились врассыпную и потерялись в высокой траве, мало думая о комарах. Какое раздолье: солнце, воздух, вода, лодка, поле, наконец, ружье! Юнцу, который пошел охотиться, было не больше 14 лет, мне — 18, а я еще ни разу не держал в руках настоящего ружья. Словом, я позавидовал здешним ребятам...

Чуть ли не с пеленок местные дети приучены к реке и лодкам. Самостоятельность с детских лет они приобретали в процессе трудных природных и бытовых условий. Я же попал на Печору в юные месяце и рассказываю о своих первых впечатлениях, относящихся к летнему периоду. Позже мне не раз приходилось видеть тех же ребят за веслами, за рулём под дождем и шквалистым осенним ветром. Человеку, родившемуся на Печоре, всякий труд в любом возрасте был под силу.

Однажды я вынес на улицу залежавшийся в мешке футбольный мяч, чтобы поразмять ноги, и привлек своей игрой немало народу. Я жестами пригласил мальчишку поиграть. Но к моему удивлению, ребята посторонились. Зато взрослые проявили большой интерес. С особым усердием я стал демонстрировать свое искусство. Но первый мой удар вызвал совершенно неожиданную реакцию: последовал оглушительный смех. От удивления я раскрыл глаза. Наконец из толпы вышел самый храбрый, он изъявил желание проделать то же самое. Воцарилась тишина. Храбрец подошел к мячу. Но он метился очень долго и потому в самый критический момент, сделав рывок ногой, потерял равновесие и уселился на землю. Мяч остался лежать, не шелохнувшись. И это вызвало взрыв хохота. Смельчак поднялся с виноватой улыбкой и отошел в сторону. Больше смелых не нашлось. С напускным пре-восходством я стал уверять, используя весь свой небогатый запас слов, что орудовать мячом очень просто, и доказал это, запустив мяч в толпу. Волей-неволей все включились в игру. Через несколько минут уже каждому хотелось ударить мяч ногой или рукой. Наконец люди стали просто отнимать мяч друг у друга. Игра перешла в американский футбол. Я не ожидал такого азарта: взрослые веселились, как дети. Уезжая из Троицко-Печорска, я

подарил футбольный мяч своим многочисленным друзьям. И есть основание полагать, что мяч долгое время развлекал этих детей, так как память о наших играх сохранилась на долгие годы.

Третьего июля долгожданный «Социализм» показался на Печоре. Через несколько часов все наши пожитки и мы были уже на пароходе, который привлек мое внимание больше, чем я ожидал. Когда-то он назывался «Алексей» — это бывшая собственность чердынских купцов, главной целью которых была торговля. Наверное, по этой причине на пароходике было всего шесть кают. К нашему времени в каютах проходились потолки. Я устраивался на палубе у дымовой трубы и предавался размышлениям о своей судьбе и о начавшемся путешествии.

Я подружился с капитаном парохода. Очень приветливым оказался этот человек. Он был из Чердыни и водил это суденышко, еще когда оно принадлежало купцам. Привычка сделала свое дело: Любимов (мне запомнилась фамилия капитана) не расставался со своим «детищем» и каждое лето приезжал на Печору. Он, между прочим, хорошо знал моего отца. Да и не трудно было запомнить его, так как каждое лето на Печору приезжала единственная экспедиция А. А. Чернова. Капитан разговаривал со мной как со знатоком геологической науки, а я, к сожалению и стыду своему, не имел о ней никакого понятия. Вот где я почувствовал пробел в своем воспитании, и у меня зародилась мысль восполнить его при первой возможности.

С каждой остановкой на пароходе оставалось все меньше и меньше пассажиров. У устья реки Побчерьем, в деревне Побчерье, сошла Татьяна Алексеевна. Она должна была проводить геологические исследования по реке Побчерьем. А нам еще оставалось плыть 260 километров. Около деревни Аранец капитан дал мне бинокль, и я впервые в своей жизни увидел горы — седой, древний, суровый Урал. На расстоянии 50 километров от Печоры в прозрачном воздухе на фоне голубого неба бледными линиями вырисовывались горные вершины хребта Сабля. Около Аранца Печора ближе всего подходит к Уралу. Я смотрел, не отрываясь от бинокля, и это видение таяло, исчезало у меня на глазах, по мере того как пароходик двигался вниз по течению. О чём я только не мечтал в этот момент, представляя себя чуть ли не Колумбом! Полсотни километров — и горы доступны.

Через два дня с Печоры показался усть-усинский берег, затем деревянная церковь. Пароходик пришвартовался к старому дебаркадеру. Удивительное зрелище: крутой 60-метровой высоты берег без малейшей растительности густо усеян деревянными домишками — это и есть село Усть-Уса. Берег сложен валунными суглинками, а выше по склону залегают водоносные пески с прослойями

глины. Породы эти под влиянием силы тяжести перемещаются по склону. Село буквально утопало в грязи. Лишь у некоторых домов возделаны огородчики и кое-как росла картошка. Кажется, что люди поселились на этом неудобном склоне только с одной целью — быть поближе к воде. Река для местного жителя — всё. Люди привыкли к своему селу и принародились к его природе. Грузы по селу перевозились на лопадях, запряженных в сани. Грязь была настолько глубока, что тут застрияли бы любые колеса. Свой груз мы тоже повезли на санях вверх по косогору к избе И. Д. Онуфриева, где должны были остановиться.

С усинского берега открывалась красивая панорама окрестностей Печоры и Усы. Далеко виден высокий правый берег Печоры. Вот она отклоняется влево и теряется среди многочисленных низких островов и террас. Хорошо заметен левый, коренной, высокий берег, называемый Смольным материком, до которого отсюда 20 километров. На юге, слева от Печоры, усинское болото прячется в залесенной низине. В ясные дни проглядываются отдельные горные вершины Приполярного Урала.

В Усть-Усе окончательно подготовились к полевым работам. Илья Денисович помог Елизавете Дмитриевне купить лодку и подыскать рабочих. Это оказалось сложно: люди в селе были заняты сельскохозяйственными работами. Нам нужны были хорошие проводники-лодочники. Наконец удалось уговорить двоих. Один из них — рослый, крепкий парень по имени Петр, мне ровесник. С виду на него можно было положиться. Другой — старичок Филипп, лет шестидесяти, худощавый и довольно шустрый. Говорили, что он умен и хорошо владеет рулем. И вот мы готовы к отъезду. Часть груза оставили отцу, который должен был приехать позже нас. Оборудовали лодку, приготовили лямку с бечевой, спустили лодку на воду. Это наш транспорт, от которого отныне зависит успех всей работы. Я не мог представить, как это мы потянем лодку бечевой вверх по реке, как бывало тянули бурлаки.

В день отъезда на берегу собрались провожающие, в том числе и наш гостеприимный хозяин. Как и полагается при отплытии, раздалось три ружейных выстрела. Петр дал ответный выстрел, затем надел лямку на плечо и пошел вдоль берега пешком. Филипп оттолкнулся шестом от берега, и лодка медленно (со скоростью движения Петра) пошла вверх по реке. За Петром бежала по берегу его любимая собачонка — Точка. Филипп рулил веслом на корме. Лодка была нагружена до отказа. Мы с Елизаветой Дмитриевной сидели в середине на мягких вещах.

Сколько же потребуется времени, чтобы покрыть нужное нам расстояние? Петр шел медленно, и совсем не потому, что ленился.

Берег вскоре оказался совсем непригодным для передвижения: низкая терраса, заросшая кустарником, а внизу около воды крутой глинистый склон, загроможденный упавшими деревьями, размытыми корнями кустарника и торфяниками. Петр измучился, преодолевая преграды, и, не выдержав, сел в лодку: решил грести веслами вверх по течению. Уса на этом участке оказалась довольно быстрой рекой. Дул слабый, но встречный ветер. Казалось, что лодка стоит на месте. А нам следовало пройти километров 200 до устья Косью, затем по последней до устья Большой Инты.

В первый день нашего путешествия мы прошли километров пятнадцать, после чего остановились на ночлег. Как сейчас помню свой первый экспедиционный день. Я не мог оставаться безучастным ко всему, что делалось вокруг, а в результате лишь попусту суетился и устал с непривычки, как никогда. А дел-то всего: вытащить на берег лодку, чтобы ее не унесло течением ночью, поставить палатки, развести костер и сварить ужин. И не забыть мне первую ночь в палатке под пологом на свежем воздухе без комаров, клопов и тараканов, которыми изобиловали все деревенские избы, где нам приходилось до сих пор ночевать.

Раннее приветливое заполярное утро. Елизавета Дмитриевна поднимает нас. Разжигаем костер, пьем чай, упаковываем вещи, грузимся и снова в путь. Наконец-то кончилось пассивное прозябанье. Вот только река оказалась скучноватой. В этот день нам повезло больше: подул попутный ветерок. Под парусом поднимались быстрее, чем на бечеве.

Я с нетерпением ждал двух событий: пересечения Северного полярного круга и начала полевых работ. Выше устья Колвы, в 25 километрах от Усть-Усы, мы остановились у обнаженного берега высотой метров тридцать пять. Елизавета Дмитриевна с геологическим молотком и записной книжкой в руках вышла из лодки. Она стала копать глину и что-то записывать в книжку. Затем взяла образец породы и показала мне, как надо завернуть его в бумагу и положить маленькую записочку — этикетку. Так я приступил к обязанностям коллектора.

Пока Елизавета Дмитриевна осматривала берег внизу, я успел забраться наверх. Здесь оказалось куда интереснее. Взору открылись привлекательные дали. На западе еще виднелось село. На востоке, куда держали свой путь мы, зеленили массивы лесов. Серебряная лента Усы вилась среди зеленого леса. Видно было, как река поворачивает на север. Всюду широкие необозримые просторы, несколько грустные в своей суровой северной красоте. Сколько нетронутой, не освоенной человеком земли! Какие охотничьи угодья!

Помню, как я замечтался на этом безжизненном берегу. В го-

лову приходили невероятные фантастические мысли. Но разве мог я представить в тот момент, что через 50 лет на этом пустынном берегу, в Большеземельской тундре, вырастет первый город нефтяников и к его возникновению я буду иметь прямое отношение!

К вечеру на трети сутки на берегу показалось большое стадо коров. Мы ожидали увидеть большую деревню, но когда подъехали, то обнаружили только четыре дома. Деревня называлась Сыня-нырд. На каждую избу приходилось пять-шесть коров. Превосходные луга кругом. Значит, охота не главный промысел в этой местности и молочная продукция находила себе сбыт. Оленеводы обменивали мясо и шкуры на молочные продукты.

Петр и Филипп сразу же отправились в гости, хотя здесь и не планировалась почевка. Часа два мы с Елизаветой Дмитриевной просидели в лодках в ожидании проводников. Наконец она не выдержала и послала меня «вызволять» пропавших. Я пошел по избам и в одной из них нашел Петра и Филиппа за праздничным столом. Соблазнительно шипел самовар. Мне вдруг тоже захотелось выпить чайку, и я не без удовольствия сел за предложенную чашку чая. За столом между тем шла оживленная беседа. Гости рассказывали собравшимся в избе людям, зачем и почему они едут с нами, кто мы такие, какие у нас цели и так далее. Елизавете Дмитриевне ничего не оставалось, как согласиться на почевку, да и время клонилось к вечеру. Утром нас провожала вся деревня.

А вот и долгожданная Адзьва — большой правый приток Усы, у устья которой Уса пересекает Северный полярный круг. Мне думалось, что это событие внесет ощущимые перемены в наше путешествие. Северный полярный круг — подумать только! Но перемен никаких не произошло, разве что и без того длинный день стал еще длиннее и солнце совсем не заходило за горизонт.

Огромное впечатление произвели на меня скалы на реке Усе, выступающие в 150 километрах от устья, около притока Адак. Поразительное зрелище для человека, увидевшего впервые в жизни подобные выходы горных пород! Я замер, когда лодка скользила по воде мимо этих торчащих из воды высоких светло-сероватых известняков.

Поскольку на этой территории впервые производились геологические исследования, то приходилось изучать все породы и осматривать все выходы. Елизавета Дмитриевна решила сначала осмотреть скалистый островок, который распростерся в русле реки и очень напоминал своими очертаниями лежащую корову. Назывался он Мос-ди, что означает «Коровий остров».

Дул слабый попутный ветер, мы шли под парусом. Филипп аккуратно подрулил к островку, и мы приступили к обычной своей

работе. Порода оказалась очень крепкой, и Елизавета Дмитриевна долго выбивала окаменелые органические остатки. Это нас несколько задержало. Когда мы сели в лодку и отплыли от берега, ветер заметно усилился. На широкой реке быстро разыгрались волны, лодку стало заливать водой. Филипп, понимавший характер реки, в данный момент уже не мог ставить лодку поперек течения. Тогда и я тоже недоумевал, почему нельзя плыть к берегу. А ветер между тем усиливался. При каждом набеге волны лодка наполнялась водой. В какую-то минуту мне показалось, что мы на краю гибели. Надо было видеть нас: Филипп грозно кричал, приказывая Петру отвязать парус. Петр же, стоя в лодке, покачиваясь, не мог справиться с проклятыми узлами и веревками. Я дрожал от страха и беспомощно держался за борта лодки, как утопающий за соломинку. Елизавета Дмитриевна жалобным голосом умоляла ехать к берегу. Я глядел на нее с раскрытыми от ужаса глазами. Мне казалось, что наша судьба зависит от нее: ведь она как-никак начальник экспедиции. Только один Филипп усердно старался вывести лодку из опасного положения. Наконец злосчастный парус упал. Но лодка уже была полна-полнехонька воды. Елизавета Дмитриевна быстренько принялась снимать сапоги. Кроме нее, никто из нас не умел плавать. Не знаю, как почувствовали себя при этом остальные, а я вцепился ей в руку и замер — она вскрикнула от боли. Филипп приказал всем вычерпывать воду. Петр, между прочим, тоже сидел ни жив ни мертв. Мы с Петром принялись за работу, которую надо было бы начать минут 10—15 назад. Вычерпывали тем, что под руку попалось: Петр — котелком, я — миской. Какие силы принесли нас к берегу, сказать затрудняюсь: то ли ветер вынес лодку, то ли он стих и волны стали поменьше. Но я хорошо помню, что мы долго не могли прийти в себя. А Филипп все время сердито приговаривал: «Этак с вами и пропадешь!» И он был прав.

В деревне Адак нам сказали, что выше по Усе скал не будет. Но независимо от этого нам следовало подниматься до реки Косью и далее. У устья Косью, в деревне Косьювом, мы остановились на почевку. Опять деревенька из четырех домов. Утром спрашиваем жителей о скалах на реке и узнаем, что скалы обнажаются далеко в верхнем течении. В план наших работ входило осмотреть Большую Инту, впадающую в Косью с правой стороны в 25 километрах от устья.

Косью оказалась извилистой, с низкими берегами и тихим течением. Шли на бечеве. Поздно к вечеру подъехали к деревне Дресвянка. Три домика живописно приютились в зарослях кустарника на берегу реки. Зашли в первую попавшуюся избу. Следом за нами в эту избу собралось все население деревеньки послушать,

какие новости привезли приехавшие из далекой Москвы люди. Здесь не знали ни радио, ни газет.

От Дресвянки поднялись шесть километров по Косью до устья Большой Инты. В низовье Большая Инта оказалась узенькой, но довольно глубокой рекой. Она извивалась среди разросшегося, совершенно непролазного кустарника. Поднималисьнейшей частью на шестах. Правда, далее характер реки изменился: появились перекаты, местами мели. Иногда, стоя по колено в воде, волокли лодку между камней, продвигаясь метр за метром вперед. Да еще щуки отвлекали нас. Крупные, широкоспинные, они сновали в воде, пугаясь лодки. Петр бил щук острогой, а я ему только за-видовал.

Чем выше, тем уже и мельче становилась река. Наконец на лодке продвигаться стало невозможно. Пришлось обследовать реку пешком. Захватив одежду для ночевки в лесу, мы отправились в путь. Судя по всему, день ожидался хороший. Воздух был напоен ароматом девственных лугов, и какая-то особенная тишина царила кругом. Но как только мы сделали первые шаги, все очарование природы рассеялось. Ноги запутывались в высокой траве: луга здесь никогда не косили. Опьяняющий запах этой роскошной, почти в рост человека травы дурманил голову. Мокрая от росы одежда прилипала к телу. Ощущалась тяжесть рюкзаков. Чем выше поднималось солнце, тем злее становились комары. Ко всему этому прибавился страх: наш путь часто пересекали медведи тропы. Мы двигались осторожно и тихо, боясь как бы не встретиться с медведем с глазу на глаз. Все наше оружие заключалось в охотничьем ноже, лопате, топоре и геологическом молотке.

На расстоянии 15 километров не удалось встретить ни одного обнажения. А время между тем клонилось к вечеру. Решено было почевать под открытым небом.

Ночь прошла тревожно. Засыпал и видел со всех сторон медведи морды, вздрагивал и просыпался. Под утро не спалось от холода. Вся долина реки утонула в бело-молочном тумане. Как только туман начал рассеиваться, все встали. Филипп остался около вещей, а мы втроем налегке пошли вверх по реке в надежде найти скальные выходы. На расстоянии пяти километров тянулся такой же заросший травой берег без единого обнажения. Елизавета Дмитриевна скомандовала повернуть обратно. Но чтобы сократить путь, мы пошли лесом, срезая петли реки. А когда вышли к реке, то рядом со своими следами на песке увидели перетоптанные медведи. Елизавета Дмитриевна вздрогнула и остановилась. Прошло не более часа, как мы проходили здесь. Жаль, что с нами не было Филиппа. Хоть и не силен мужичок, но находчив и не терял самообладания в критическую минуту — это мы знали

по происшествию на Адаке. На другом берегу виднелось небольшое обнажение. Побрели к нему гуськом через реку, даже не пытаясь найти брод. Холодно, трудно, страшно. Удивительно то, что никто из нас не высказал ни малейшего недовольства. Все подчинились одному желанию — побыстрее закончить неприятный маршрут. Молча переправились на другой берег. Но прежде чем приняться за работу, решили согреться и обсохнуть. Приволокли сухих елок и разожгли грандиозный костер. Потрескивание дров подняло настроение. В таких условиях огонь — это жизнь, да и медведь не подойдет к огню, как нас уверял Филипп.

В склоне задернованного берега обнажались отдельные пласти песчаников и почти черных глинистых сланцев пермского возраста. Пришлось расчистить обнажение лопатой. И только когда обнаружились два угольных пласта до полутора метров мощностью каждый, Елизавета Дмитриевна ожила. Ее настроение передалось и нам. Радовался вместе с ней и я, но по сути дела не понимал, что из того, что на какой-то Большой Инте, за тридевять земель от центра — два пласта угля.

Обратный путь вниз по реке не составил труда. Через несколько часов мы находились уже у устья речушки Неча. Здесь должна была состояться наша встреча с отцом, и поэтому мы остановились на почлег. Весь следующий день прошел в ожидании, но напрасно. Встреча не состоялась и далее по реке. Мы плывли днем и ночью. Спать приходилось очень мало. За час наша лодка шла семь-восемь километров, почти как пароход вверх по течению.

В конце июля были в Усть-Усе, но и здесь отца не оказалось. Лишь в полдень 3 августа с низовий Печоры пришел пароход, с которым приехали отец и его помощники — палеонтолог М. И. Шульга-Нестеренко и геолог В. П. Тебеньков. Этот день мы провели по-праздничному. Все собрались за столом и долго обсуждали открытие угля на Большой Инте. Отец намеревался работать на реке Нече, но наши находки заставили его обследовать также и месторождение на Большой Инте.

В Усть-Усе мы провели день вместе, ходили с отцом на охоту, и он учил меня стрелять. Против села на низком берегу простирались длинные озера-старицы, в которых водились утки. Я, правда, только вытаскивал убитых уток из озера. Но зато потом мы сделали мишень, и я стрелял в первый раз в жизни из 12-калиберного ружья. Прицелился, взвел курок, но в эту минуту мной овладел страх, я зажмурился и все-таки спустил курок. Осечка, и, может быть, к лучшему. Я снова взвел курок, и снова самой собой закрылись глаза — ожидаю осечки, как благополучного исхода. Меня оглушило и сильно ударило в плечо, потому что я не прижал к себе ружье. Дым рассеялся, волнения исчезли, и я побежал к

упавшей доске. Оказалось, я попал довольно точно. Удача вселила в меня надежду, что стрелять я все-таки научусь. Я попросил отца купить мне ружье тут же, в селе. Но он в ответ достал три плитки шоколада и, улыбаясь, подал их мне. Я очень любил шоколад, но заменить ружье тремя плитками... Я насупился, отец достал еще две плитки, а ружье пообещал купить в Москве.

Моя полевая жизнь кончилась. Начинались дорожные приключения. Пароход из Усть-Усы уже ушел. Решили плыть на лодках. До деревни Щельябож прошли удачно благодаря хорошей погоде и опытным проводникам. В Щельябож наняли лодочников, которые согласились сопровождать нас до Щелья-юр — это 200 с лишним километров. Двое суток стояла благоприятная погода, а потом посерело, подул встречный ветер. Елизавета Дмитриевна решила переждать непогоду в ближайшей деревне. Только было мы расположились в избе на отдых, как пришли наши проводники и сказали, что ехать надо, пока небо проясняется, а то как бы хуже не стало. В Щелья-юр стоял какой-то пароходишко. Мы хотели отправиться на нем в устье Печоры. Но оказалось, что он простоит здесь несколько дней. И вот, когда Елизавета Дмитриевна уже свыклась с мыслью, что придется ждать отхода парохода, к нам в избу постучались двое охотников сопровождать нас вниз по Печоре до Усть-Цильмы, — это около 65 километров. Ночи стояли пока относительно светлые, и погода для осени совсем неплохая. Елизавета Дмитриевна соблазнилась их предложением, и к вечеру этого же дня мы отплыли. Ночь выдалась очень холодной. Мы закутались в одеяла и скоро заснули, предоставив полную свободу проводникам. Сколько мы проспали, сказать трудно. Но, кажется, среди ночи нас разбудил страшный крик наших спутников. Я выслушал голову из-под одеяла, и меня обдали брызги ледяной воды. Я ничего не видел: кругом расстился густой туман и дул сильный со свистом ветер. Но я явно ощутил, что мы стоим на месте, и в самом деле лодка сидела на мели, и волны бежали одна за другой, заливая нас. Лодочники кричали друг на друга. Елизавета Дмитриевна пришла в себя и распорядилась, как она всегда делала в минуту опасности, направить лодку к берегу. У меня было одно желание — забраться под одеяло, ничего не слышать и не видеть. Но я принялся вычерпывать воду. Больше я ничем не мог помочь.

Лодочники совсем не слушали Елизавету Дмитриевну и окончательно переругались между собой. Наконец один из них полез в воду, столкнул лодку, и, подхваченная ветром, она попеслась; я еле успевал вычерпывать воду. Мне вспомнились скалы Адак. Но тогда хоть день был ясный, теперь же мы боролись со стихией в тумане. Вспомнил, как Филипп давал разумные советы. А эти двое, судя по всему, оказались совсем неопытными. Нас носило по

Печоре в неизвестном направлении, пока не рассеялся туман. Как только Елизавета Дмитриевна завидела берег, она сразу же приказала пристать, хотя проводники и упирались. Совершенно случайно мы оказались возле деревеньки.

Вымокшие, иззябшие, мы пошли обогреться. Проводники никако не огорчились происшедшем. Они чистосердечно признались в том, что им надо было во что бы то ни стало попасть в Усть-Цильму, а тут подвернулся случай заработать. Оказалось, что и лодка-то у них не такая, на каких принято плавать на этом отрезке Печоры. Словом, деревенские знатоки сказали нам, что мы счастливо отделались.

В этой маленькой деревеньке пароход мог не остановиться. А до Усть-Цильмы оставалось еще километров пятнадцать. Мы совсем расстроились. Но мир не без добрых людей. Несмотря на непогоду, один житель деревни взялся нас проводить до Усть-Цильмы на своей лодке. Благополучно прибыли в Усть-Цильму. Остановились у крестьянина, знавшего отца и В. А. Варсанофьеву с 1917 года.

Меня поразили в Усть-Цильме большие благоустроенные избы с огромными русскими печами, бани с дымоходом. Народ здесь и ростом, и телосложением, и чертами лица мало чем отличался от русского. Говорили на ломаном русском языке с ударением на «о» и с доканьем: «Цай будем пить», — сказала хозяйка, ставя на стол самовар.

Усть-Цильма — старинное русское селение на Печоре. Основано оно в середине XVI века. «На необитаемом правом берегу Печоры, против устья реки Цильмы,— как гласит летопись,— в 1542 году поселился новгородец Ивашка Дмитриев по прозвищу Ластка со своим товарищем Власко, затем к ним присоединились пришельцы из других мест... Назвали селение Усть-Цилемской слободой и начали здесь небольшое хлебопашество». Чтобы упрочить свои права на окрестные земли, Ластка поехал в Москву быть человеком великому князю и просить отдать ему «с товарищи» на оброк рыболовные и прочие угодья по Нижней Печоре с притоками Цильмой, Пижмой и Ижмой. Ластка сообщал князю, что «по тем местам лес, дичь и мхи, болота соколы и кречаты садбища, а пашен-де, ни покосов и рыбных ловищ на тех местах изстари нет никаких и от пашенных людей, от Двинских и Пинегских, те речки и соколы садбища отошли далече, верст за пятьсот и больше». Словом, уверил в том, что эти земли никому не принадлежат. Великий князь, заинтересованный в заселении этих мест русскими людьми, в 1545 году разрешил Ивашке Дмитриеву «купить слободу» и со всех угодий давать оброк в год по кречету, или по соколу, или деньгами по рублю. Ивашка оказался весьма энер-

гичным хозяином. «...Лес дичь расчищал, и в слободу людей призывал, и церковь поставил».

В период покорения Великого Новгорода Иваном III, а также во время карательного похода против новгородцев при Иване Грозном в Усть-Цильму бежали многие из опальных бояр со своими холопами. Может быть, эти бояре и были пришельцами из других мест. Но верно то, что часть населения Усть-Цилемской слободы, так же как и низовий Печоры, составляли старообрядцы.

У Усть-Цильмы есть своя история. Так, здесь сохранилась первая на Печоре биологическая станция, основанная в 1905 году А. В. Журавским. С именем Журавского связаны все культурные начинания в Печорском крае. 25-летний юноша приехал на Печору в 1902 году по трудной Мезенской дороге. Взором настоящего ученого он окунул неисчерпаемые богатства Севера и поверил в его расцвет. В 1905 году он организовал в Усть-Цильме биологическую станцию, которая вскоре была преобразована в Печорскую естественноисторическую станцию при Императорской Академии наук. В 1911 году по настоянию А. В. Журавского эта станция была реорганизована в Печорскую сельскохозяйственную опытную станцию. Все внимание исследователь сосредоточил на выращивании сельскохозяйственных культур с целью оказания помощи населению в производстве продуктов питания. Станция стала очагом культуры всего Крайнего Севера и сыграла важную роль в истории развития сельского хозяйства в северных районах Коми края и прилегающих районов приполярной России. А. В. Журавский добился открытия на Печоре ветеринарных станций. Он решительно выступал в защиту малых народов Севера и этим спаскал любовь простых людей Печорского края и ненависть кулачества и царских чиновников. 15 августа 1914 года он был убит и похоронен в двадцати километрах от Усть-Цильмы.

Не прошли незамеченными в Усть-Цильме и революционные события 1905 года. Царское правительство издавна ссылало сюда видных прогрессивных деятелей и революционеров.

В ноябре 1906 года в знак протesta политические ссыльные Усть-Цильмы вышли на улицу с красными флагами.

В 1919 году через Усть-Цильму пытались прорваться белогвардейские контрреволюционные мятежники для соединения с колчаковскими войсками, но встретили сопротивление. О борьбе тех лет напоминает братская могила погибших за власть Советов в 1919 году.

Осенью 1920 года в Усть-Цильме стала издаваться газета «Красная Печора» — орган Печуездисполкома и Печуездкома РКП(б). В марте 1921 года житель села и издатель газеты послал один номер товарищу Ленину. Из Москвы пришел ответ: «Това-

рищ Ленин просит передать Вам следующее: спасибо, дорогие товарищи, за присланную газетку «Красная Печора». От души желаю Вам успеха в вашей трудной общей борьбе с хозяйственной разрухой, темнотой и невежеством. Пусть эта маленькая газетка послужит светлым началом грядущего расцвета этого далекого и холодного края. Надеюсь, что общими усилиями трудящихся масс мы скоро одолеем и этого внутреннего врага, точно так же как одолели внешнего. С коммунистическим приветом. Заведующий приемной Совпаркома — Соколов. Начканц.— Сорокин».

В Усть-Цильме нас догнал пароход «Республика», на нем мы добрались до устья Печоры — места будущего города Нарьян-Мар.

Пароход пристал к морскому грузовому пароходу «Революция», который стоял впритык к пристани, сколоченной из досок. Кругом лежали тюки, мешки и бочки. Поблизости располагалось старое складское помещение, два ветхих домика и небольшая метеостанция. В километровом расстоянии от берега виднелось еще домов пять-шесть — жилая часть будущего города. Других построек на этом берегу не было. На против причала, на островке, ютилась маленькая деревенька Екуш. В пяти-шести километрах выше по Печоре находилось село Тельвысочное.

Пароход в Архангельск уходил на другой день. Места оказалось больше чем достаточно: только что освободился из-под груза трюм. Во избежание всяких морских неприятностей мы спустились в него и с нами еще пять-шесть пассажиров. Здесь оказались несколько бочек с рыбой печорского засола и тюки с олеными шкурами. И те и другие издавали тошнотворный запах. На шкурах мы соорудили себе постели и посчитали себя устроеными.

Первая ночь проплыла благополучно. Утром я вышел на палубу: пароход проходил по Печорской губе. Справа тоненькой полоской тянулся берег, слева вода сливалась с небом. Перед выходом в море к пароходу подошли две большие лодки, или доры, как их здесь называют, для выгрузки бочек с семгой. Пока лебедка поднимала бочки, рыбаки распродавали свежую семгу. Я, глядя на других, тоже купил одну, полупудовую, в подарок матери. Вместе со всеми засолил свою семгу и подвесил ее на доске: в подвешенном состоянии рыба просаливается равномерно. Скоро палубные снасти были украшены цветными досками с семгой. К обеду я сварил уху из свежей семги. Уха издавала ни с чем не сравнимый аромат, но отведать этой ухи мне не удалось.

Пока я был занят кулинарными делами, пароход вышел в море. Море! Необозримые водные пространства, всегда новые и неосязаемые! Я залюбовался зелеными переливами морских волн. Вдруг у меня в горле появилось неприятное ощущение от покачивания. Когда я спустился в трюм, где поджидала уху Елизавета Дмит-

риевна, мне стало плохо. Я отказался от ухи. Хлебнув ложки две-три, Елизавета Дмитриевна отодвинула котелок в сторону. У нее закружилась голова. А я уже лежал на своем ложе из шкур. Над головой покачивался темный мокрый потолок, с которого капала вода, как в бане. Свет в трюм просачивался через пебольшое выходное отверстие, к которому была приставлена лестница. Никогда в моей жизни не было более безнадежных минут, чем проведенные здесь, в трюме. Положение усугублялось неизвестностью, темнотой и стопами, раздававшимися изо всех углов трюма. Так хотелось увидеть море, а вместо этого приходилось лежать пластом. Я набрался сил подняться по лестнице. Выглянул из трюма и увидел, как огромные валы зеленоватой воды, увенчанные гребешками белой пены, один за другим разбивались о борт парохода. Ветер свистел, снасти трещали. Я удостоверился, что мы не тонем, не гибнем и что, следовательно, надо терпеть. Закрыв за собой люк трюма, я вернулся в свое логово, предварительно перетащив его в местечко между бочками, чтобы не скатываться, и так пролежал всю дорогу с приступом морской болезни.

Море несколько успокоилось лишь у Канина Носа. Когда пароход зашел в горло Белого моря, изможденные, с серыми лицами пассажиры вышли на палубу. День клонился к вечеру, но было достаточно светло. Зеленоватая вода Ледовитого океана заметно отличалась от светлой воды Белого моря. Как только обогнули Канин Нос, качка снова началась, правда с меньшей силой. Подул сильный ветер, и все мы попрятались по своим местам. Только на шестые сутки, когда показалось устье Северной Двины, стало несколько легче. Изнуренные морской болезнью, пассажиры выполняли из трюма на палубу, не узнавая друг друга. До Архангельска оставалось 60 километров пути. Пароход направился в один из многочисленных рукавов дельты Северной Двины. Обычно расстояние от устья Печоры до Архангельска пароход проходил за четверо суток, нас же носило по волнам шесть суток. С берега навстречу вышел небольшой катерок с лоцманом. Дальнейшее продвижение парохода проходило под его руководством. Замысловатый фарватер в дельте Северной Двины, меняющийся всякий раз от донных течений, знает далеко не каждый моряк.

Лоцман вел судно по Маймаксинской протоке — самому извилистому, узкому, но глубокому рукаву дельты Северной Двины. По берегам потянулись постройки рабочих поселков и многочисленные лесопильные заводы вплоть до самого Архангельска. Наконец пароход, лавируя между судами и катерами, миновал каменную набережную и бросил якорь у причала первого порта России. На рейде стояли отечественные и иностранные суда, готовые выйти в открытое море.

Вечером того же дня мы перебирались на железнодорожный вокзал, который находился на противоположном берегу реки, в семи-восьми километрах выше. Маленький пароходик «Москва» с навесом над палубой перевозил пассажиров от пристани до железнодорожного вокзала. В 1932 и 1946 годах мне довелось жить в Архангельске, и в эти годы «Москва» все так же доставляла пассажиров с пристани Архангельск до пристани Бакарица.

Поступление в Московский университет

Я возвратился из экспедиции неузнаваемым: повзрослевшим, возмужавшим и уже не похожим на балованного ребенка. Мама сияла от счастья. Сестра подтрунивала надо мной и моими письмами, которые я изредка посыпал с дороги. Что касается меня, то я всецело был поглощен мыслями о своем путешествии, где все мне нравилось: и белые северные ночи, и голубые прозрачные реки, и палатки, и костер, и плавание на лодках. Забыты все неприятности и неудобства пути, трудные и опасные моменты на реках, ветры, даже комары и мошка. Все это казалось мелочью, за исключением морского плавания. В конце концов море можно было избежать. И что за путешествие без приключений и трудностей? Трудно описать словами то чувство широты, свободы, которое овладевает тобой, когда смотришь с какой-нибудь вершины в далекие прозрачные горизонты. Только ты и первозданная природа кругом! Это чувство не покидало меня в течение всего пребывания в экспедиции, с ним я вернулся и в Москву. Забыты футбол и приемники, но появилась цель — еще раз побывать на Печоре. Ради этого стоило стать геологом. Словом, я мечтал о новом путешествии.

Но на следующее лето моей мечте не суждено было осуществиться. Я должен был готовиться к экзаменам для поступления в университет на физико-математический факультет (на геолого-географическое отделение). Это было решено окончательно. И хотя цели мои были ясны, я все же загрустил с наступлением весны, когда мой отец уже в девятый раз уезжал в экспедицию на Печору.

Отец уехал, а моя сердобольная мама устроила мне отдых. Я прожил в Рязанской губернии в доме друга нашей семьи, П. И. Кузнецова, целый месяц. Мы бродили с ним по окрестным лесам, по лугам и болотам. Он научил меня узнавать повадки зверей и птиц, наблюдать тайны живой и неживой природы. Я не плохо стрелял из собственного дробовика. И разумеется, мне не хотелось покидать доброго Павла Ивановича и его комнату, населенную чучелами всевозможных птиц и зверушек. Но месяц пролетел, надо было возвращаться в Москву.

К экзаменам я готовился со своим товарищем Володей Пиотровским. И надо сказать, что мы сдали все экзамены, но нас ждало разочарование. Помню, как мы, удрученные, отошли от списков вновь поступивших в университет, не найдя в них своих фамилий. Оказалось, что на это отделение было подано как раз на два заявления больше, чем следовало. И этими лишними студентами оказались мы с Володей. Злая ирония судьбы! Нам посоветовали посещать лекции на правах вольнослушателей, так как на первом курсе очень часто освобождаются места за счет студентов, отсевающихся по каким-либо причинам. Иногда на эти места зачисляют самых достойных вольнослушателей. Мы с Володей так и сделали. Упорство наше возымело успех: во втором полугодии нас зачислили в число студентов I МГУ.

В течение всей зимы я вынашивал план поездки в Печорский край и все ждал, когда начнется курс геологии. В этом году мне хотелось поехать в экспедицию более подготовленным. Но к сожалению, в первое полугодие были лекции по математике, физике, зоологии, ботанике и химии, что, казалось, не имело никакого отношения к геологии. Я с интересом относился к лекциям по кристаллографии — новому для меня предмету. Курс читал известный профессор Г. В. Вульф. Но и кристаллография казалась мне далекой от полевой геологии. Во втором полугодии всех нас, студентов, увлекла общая геология, или физическая, которую читал академик А. П. Павлов — корифей науки и создатель научной геологической школы. С исключительным вниманием и интересом мы слушали Павлова, когда он объяснял сложные природные явления на простых примерах. Казалось бы, что интересного в том, что на улице поднялся ветер? На самом же деле в истории формирования нашей планеты ветер играет огромную роль. Нам демонстрировали деятельность ветра и рек, солнечных лучей, морских прибоев, вулканов, показывали, какие разрушительные действия приносят ураганы, тайфуны, наводнения, морские приливы, землетрясения, извержения вулканов. Тогда я не мог понять, какое отношение имеет все это к геологическим исследованиям отца в поле. Уголь можно найти, копнув лопатой в определенном месте. Разве это нельзя сделать без знания физической геологии?

Найти пласт угля в скалистом обрыве реки может каждый, но указать, на какой реке и в какой скале искать этот пласт, может только геолог. А для этого ему надо присматриваться к изменениям, происходящим сейчас на земной поверхности под влиянием разнообразных природных процессов. Он должен судить о тех преобразованиях, которые возникают на поверхности земли в настоящее время и возникали в далеком геологическом прошлом. Геологу необходимо знать, какие осадки образуются или накапливаются

в реках, морях, озерах, болотах, лагунах, пустынях, с какими из них связано возникновение тех или других полезных ископаемых.

Интересным и необходимым предметом оказалась и кристаллография. Минералы кристаллизуются в определенные формы, или системы. Сложно сочетаясь друг с другом, они образуют различные горные породы, с многими из которых связаны рудные полезные ископаемые. Кристаллические породы появляются при излиянии лав и при застывании магм в недрах земной коры. Рудные полезные ископаемые приурочены к определенным типам горных пород, формировавшихся в характерных геологических условиях. Словом, чтобы сделать правильные выводы, правильно указать район залегания того или другого полезного ископаемого, геолог много должен знать. Я понял, что придется много учиться, и вместе с тем решил поглубже вникнуть в работу отца...

Систематические геологические исследования, связанные с поисками угольных месторождений в Печорском крае, отец начал с реки Ильч, как наименее известного района в геологическом отношении. В состав его экспедиционного отряда вошли В. А. Варсаноффева и Т. А. Добролюбова, ныне известные ученые, продолжавшие в последующие годы геологическое изучение Северного Урала. В бассейне реки Ильч был выявлен разрез палеозойских отложений от древних кристаллических сланцев до перми включительно, который давал общее представление о геологическом строении западного склона Северного Урала и его предгорий. Эти работы дали основание предположить, что в пермском периоде условия отложения осадков по направлению к северу становились более благоприятными для углеобразования. Пришлось продолжить исследования в более северных районах Печорского бассейна, начиная с реки Побчерем. Но из-за недостатка средств полевые работы по изучению Северного Урала не проводились. Отец по настоянию Коми АССР в 1922 году работал в Ижемском районе.

Северная научно-промышленная экспедиция организовала в 1923 году три отряда, возглавляемые В. А. Варсаноффевой, Т. А. Добролюбовой и А. А. Черновым. К сожалению, в бассейне Ильча были встречены в пермских отложениях лишь небольшие прослои угля, па реке Побчерем, в нижнекаменноугольных осадках, — незначительные прослои угля и в пермских — до 0,15 метра толщины. Однако разрез палеозойских пород на той и на другой реке оказался обнаженным не полностью, и по сути дела не было оснований отрицать вообще наличия в этом районе угля промышленного значения.

В этом же году на средства исполнкома Коми области на реке Нече, левом притоке Косью, работала разведочная партия во главе с буровым мастером Семяшкиным. Месторождение угля на реке

Нече давно было известно местному населению. Здесь на протяжении шести километров три раза выходит пачка угольных пластов мощностью до восьми метров. С группой рабочих из местных жителей Семяшкин ручным бурением вскрыл пласт угля. Образцы были доставлены в бюро съездов Госплана.

Госплан в 1924 году предложил отцу расширить район работ к северу, включая бассейн Косью. Благодаря материальной поддержке Геологического комитета и исполнкома Коми АССР была организована большая экспедиция в Печорский край. На Верхнюю Печору и Илыч отправились В. А. Варсаноффева, на Побдчерем — Т. А. Добролюбова, на Большую Инту, приток Косью, — Е. Д. Сошнина. В последнем отряде я принимал свое боевое крещение. Угли, открытые Е. Д. Сошникой, оказались хорошего качества.

После того как мы расстались с отцом в Усть-Усе, он побывал со своими помощниками на реках Нече, Кожиме и Косью. На Косью в первых коренных выходах, в 22 километрах выше устья Кожима, был обнаружен пласт угля более 1,6 метра мощностью, на Кожиме — прекрасный разрез нижнепермской артинской толщи длиной более двух километров. Верхняя часть ее оказалась угленосной: четыре пласта угля общей мощностью шесть метров.

Было выяснено, что в бассейне реки Косью залегают две свиты углей разного возраста — ранне- и позднепермского. Отец предположил, что полоса нижнепермских осадков, продолжаясь к северо-востоку от Кожимского и Интинского месторождений через речку Черную, должна выходить в районе бассейна Косью и в соседнем с ним районе — бассейне реки Лемвы. В юго-западном направлении нижнепермские осадки протягивались в верхнем течении реки Косью, которое намечалось исследовать в 1925 году.

«Весь бассейн Косью,— писал А. А. Чернов,— имеет форму клина, острие которого обращено к югу, а широкая часть — к северу. На западе этот клин ограничен грядой Чернышева. Вся эта треугольная площадь, исчисляемая приблизительно 4000 квадратных километров, образована, по-видимому, углесодержащей толщёй».

Исходя из всех полученных материалов был сделан вывод, что в Печорском крае имеется новый угленосный бассейн с огромными запасами углей. Южная граница этого бассейна проходила по реке Косью.

Таким образом, 1924 год считается годом открытия Печорского угленосного бассейна. На территории бассейна оставалось еще много «белых пятен», поэтому все Печорское Приуралье было поделено для геологической съемки на территориальные листы, отвечающие определенным десятиверстным листам геологической карты. В. А. Варсаноффевой и Н. Н. Иорданскому достался самый южный

район, т. е. верховье Печоры с притоками Уньей, Илlyчем и другими, Т. А. Добролюбовой и Е. Д. Сошкиной — среднее течение Печоры с притоками, отцу и его постоянной спутнице, палеонтологу М. И. Шульга-Нестеренко,— Уса и ее притоки.

В 1925 году на средства Геологического комитета А. А. Чернов проводил исследования в бассейне реки Косью. Удобный путь проходил по рекам Усе и Косью. Длинный лодочный маршрут требовал много времени. Отец избрал более короткий, но и более трудный путь с целью сэкономить драгоценное время и, что особенно важно, ознакомиться с геологическим строением той части бассейна Косью, которую еще не посещали геологи. Но на этом пути пришлось преодолеть два волока: с помощью лошадей тянуть лодку около 40 километров по уже обмелевшему Аранцу, пройти пятнадцатикилометровым волоком на Большую Сыню, пересечь ее и через четырехкилометровый волок выйти на Вангыр, крупный левый приток верхнего течения Косью.

В удивительно короткие сроки — две с половиной недели — отцу удалось переправиться к месту работ и исследовать четыре реки: Косью, Вангыр, Сарьюгу и Черную.

На Вангыре были обнаружены прослои угля в верхнепермских песчаниках и сланцах, на остальных реках — лишь выходы пермских пород. И хотя из-за малой мощности этих пород здесь угольных пластов не оказалось, тем не менее результаты исследования указывали на непрерывность распространения пермских пород на площади между этими реками.

На Кожиме от Угольного института Геологического комитета разведку вел М. С. Волков. Кроме четырех открытых здесь отцом пластов угля партия М. С. Волкова обнаружила еще семь пластов. Разведка производилась канавами, штолнями и неглубокими шурфами. Т. А. Добролюбовой был открыт уголь раннекаменноугольного возраста в бассейне реки Вуктыл — правого притока Печоры, впадающего в нее южнее Побчерема. Эта небольшая речушка почти недоступна для лодок. Ее окрестности пришлось исследовать пешком. На южном притоке — Югыд-иоле, в коренном залегании, был найден пласт угля мощностью полтора метра.

Таким образом, границы угольного бассейна расширялись с каждым годом работ. Уже было выяснено, что здесь развиты три угленосные формации, каждая из которых представляет промышленный интерес. Тогда эти угли можно было использовать для развития местной промышленности. Но А. А. Чернов предлагал предпринять широкие разведки в поисках углей более высокого качества. Он писал: «Совершенно иные, можно сказать, необыкновенно обширные перспективы рисуются для применения печорских углей в том случае, если среди них будут найдены хорошо

коксующиеся угли с малым содержанием серы. Тогда у нас будет крупная база для развития металлургической промышленности на Северном Урале и возникнет крупный ввоз угля на Средний Урал, а также, может быть, на весь север Европы».

На Большую Сынью

В 1926 году экспедиция отца проводила работы на Большой Сынне, крупном левом притоке Усы, протекающем к западу от Косью. Я отправился в этом году на свою первую студенческую практику. Кроме меня была студентка-«ботаничка» Соня, теперь Софья Николаевна Наумова — известный палеоботаник. Из Москвы мы выехали в июне. В Усть-Кулом прибыли через десять дней. Отец и Мария Ивановна в плетеных тарантасах под звон колокольчиков скрылись в чащце леса, далеко опередив нас. Мне и Соне пришлось тащиться с багажом на одноколках. На одной из станций мы догнали Н. Н. Иорданского, который сопровождал груз экспедиции В. А. Варсанофьевой.

Я по праву опытного товарища возглавил наш караван.

Через двое суток мы приехали в Троицко-Печорск. С чувством восторга я спрыгнул с одноколки у той самой избы, где всегда останавливались. К сожалению, Марию Ивановну и отца в Троицко-Печорске мы не застали; они успели сесть на пароход, который ушел вниз. На нас легли обязанности по доставке груза в деревню Аранец.

Три дня ушло на сборы и подготовку. Наконец ранним утром отплыли. День выдался чудесный. Светило солнце, ясная даль звала вперед. Шли на веслах. За лодкой с кормы тянулась дорожка: я ловил рыбу и частенько вытаскивал окуней. К вечеру подул противный ветер. Утро следующего дня встретило нас дождем. Над Печорой нависли тяжелые, черные тучи. Ветер гнал их с севера, наславив друг на друга. Кругом посерело. Но надо было продолжать путь. Не оставаться же в самом деле на пустынном берегу северной реки в ожидании погоды! Иван сказал, что ее не переждешь (подразумевая погоду). Кое-как навстречу ветру проплыли километров десять — пятнадцать и, уставшие, остановились на ночевку.

Моросил дождь. С трудом разожгли костер, спрятавшись от ветра, немного погрелись, перекусили кое-что и улеглись спать в蓬валку на лодке, укрывшись брезентом. Проспали часа три и рано утром опять тронулись в путь. Те же тучи, та же сырость — целый день. Лишь к вечеру несколько утих ветер. Следующая ночь прошла почти без сна под проливным дождем. Мы промокли до нит-

ки, а раскрывать вещи и доставать палатку в такую погоду я просто не рискнул. Опять сушились у костра, прежде чем тронуться в путь. До ближайшей деревни осталось километров пять. И мы поплыли, предвкушая уют деревенской избы, где решили как следует отогреться и выспаться. Весь следующий день мы, как порядочные лентяи, нежились на деревянных лавках в избе. К вечеру снова тронулись в путь. Торопил всех я: хотелось как можно скорее добраться до Аранца. Я знал, что там нас ждали с нетерпением.

Мелкий моросящий дождь шел не переставая. Этот день оказался не худшим. Печора изменила направление, и ветер стал попутным. Мы прошли на веслах около 35 километров. Наконец добрались до деревни Подчерье и устроились в избе. Утро в деревне встретило нас слабыми лучами солнца, пробивающимися сквозь завесу рваных и низких облаков,— первый просвет в небе за всю дорогу, пока плывем по Печоре. В этот день нам удалось сделать 80 километров и добраться до Усть-Вои — это удача. Два дня тому назад, как нам сказали жители, отсюда уехал отец.

До Аранца оставалось 50 километров. Эти последние километры плыли под проливным дождем в сопровождении грозовых туч, грома и молний. Ураганный ветер то подгонял, то останавливал нашу лодку. Не обедали, не отдыхали и даже не сушились у костра. Мы задались целью во что бы то ни стало достичь сегодня деревни Аранец.

Поздно вечером, когда я уже потерял надежду выспаться в душной избе, лодка уткнулась в аранецкий берег. Раскаты грома заглушили наше шумное прибытие. Никто не встретил нас, более того, никто не ждал нас в такую дурную погоду. Когда я появился в первой избе, разыскивая отца, люди не сразу поняли, откуда я «свалился». «А! Экспедиция, экспедиция!» — закричал проворный мальчуган, выбегая босиком, в одной рубашонке на улицу и увлекая меня к другой избе. И вот я среди своих. Следом за мной в избу вошла Соня. Оба мы мокрые, вода с нас течет ручьем, на полу образовались лужи. Я стоял, не зная куда деться в чужой избе. Находчивая Соня сказала: «Сейчас мы все расскажем, дайте нам раздеться». Наконец, почувствовав себя сухим, я обрел дар речи и стал рассказывать о наших приключениях. «В такую погоду не надо было бы ехать», — заключил, как отрезал ножом, отец.

В деревне Аранец отсиживались в ожидании погоды три дня. Между тем шла основательная подготовка к путешествию вверх по реке Аранец. Состав экспедиции увеличился до восьми человек. Двое рабочих, Петр и Михаил, аранецкие жители, участвовали в экспедиции отца в прошлом году. Всю зиму они ждали его

и отлично подготовили лодку к полевому сезону. В этом же году отряд отца переправляли на лошадях жители деревни Медвежьской (Григорий и Киприян), находящейся несколько ниже деревни Аранец. Отец решил попросить их сопровождать экспедицию и на этот раз. В последующие годы все четверо стали постоянными спутниками в наших экспедициях. С чувством большой благодарности вспоминаю я этих людей и думаю, что в успехе наших работ большая заслуга принадлежит им. Эти труженики отдавали нашей работе все свои силы, умение и опыт. Закаленные суворой природой Севера и необычными условиями быта, они были самыми подходящими сотрудниками в наших экспедициях.

Отец часто говорил, что аранецкие рабочие способствовали его исследованиям в Печорском крае, и он был прав. На их долю выпадала такая немаловажная работа, как подъем лодок по порожистым быстрым рекам, преодоление перекатов и порогов, где требовались не только сила, но и умение и опыт — словом, умелые руки и смышленая голова. Все это сочеталось в наших помощниках. Кроме того, они были хорошими товарищами.

Петр — коренастый, невысокого роста с рыжеватой бородкой и добродушным лицом. Михайло — выше Петра, но худой с продолговатым и очень подвижным лицом. Он был страстным охотником. Григорий — выше Петра ростом и еще шире в плечах. Он носил большую бороду, несмотря на свою молодость, и выглядел чуть ли не стариком. Киприян был самый молодой из них, мой ровесник. Лицо его, несколько рябоватое, с редкими рыжеватыми щетинками, выглядело смешно. Он не брался, с нетерпением поджидая, когда у него вырастет борода. Ему хотелось походить на настоящего охотника. Я не могу сказать, каким он стал охотником, но знаю, что он хороший рыбак. В 1955 году я случайно встретил его на Щугоре, он возглавлял рыболовецкую артель.

Все четверо, не уступая друг другу, владели мастерством вождения лодок и хорошо знали местные реки. На Аранце они имели построенные своими руками охотничьи избушки. Сюда приходили зимой на охоту за белкой, горностаем, лисицей, лосем и другим зверем. Им был знаком каждый поворот реки. Знали, когда, чем и какую рыбу можно ловить, и обеспечивали всю экспедицию продовольствием — рыбой и мясом (у геологов это называют «подножным» кормом).

Трое суток деревню поливали дожди. На четвертые к полудню прояснилось небо. А к вечеру на востоке открылся горизонт, где во всем своем величии вырос хребет Сабля. Солнце осветило все ложбины гор, покрытые снегом. Горы отливали золотом. И снова я не мог оторваться от этой картины, как и в первый раз, в 1924 году. Теперь мы держали свой путь к этим горам.

На Аранце обнажаются невысокие скалы песчаников и сланцев. Речонка маленькая, вроде Большой Инты, течет среди живописных луговых террас, покрытых сочной высокой травой. По высоким берегам долины тянется сплошной полосой лес. Соня, попавшая впервые в Печорский край и не умевшая сдерживать свои чувства, восторгалась каждым найденным цветком. Она собирала гербарий.

В установленном месте нас должен был поджидать человек с двумя лошадьми. Мы договорились, что он выйдет двумя днями позже из деревни и будет ждать на Аранце, чтобы переправить нас через волок на Большую Сыню. На третий день нашего подъема по реке мы услышали звон колокольчиков, и вскоре на высоком берегу показалась фигура всадника. Речушка между тем суживалась и временами исчезала в зарослях подбелы. Дальше без лошадей нам бы не обойтись. Мы передвигались еще целый день и к вечеру добрались до волока.

Следующий день выдался трудным. Все вытащили на берег, лодки опрокинули вверх дном для просушки и принялись за устройство волокуш. Оказалось, что придется делать три заезда. Первый груз — лодку и часть вещей — ушли сопровождать двое. Ночью вернулся проводник с лошадью. В следующий рейс отправились все, за исключением Петра и Григория. Дорога проходила по болотистому, не очень густому, но корявому лесу. Волокушки покачивались из стороны в сторону. Лошади до крови натирали хомутами шею. Мы с Киприяном шли впереди, отыскивали дорогу, иногда прорубали новую просеку, когда теряли старую, отбрасывали валуны; если дорогу пересекал ручей, подкидывали ветки под волокушки, чтобы не поломать их и не замочить снаряжение. Словом, делали все для того, чтобы как-то облегчить переход. Мы шныряли с ним с камня на камень, от куста к кусту и страшно уставали. Помню, одно болото тянулось километра три. Волокушки плыли буквально по воде. По колено в грязи мы поддерживали и подталкивали их вперед. Но трудно было придумать что-либо другое для этого пути.

Я шел в котáх (что-то вроде кожаных галош), очень удобных для таких дорог. Их надевают на шерстяные чулки, идти в них удобно, но от воды они не спасают. Отец шел в кирзовых сапогах, выбирая посуше места. Но все равно сапоги разбухли, отяжелели, за все цеплялись. Он сердился и уставал. Резиновых охотничих сапог, в которых я щеголял по тундре в последующие годы, тогда и в помине не было. Приходилось работать в чем придется. Но тяжелее всего в этом пути досталось Марии Ивановне. Она невыразимо боялась комаров, а потому укутала голову какой-то пеймоверной чалмой. Поверх чалмы натянула накомарник. Свою до-

вольно полную фигуру она облачила в несметное количество одеяек. Поверх сапог красовались необыкновенной ширины шаровары, как у кубанских казаков, а на руках блестели лайковые перчатки. Глядя на нее, мы посмеивались. А день, как на грех, выдался солнечным. Тучи комаров вились вокруг. Мария Ивановна задыхалась в своей непроницаемой одежде, отставала, догоняла, наконец, кричала, когда оставалась одна в лесу. Мы ее ждали, теряя время, и так без конца всю дорогу. Все мужчины, в том числе и я, повязались только платочком, по местному обычаю, который защищал только шею. Но что делать, не мог же я ронять свой авторитет перед всеми!

Километры тянулись бесконечно долго. Грязь, вода, нагромождения деревьев, комары. В довершение всего сломалась одна волокуша. Пришлось вытаскивать вещи из болота.

Наконец вдали показался высокий каменистый берег, а в 300 метрах от него — избушка, в которой нам предстояло остановиться. На переход затратили восемь часов, значит, в час делали менее двух километров. Избушка всем показалась раем. Распрягли лошадей, напились чаю, и все уснули как убитые. Утром отец не поднимал нас рано, как это делал обычно. Все выспались вволю. Не спеша ушел проводник с лошадьми за грузом.

К вечеру в ожидании проводников мы устроились около избушки на козликах. Неподалеку горел костер. Отец начал свои бесчисленные рассказы. А я тем временем, не зная куда деть энергию, прорубал просеку от избушки к реке. Открылся прекрасный вид на скалы. Пока все восхищались этим видом, незаметно подошел Петр с одной лошадью и сказал, что километрах в семи отсюда вторая лошадь сломала ногу. Григорий с Иваном остались около нее и ждут возвращения Петра. Пришлось разгрузить волокушки и направить усталую лошадь в обратный путь.

Было уже далеко за полночь, а мы все сидели в ожидании проводников, да так и не дождались. Они вернулись только под утро, понурые, усталые. Лошадь со сломанной ногой пришлось пристрелить и оставить в лесу. Отец виновато оправдывался перед Иваном, а в чем, собственно, была его вина? Впечатление от перехода осталось самое неприятное. В дурном настроении уехал от нас Иван с одной лошадью вместо двух.

Вот какой ценой достались нам 50 километров, на расстоянии которых с реки Печоры открывался вид на хребет Сабля. Правда, до хребта мы еще не добрались. От избушки по Сыне мы поднимались до истоков Луньвож и Войвож. По Луньвожу поднимались еще целый день. Он течет с юга на север вдоль западного подножия хребта Сабля среди низких, сложенных четвертичными отложениями берегов. Частые галечниковые перекаты, небольшие

пороги, чередующиеся с неглубокими ямами с тихим течением,— вот что из себя представляет Луньвоож. В нижнем течении ширина русла составляет метров тридцать, а мы поднялись до того места, где лодку уже нельзя было развернуть. Русло сплошь заросло подбелом, даже воды не было видно. И все же хребет Сабля оставался от нас километрах в десяти. Мы остановились, надеясь, что удастся сходить в горы пешком. Но к сожалению, погода испортилась. Мы прожили у подножия хребта целую неделю, и каждый день ее был похож на предыдущий. По утрам моросил дождь и туман обволакивал все вокруг. К вечеру становилось ясно, и Сабля, освобождаясь от облаков, как будто дразнила нас. Каждое утро мы готовились к походу, но оставались в палатках из-за непогоды в надежде, что завтрашний день будет лучше. На седьмые сутки отец дал команду готовиться в обратный путь. Он решил извлечь хоть какую-нибудь пользу от непогоды — спуститься по вздувшейся реке. И в этот день мы тронулись в путь.

На другой день подул ветерок, разогнал туман, прояснилось небо и выглянуло солнце. Горы предстали перед нами во всей своей красоте, а неумолимое течение с каждым километром уносило наши лодки все дальше и дальше. Я с досадой смотрел на удаляющийся хребет и поклялся во что бы то ни стало попасть в этот район снова.

Большая Сыня — одна из самых красивых рек бассейна Печоры. Она течет среди древних палеозойских пород, слагающих гряду Чернышева, ту самую гряду, породы которой обнажаются на реке Усе около деревни Адак. Значительная часть берегов представляет собой причудливые скалы, напоминающие развалины древних замков и фантастические фигуры. А. В. Журавский, посетивший эту реку в начале нашего столетия, назвал эти места Печорскими Альпами. Самое красивое место на Большой Сыне — это Сокотово, или Верхние Ворота. Здесь вся вода реки устремляется в каньонообразную долину шириной метров шестьдесят. Каньон представляет собой отвесные скалы высотой до 60—70 метров, обрывающиеся прямо в русло реки. Пласти горных пород стоят вертикально, или, как говорят геологи, на головах. Более мягкие породы разрушаются, а крепкие сохраняются в виде стен, увенчанных причудливыми зубцами различных очертаний.

В воротах царит полнейшая тишина, лишь по ночам изредка нарушаемая криками филина, порой похожими на человеческие. Это придает местности еще больше таинственности и дикости. В девственном лесу в конце августа появляются подсивиновики. Они тянутся из травы к свету на длинных ножках и зовут к себе красными шляпками. Но здесь их некому собирать. Светлая, прозрачная вода в реке позволяет наблюдать, как в аквариуме огром-

ных размеров плавают крупные хариусы. В солнечных лучах, пронизывающих воду, хариусы светятся всеми цветами радуги. Ниже ворот тишина нарушается грохотом первого порога, который быстро увлекает лодку из сказочного царства скал.

Не менее красивы скалы Кырныш-щелье и Богатырь-щелье. Последние слагают породы силурийского периода. Морозное выветривание, потрудившись здесь не на шутку, образовало из них фигуры, напоминающие головы русских богатырей, отсюда название скал «Богатырь-щелье».

Трижды Большая Сыня врезается в древние породы и течет в каньонообразных долинах. На правом берегу, ниже Нижних Ворот, возвышается интересная скала — «Столбовая Кырта». Привлекают внимание известняковая скала «Сгорыка Кырта» и многие другие.

В области развития пермских песчаников и сланцев долина реки резко расширяется. Живописные берега отходят от реки, и она становится несколько однообразной. Но и скалы пермского возраста по-своему интересны. В них встречается большое количество хорошо сохранившихся отпечатков растений и листьев с тонким жилкованием. Эффектно выделяются листья папоротника. Изредка в породах попадаются окаменелые стволы деревьев, кора и пни. Трудно представить, что здесь, на северной широте 65—66°, около 200 миллионов лет тому назад произрастали дремучие леса из деревьев, достигавших гигантской высоты, и климат был жарким и влажным. Но то, что трудно представляется, легко подтверждается. По выходам пород, как по страницам летописи, геолог восстанавливает картину далекого геологического прошлого. Такую картину рисуют нам обнажения пород пермского возраста в разрезе Большой Сыни. Отец ходит по обнажению с записной книжечкой и посмеивается от удовольствия: прогнозы его о климате пермской эпохи оправдываются. Среди слоев песчаника встречаются маломощные пласты каменного угля. Значит, здесь в прошлом существовали благоприятные условия для углеобразования из остатков богатой растительности.

Незабываемое впечатление оставляет обнажение Красный Камень — памятник триасового периода. Его слагают пласты разноцветных глин. Правый крутой склон на значительном расстоянии изрезан глубокими оврагами. Пласти, стоящие «на головах», образуют острые гребни, на которых выделяются полоски разноцветных глин — от светло-желтых до коричневых и зеленых и от красных до фиолетовых.

В 12 километрах от обнажения располагалась деревушка Красный Камень. По красоте она не уступала обнажению, так как жители красили свои дома краской, приготовленной из этой глины.

Отец отпустил меня, Соню, Михаила и Григория в деревню, а сам остался работать на обнажении.

Михаила и Григория знала вся деревня. Любопытно отметить, что жители редких населенных пунктов Печорского края знали друг друга. Очевидно, известность люди приобретали благодаря охотничьей славе. А известные люди были желанными гостями. Наши проводники уверили, что и мы не случайные гости в их kraю, а потому нас встретили очень радушно. На столе появились свежее молоко и сметана, небезызвестные и совершенно незаменимые на праздничном столе шаньги и рыбники. Нам с Соней больше всего понравилась морошка со сметаной. Мы с большим аппетитом ели это местное лакомство, и я в то время с уверенностью мог сказать, что не ел ничего подобного.

На другой день для нас специально затопили баню. Впоследствии я избегал деревенскую баню. Но известное удовольствие и от нее можно получить после волоков, пеших маршрутов и комариных нашествий.

В полдень Соня вышла на улицу разбирать свои коллекции. Около нее сразу же столпился народ, удивляясь тому, что «турун» — так коми называют всякую траву — Соня везет в Москву. «Разве в Москве нет травы?» — обратился ко мне Киприян, переводя вопросы собравшихся. Каменные коллекции мы тоже разбирали не без участия любопытных. Один житель принес нам свои находки. Замечательный образец песчаника с отпечатком перламутровой раковины аммонита и сейчас красуется в моем шкафу: для науки образцы без указания местонахождения не представляют никакого интереса. Но нельзя же было не принять прекрасный подарок и тем более разубедить человека, что его находка не столь важна для нас. Он преподнес свой подарок с сознанием гордости.

Скоро мы рас прощались с жителями деревни Красный Камень. Часа через три подъехали к другой деревне — Кырьяш. Вся деревня — один дом с обитавшими в нем тремя людьми: мужчиной и его детьми — десятилетней дочерью и шестнадцатилетним сыном. Хозяйство в доме вела девочка; она доила коров, топила печь, стряпала и убирала избу.

Обеденное время застало нас уже в третьей деревне — Кыджи-расвом. Здесь мы остановились, потому что отец хотел обследовать речку Кыджирас. Они уехали вчетвером. Мы с Соней укладывали коллекции, Киприян с Григорием ловили рыбу. Отец вернулся лишь к вечеру на другой день, а утром мы опять скользили вниз по Сыне.

Следующая деревня на Сыне — Козлавом. Через несколько километров показалась еще деревня — Яньювом. Недалеко от де-

ревни нам повстречались рыбаки. Их было всего четверо: девяностолетний старик по имени Неофит и его внуки — два мальчугана тринацати и десяти лет и девочка лет двенадцати. Когда мы остановились на обед, артель закинула сеть и вытащила ее пустую. Да и можно ли было ожидать удачного улова от таких рыбаков? Старший мальчик и девочка шли по берегу и тянули за веревку сеть. Лодкой управлял младший мальчик, старик закидывал сеть. Слабенькими ручонками дети медленно тянули тяжелую сеть, и рыба успевала уйти. Мы с Киприяном предложили свою помощь и снова закинули сеть. На сей раз вытащили ведра два щук, с десяток окуней и три-четыре хариуса. Дети радовались. Старик совсем не говорил по-русски, но благодарил нас как мог. Трудно сказать, что заставило Неофита ловить рыбу с помощью детей. Обычно местные жители рыбачат артелью из нескольких семей.

За поворотом реки оказалась опять деревня. Эти места осваивались переселенцами Печоры. Проехав еще пять километров, мы опять попали в деревню — Иваню. Ее жители — ненцы, перебравшиеся сюда из деревни Колвы, находившейся недалеко от села Усть-Усы. Последнюю деревню — Вавилон — мы миновали ночью.

На Большой Сыне довольно много населенных пунктов, особенно в низовьях. Но люди селились на ней порознь, изыскивая луговые пастища и охотничьи угодья. На территории Печорского края немногочисленные деревеньки обычно далеко располагались друг от друга. За каждой деревенькой сохранялись свои луга и пастища. Однако вплоть до 30-х годов основным промыслом здесь оставалась охота и рыбная ловля. Что ни мужчина в деревне, то охотник и рыбак. На берегах реки строили избушки. Они сохранились и по сей день. На охоту зимой охотник уходил месяца на полтора с собакой. Собака тащила сани со скучным продовольствием, а обратно — добычу. Добывали белку, лису, горностая, иногда попадалась выдра. И разумеется, стреляли в лося и дикого оленя (в то время они здесь еще водились).

Весной начинался второй период охоты. С юга прилетают гнездоваться утки, гуси. Дичь считалась подсобным кормом, ей не придавали особого значения, но тем не менее охотились, потому что все реки Печорского края изобиловали водоплавающей птицей.

Рыба здесь основной продукт питания. Рыбу ловят всюду: по большим и малым рекам, на Печоре, ее притоках и на притоках последних, в озерах. На больших реках рыбу ловили неводом. Невод — дорогостоящая вещь, поэтому обычно семьи сообща ловили рыбу и весь улов распределяли на количество участников. Рыбу заготавливали впрок особым способом. «Печорский засол» состоит в том, что рыба, уложенная в бочки и залитая слабым соленым раствором, под влиянием тепла не портится и не засаливается до

конца, а постепенно скисает и приобретает резкий запах, оставаясь малосольной, но кислой на вкус. Такую рыбу местные жители едят с удовольствием и нередко предпочитают свежей рыбе.

На коварный Кожим

Весны 1927 года я ждал с нетерпением, потому что экспедиция отца готовилась на Приполярный Урал. Готовился к этой поездке и я, надеясь в этот раз побывать в горах. На Печору выезжали четыре геологических отряда и две разведочные партии. Для каждой партии требовалось человек по 20 рабочих, завербовать которых предполагалось в больших селениях по реке Вычегде. Из Москвы выехали в разное время: отец и Мария Ивановна — 15 июня на Вологду, Елизавета Дмитриевна, коллектор, студент университета моих лет и я — 17 июня на Котлас.

Разными путями потянулись люди к одной маленькой точке на карте — Троицко-Печорску. В Усть-Куломе произошла задержка. Сюда съехались все партии, и жители не могли обеспечить транспортом такое количество «гостей». Не хватало ни лошадей, ни подвод, ни проводников. Одни уезжали, другие терпеливо ждали, когда ямщики вернутся обратно. Застревали на ухабах и в болоте, помогая друг другу и обгоняя друг друга. Потеряв много времени, все люди в конце концов собрались на берегу тихой в те годы Печоры.

43619
В Троицко-Печорске тоже произошла заминка. Стояла невыносимая жара. Печора сильно обмелела, не было никакой надежды на приход парохода снизу. И опять с большим трудом нашлись лодки и умелые рабочие-лодочники.

День отъезда назначили на 30 июня. Но накануне, как часто здесь бывает, испортилась погода: подул северный ветер; «занграла» Печора, как говорили местные жители. Однако откладывать день выезда не стали, так как и без того достаточно много времени потеряли в дороге. Провожающих собралось больше, чем можно было ожидать. На берегу запестрели разноцветные нарядные сарафаны местных женщин, размахивающих на прощание цветными платками. Лодки одна за другой отчаливали от берега. И наконец вся флотилия растянулась вдоль реки на целый километр. Наша лодка была последней. Мария Ивановна села в лодку Т. Н. Пономарева вместе с его помощницей, миловидной Аней. Печора, не видавшая такого наплыва людей, ожила. Отовсюду слышались шум, смех, песни, шутки. Далеко по реке разносился звуки гармони-однорядки. Самой тихой лодкой, кажется, была наша с отцом. Нас сопровождала семья рабочего Акима: его жена,

дочь и он сам. Женщины сидели на веслах, Аким — на руле. Надо сказать, что, по местному обычаю, такое распределение обязанностей — исконно установленный факт. Если есть в лодке женщина, то мужчина сидит на корме за рулем. Аким, крепкий мужчина, мог бы грести один за двоих. Но он с достоинством держал руль. Иногда на весла садился я, но тотчас же лодка отставала от общего каравана.

Плыли днем и ночью. Погода вновь установилась. Засияло солнце. И скоро началась жара (плюс 35°). На воде невыносимо пекло. Каждый спасался от горячих лучей солнца как мог. Мы, например, сделали над своей лодкой навес из простыни и сидели в тени. А инженер Т. Н. Пономарев все время мочил свою бритую голову водой и другим советовал делать то же самое, уверяя, что холодная вода дает приятное ощущение.

У устья Щугора мы расстались с партией Е. Д. Сошкиной и Т. А. Добролюбовой. Опредив весь караван, наша лодка ушла далеко вперед. Отец торопился попасть в Усть-Вою, где хотел посмотреть старые разработки точильного камня. Он уже бывал на месторождении точильного камня, но сейчас его интересовал вопрос: отчего зависит высокое качество войского песчаника и почему он пользуется таким большим спросом у населения не только Печоры, но и за пределами этого края и даже в Сибири? Аналогичные песчаники широко распространены вдоль западного склона Урала, однако точильное производство нигде не получило такого развития, как на Вое.

Бот уже более 300 лет здесь, на Печоре, вырабатываются из камня добротные больших и малых размеров точильные круги, завоевавшие прочную славу у потребителей. В лучшие годы на войской фабрике изготавлялось вручную до 10—15 тысяч пудов точил и 300—350 тысяч штук брусков. Точильному песчанику топориком придавали форму бруска или точила, а потом шлифовали на большом камне, обливая предварительно водой. Песчаник, пропитанный битумом, легко поддается обработке, пока битум не испарится. Готовые точила, теряя битум, светлели и становились очень крепкими. Изучение шлифов песчаника под микроскопом показало, что он состоит из угловатых зерен твердых минералов.

На карьере отец сделал несколько рекомендаций по добыванию точильного камня и по улучшению условий труда рабочих технику Н. А. Ерофееву. Вскоре мы присоединились к общему каравану. В Арапце нас ждали Петр и Михайло. Аким со своей семьей вернулся в Троицко-Печорск.

На шестые сутки добрались до устья Косью. В деревне Дресвянке, расположенной на Косью у устья Большой Инты, отец купил еще одну лодку и нанял двоих рабочих, братьев Федота и

Алексея Филипповых. Они договорились с отцом, что будут работать на Большой Инте, а затем поднимут лодки до устья Кожима, где есть деревня и где можно будет найти им замену.

У устья Большой Инты мы расстались с партией А. Ф. Лебедева и стали подниматься по Большой Инте до выходов углей. Пробирались тем же трудным путем, что и в 1924 году. Река несколько не изменилась. Разве что медведи, испугавшись нашего шума, скрылись за десятки километров.

И вот мы у выходов угля. Пока люди благоустраивались на высоком лесистом берегу, Пономарев и отец выбирали место для предстоящей разведки. Вскоре мы расстались, пожелав разведчикам успехов. Приятно было думать о возвращении к обжитому месту на этой дикой реке.

Выше выходов угля Большая Инта превзошла все наши ожидания. В разработанном широком русле появились галечниковые отмели, местами поросшие подбелом. В верхнем течении Инта принимала три притока, и выше второго из них появились почти сухие перекаты. Даже облегченную лодку приходилось тащить на руках. Но зато третий притокнес воды столько же, сколько сама Инта, и потому она здесь разлилась. Сухие перекаты тормозили наше продвижение, но, несмотря на это, мы все-таки поднялись еще километров на двадцать. Однако выше района разведки выходы коренных пород оказались очень изолированными друг от друга и пластов угля в них не оказалось.

Через пять дней мы вернулись в партию Пономарева. За это время здесь было вскрыто еще два угольных пласта. Конечно, проводить разведочные работы в трудных климатических условиях Севера, вдали от населенных пунктов в те годы было очень трудно. Пономарев, разумеется, делал все, чтобы подчинить себе природу Севера. Он никак не мог мириться с тем, что до сих пор не найдено методов борьбы с комарами. «Вот увидите, я изобрету какую-нибудь защиту, когда мы приедем на место работ». И он действительно изобрел. Больше всего комары донимали в палатке, и он стал совершенствовать свое жилище. Сначала решил, что при таком обилии кусающихся насекомых вход в палатку не нужен и зашил его, оставив сбоку в полу узкую щель. И действительно, когда вылезаешь ползком из палатки, в нее ни один комар не залетит. Теперь он мог работать и отдыхать спокойно.

Плотная брезентовая палатка почти не пропускала света, и даже днем Пономареву приходилось работать со свечой. Однажды он поставил свечу близко к стенке и, по его словам, увлекся работой так, что не заметил, как палатка вспыхнула. Пономарев растерялся. Он бросился к выходу, но выход крепко-накрепко зашил. Разорвать палатку без ножа трудно, да и ножа, как на грех, под

рукой не оказалось. Надо было подумать о себе и о деньгах, хранившихся в чемодане. С чемоданом в руках Пономарев полез в щель, но она не выпустила его наружу. Он метался по палатке с чемоданом в руках до тех пор, пока наконец обгоревший угол не открыл ему выход на свободу. Закричал он лишь тогда, когда очутился на свободе. На крик прибежали рабочие и потушили остатки от палатки и одежду на Пономареве. Чемодан тоже обгорел, но деньги и расписки, к счастью, были спасены. Инженер отделался легкими ожогами.

Однако разведка здесь прошла довольно удачно. Было пробурено девять неглубоких скважин на протяжении 900 метров от угольного пласта в юго-восточном направлении. Первые семь, как и предполагалось, вскрыли отложения нижнепермской угленосной толщи.

У устья Кожима нам пришлось расстаться с Федотом и Алексеем, а между тем мы привыкли друг к другу. Они оказались на редкость добросовестными и старательными людьми. Отец недоверял, почему оба они не хотят работать с нами на Кожиме. Он предложил этим ребятам увеличить зарплату. Но Федот вдруг заявил: «Я ходил бы с тобой куда угодно, только не по этой коварной реке». «А почему?» — спросил отец. И Федот очень неохотно рассказал нам об одном случае, который произошел с ним лет десять назад на этой реке.

Ранней весной он в числе шестерых охотников ушел в горы охотиться. Охота выдалась на редкость удачной. Они убили несколько лосей и, чтобы не пропало мясо, решили спуститься по реке на плоту. Находились они в самом верховье Кожима. Прошел только что лед, и Кожим бушевал. Шесть смельчаков соорудили плот, погрузили на него лосиное мясо, жир и шкуры и оттолкнулись от берега в надежде, что быстрое течение доставит их к устью через двое суток. Первые километры они плыли довольно удачно. И конечно, эти смелые люди благополучно добрались бы до своей цели, но... Впереди показалась скала, она торчала из воды прямо в середине русла реки. Все пятеро взялись за шесты, но шесты не достали дна. Люди сразу же стали грести веслами, напрягая все силы, но тщетно. Плот, как щепка во власти быстрого течения, песся прямо на скалу. Раздался треск, и он разился вдребезги. Люди не успели опомниться, как очутились в воде. Федот же каким-то чудом успел уцепиться за скалу и повис на ней. Не прошло и минуты, как все пятеро исчезли в воде коварной реки. Федот не сразу понял, что висит на скале и ноги его болтаются в воде. Плавать он не умел, да если бы и умел, разве можно было думать о плавании по такой реке ранней весной в зимней одежде? До берега было метров пятьдесят.

«На мне была малица,— рассказывал Федот.— По берегам еще не стаял снег, и вода леденила ноги. Я висел на скале, вцепившись в нее, как ястреб в свою добычу. Конечно, и меня ждала та же участь, что и товарищей. Сколько я провисел на скале, сказать трудно. Тело мое наполовину покачивалось в воде. Силы стали изменять, ноги закоченели, и я решил было броситься в пучину Кожима вслед за товарищами».

Мы жадно следили за его рассказом, а между тем рассказывал он не торопясь, выбирая слова. Он довольно хорошо говорил по-русски, и его рассказ был ясен и понятен нам. Дойдя до критического момента, Федот замялся. Лицо его побледнело, и он замолчал. Он, как-то съежившись, весь ушел в себя и, казалось, не хотел говорить дальше. Мы все долго молчали, сидя у костра, стараясь не нарушать его мысли неуместными вопросами. Прошло по меньшей мере минут десять, и тогда отец спросил его: «Ну, а как же ты жив остался?» Федот покачал головой, наклонился вперед к костру и ответил: «И сам не знаю». Мы все переглянулись в недоумении. Затем он сказал: «Судьба, судьба, видно, пала на меня в живых остаться». «Ну а как же все-таки?» — поинтересовался отец. Федот поднял голову, глаза его, освещенные огнем костра, блестели. Не сразу он смог продолжать свой рассказ.

«Висел я, висел, сил не стало и чувствую, что коченею. Ну, думаю, пришел мне конец. И уж хотел было отцепиться, как вдруг что-то очень сильно ударило меня по ноге, отчего я и свалился в воду. Гляжу — рядом елка с бетками. Она-то и сшибла меня со скалы. Ухватился я за нее, да ремнем привязался, которым малицу подпоясывал, и поплыл, куда вынесет. Не проплыл я и километра, как меня с елкой стало прибивать к берегу. Ну, думаю, теперь жив остался».

Федот кончил свой рассказ и, облегченно вздохнув, вытер глаза от набежавшей слезы. «Жаль товарищей. Ох как жаль!» — произнес он и провел рукавом по глазам. Мы чувствовали, что не было смысла упрекивать его ехать с нами на Кожим, где он потерял пятерых товарищес. Брат Федота, Алексей, сказал нам при расставании, что Федот дал себе клятву никогда в жизни не ездить на реку Кожим, проклятую, по его словам, хотя ранее ежегодно на ней рыбачил.

Но как же все-таки он потом добрался до дома? Его спасениеказалось мне совершенно невероятным. Промокший, иззябший человек, находившийся километрах в ста от жилья на берегу дикой реки почти зимой, должен был неминуемо погибнуть... «Э, Юра,— сказал Федот.— Да как же пропадет охотник в своих-то угодьях?» От смерти его спасла обычная охотничья предусмотрительность. Как всякий настоящий охотник, Федот имел про запас спички в

шапке. Счастливый случай: они оказались сухими. Выбравшись на берег, Федот развел костер, согрелся и обсох. Затем добрался до охотничьей избушки, натопил ее, как баню, и еще раз как следует прогрелся. А уж после этого охотнику никакого труда не составило дойти пешком до деревни.

Да, Кожим, видно, опасная река. Мне стало ясно, что успех наш всецело зависит от опытности рабочих. И вот теперь в деревне Кожимом мы стали подыскивать новых умелых, сильных людей.

Василий и Алексей — так звали наших новых проводников — сразу же горячо взялись за работу. Они приняли участие в поисках фарватера реки, разлившейся на ряд рукавов в нижнем течении, и, ни в чем не уступая аранецким проводникам отца, так же умело владели шестами и быстро толкали лодку вперед.

Кожим — одна из самых красивых и быстрых рек Печорского Приуралья. Она изобилует опасными порогами и перекатами. Кожим течет в области западного склона Приполярного Урала, который здесь слагается из нескольких горных хребтов, образованных антиклиналями и синклиналями. Врезаясь в древние породы, Кожим дает прекрасный разрез палеозоя. Почти непрерывно по берегам реки тянутся причудливые, красивые, с остроконечными пирамидами скалы, недоступные для осмотра.

Уже через десять километров мы остановились работать у первых скал, выступающих на левом берегу. И не успели прикальтить к берегу, как увидели дикого оленя, вышедшего на водопой к скалам противоположного берега. Олень не слышал нас: шум воды заглушал наши разговоры. Василий, не раздумывая, с винтовкой в руках стал подкрадываться к оленю вдоль скал. Расстояние между ними было около 200 метров. Раздался выстрел — олень упал. Надо было видеть, с каким азартом четверо наших охотников стали подниматься вверх по реке за убитым оленем, невзирая на опасность. Отец не мог возразить, да он и не успел, как лодка очутилась на середине русла в быстрине клокочущей воды. Они привезли оленя, в какой-то момент освежевали тушу, не упустили случая и абурдить (есть сырое мясо).

Вечером все занимались приготовлением ужина. Шипела на сковородке печенка. В котелке вкусно попахивали вареные позвонки — мое любимое кушанье. Ужин удался на славу, и все как-то повеселели. Плохие транспортные условия не позволяли брать с собой из Москвы лишнее. Брали самое необходимое: сахар, чай, немного белой муки на лепешки. Недостатка в рыбе у нас не было, ну а мясо, само собой разумеется, редкость, и не мудрено, что у Василия не дрогнула рука.

Далее мы поднимались на бечеве. С каждым километром путь

осложнялся почти непроходимыми порогами. Иногда и бечевник совсем исчезал, прямо из воды поднимались отвесные скалы 100-метровой высоты. На угольном месторождении, где трудились разведчики под руководством А. Ф. Лебедева, мы остановились для того, чтобы собрать дополнительно окаменелые остатки вымерших животных, с тем чтобы точнее определить возраст угленосной толщи.

От устья Сывью мы поднялись еще несколько километров по Кожиму и остановились для того, чтобы сходить в горы. Они находились от нас в пяти-шести километрах на востоке. Хребет Обеиз в месте пересечения с Кожимом относительно невысок. Лишь небольшая часть его вершины лишена растительности. Он возвышается над уровнем Кожима метров на 500—600.

Рано утром отец, Василий, Алексей и я тронулись в путь. Отойдя от реки на несколько десятков метров, мы вошли в глухую, нехоженную тайгу. Вскоре тайга стала уступать место елово-березовому леску. Через час мы добрались до подъема. Лес стал редеть, мы вошли в полосу малинового кустарника и царство лиственницы. Наконец и лиственница исчезла. Кустарник стал малорослым. И вот перед нами скалистая долина Кожима. Я побежал вперед, но отец вовремя окликнул меня и запретил уходить далеко. А мне хотелось забраться на самую высокую точку вершины, с которой, как сказал Василий, видно все кругом. До нее оставалось каких-нибудь сто метров, но на них мы затратили еще три часа.

И вот та самая вершина — цель нашего похода. На нее я забрался первым, но, к сожалению, перед глазами выросла другая вершина. Поднялся на вторую — но и она оказалась не последней. «Что ж, им конца не будет?» — спросил я у Василия. «Да нет, должен быть», — ответил он, и мы опустились на землю в ожидании своих. Восток был все еще не доступен взору. На западе прекрасно вырисовывалась долина реки Косью, голубые плёсы реки проглядывали зеркальными озерами среди ровной зеленой полосы леса.

По пологому склону поднялись еще выше. Большие плиты кварцита расположились лестницей, как будто специально для подъема. Шли по ним до конечной вершины. С нее открывалась панорама Уральских гор. Куда ни посмотришь, всюду горы, горы и горы, увенчанные островерхими пиками и зубцами, извилистыми выступами разрушенных скальных пород. Мы выбрали удобное место на плоских плитах, уселись и стали обозревать Урал. Сбылась моя мечта! Ни с чем не могу сравнить восхитительное видение панорамы гор, тающей в голубоватой дымке горизонта. По-моему, ни одному художнику не удавалось изобразить

нечто подобное. От этой картины нельзя было оторвать глаз, и я без устали всматривался, стараясь уловить очертания самых дальних вершин.

Урал в те времена был совсем не исследован. И лишь местные охотники по каким-то своим приметам знали отдельные вершины. Отец записывал названия этих вершин и наносил их на карту.

Мы находились на западном отроге Уральских гор — хребте Обеиз, расположенному всего в 35 километрах от устья Кожима. На востоке от нас возвышался хребет Западные Саледы, еще дальше лиловатой оторочкой вырисовывались пики хребта Малды-Нырд с отвесными склонами и нетающими снегами и далее еле-еле угадывался самый высокий хребет из четырех отрогов — Росомаха. Малды-Нырд и Росомаха возвышаются на 800 метров над границей леса, заметно снижаясь на северо-восток. Кожим как бы обходит оконечности этих хребтов, круто изгибаясь к северо-востоку. В широких троговых долинах, которые расположились между хребтами, протекают левые притоки Кожима: Дурная, Лимбикою, Балбанью и другие. Все хребты представляют собой антиклинальные структуры, а долины названных притоков нашли себе место в синклинальных складках. Мысль побывать в горах, исследовать горные вершины оставалась самой заманчивой на всем последующем этапе изучения Печорского Приуралья. И я не ошибусь, если скажу, что меня в одинаковой мере влекли в горы и жажда открытый, и наслаждение грандиозностью природы.

В обратный путь мы тронулись, когда уже солнце скрылось за горами. Мгновенно картина изменилась: все кругом стало сурово-серо-холодным — это тоже типичный пейзаж для Урала. Величие гор волновало меня. Я мечтал о новых маршрутах, о новых вершинах. Мне хотелось исследовать. Для этого надо много знать, а чтобы знать, надо много трудиться. И этот труд спустил меня с небес на землю на следующий же день.

Выше устья Сывью обнажаются крепкие известняки и доломиты силура. И опять картина изумительной красоты: недоступные причудливые остроконечные скалы. И только внизу, у самой реки, на отшлифованной поверхности их мы увидели многочисленные колонии кораллов (табулят), мелко- и крупноячеистых фавозитов и хализитов — характерных форм для этих отложений. Но увидеть — этого недостаточно, надо было выбивать эти органические остатки из крепкой породы, что оказалось далеко не легким занятием. Прежде чем выбьешь одну колопию, испортишь десяток образцов, а дорог был каждый.

В восьми километрах выше устья Сывью на Кожиме обнажается двадцатиметровая отвесная скала ордовикских известняков, названная местными жителями Каюк-Ныр — по-русски «Нос лодки».

Она действительно вдается в русло реки как нос лодки, а Кожим, обтекая ее, поворачивает в обратную сторону, то есть с севера на юг. У самых скал глубокая яма, известная каждому местному рыболову обилием кумжи, довольно вкусной рыбы с красным мясом. Кумжа прожорлива и хватает блесну около самой лодки, а ночью хорошо ловится на рыбьи кишки.

Выше Пальник-Шора снова вскрываются те же силурийские отложения, но пласти их падают или наклонены здесь на восток. На значительном протяжении реки располагаются очень живописные отвесные скалы. От устья Дурной Кожим несет свои воды не в крест простианию слоев, как это было на месте прорыва северной оконечности хребта Обеиз, а по простианию — вдоль северо-западного склона хребта Западные Саледы. Долина реки здесь более широкая, и в русле появляются острова, галечниковые перекаты. По берегам откладывается крупный галечник, песок и гравий почти полностью выносятся быстрым течением Кожима.

В девяти километрах от устья Дурной с левой стороны в Кожим впадает ручей Джагал-Шор. Ранним утром опять вчетвером пошли по ручью, который ведет на ближайшую вершину хребта Западные Саледы — гору Джагал (в переводе на русский язык — «удавленник»). Лет 70—80 тому назад, как нам рассказал Василий, на этой горе произошла страшная трагедия: со скалы сорвались наряды с двумя седоками-оленеводами, пасшими здесь оленей; их единственная дочь от горя повесилась на лиственнице, росшей на вершине горы.

Мы шли лесной тропой, которую никто из нас не видел, но зато хорошо различал Василий по каким-то ему одному ведомым признакам. Это были или засечки на стволах деревьев, сделанные топором или ножом, или сваленная ель, или ель со сломанной верхушкой, наконец, кусты с поломанными ветками. Как бы то ни было, но Василий вел нас правильным путем. Часа через полтора подошли к крутыму подъему и, отдохнув, стали подниматься вдоль овражка к узкому ущелью. Лес кончился, обнажился скалистый склон. Мы стали карабкаться по скалам и наконец достигли той самой роковой лиственницы. Теперь она, полууставшая, лежала на земле, а рядом с ней росла другая, уродливая, изгибающаяся под прямым углом, свесив свои ветви над обрывом. С горы Джагал мы не увидели той изумительной картины, которую наблюдали с хребта Обеиз. Джагал значительно ниже Обеиз, и хребет Западные Саледы закрывал собой панораму хребта Малды-Нырд.

Обратно мы пошли по ручью Ляптик-Шор. Он прорезает мраморизованные известняки ордовика и местами течет в узких ущельях.

Выше устья Ляптик-Шора Кожим небольшими, но крутыми

излучинами подмывает отвесные скалы, а затем режет в крест простиранию пласти, которые слагают северную оконечность хребта Западные Саледы. Здесь река течет прямолинейно и представляет почти сплошной порог до самого устья Лимбикую. Северная оконечность хребта Малды находится отсюда в четырех-пяти километрах. Нам удалось дотащить лодки до устья Лимбикую. Далее Кожим на лодках непроходим. В маршрут по Лимбикую отец пошел с Василием. Все остальные, в том числе и я, ремонтировали лодки, которые изрядно поистерлись за время подъема.

Предполагали, что через день тронемся в обратный путь. Проводники советовали переждать. Но вечером прошел ливень. Река помутнела, вздулась. Кожим забурлил, и мы отплыли вниз по реке, предоставив лодку течению: даже не приходилось грести. Расстояние от устья Кожима до Лимбикую преодолели за 25 дней, поднимаясь по пять — семь километров в день. Теперь же мчались со скоростью десять километров в час. Скорость большая. Я трусил, откровенно говоря, и все время наблюдал за Василием и Алексеем. Оба они стояли с шестами в руках, готовые в любую минуту предотвратить опасность. Когда раздавался грозный голос Василия или Алексея, я крепко хватался за борта лодки, как будто меня это могло спасти.

К вечеру мы были у подножия хребта Обеиз и остановились ночевать. На другой день подплыли к угольному месторождению. Отец остановился посмотреть, как проходят разведочные работы, а мы с Марией Ивановной в сопровождении Василия и Алексея спустились в деревню Кожимвом, где окончательно упоковали бараж для отправки в Москву, напекли хлеба на обратный путь и стали поджидать отца. Но в этот день он не приехал. Не появился и на следующий день. Значит, много работ, подумали мы с Марией Ивановной. Я сразу же воспользовался отсутствием родителя и пошел на Косью на рыбалку. За мной увязались деревенские ребятишки. С их помощью я нашел курью, в которой кишили окуни. Я не успевал вытаскивать. Мальчишки с завистью смотрели на меня. Пришло раздать им все свои крючки. Они уселись на бережку, и каждый немудреной удочкой стал ловить рыбу. Помню, как заплакал один мальчуган от обиды, когда у него оборвался крючок. Я отдал ему свой, последний. С огромной вязанкой рыбы мы возвращались в деревню, и я думал, что обрадую отца уловом. Но к моему удивлению, отец еще не приехал. И тут мы всерьез задумались над причиной его задержки. «Все могло произойти на этой дурной реке», — говорили на наши вопросительные взгляды Василий и Алексей. И действительно, с отцом произошло одно неприятное приключение.

Утром третьего дня мы с Марией Ивановной стояли на берегу и всматривались вверх по реке. Только к 12 часам из-за поворота показалась лодка. Отец был какой-то взъерошенный, суетливый и при этом мило улыбался. Посмеивались и Петр с Михаилом. Но Мария Ивановна своим наметанным глазом хозяйки заметила, что в лодке маловато вещей. А произошло следующее.

Отец поставил свою палатку на небольшом островке. Михаил же с Петром решили перепочевать в лагере Лебедева. Словом, он отпустил их на лодке и остался на острове один. Ночная мгла скоро окутала все вокруг. Черной стеной высился по берегам безмолвный лес. Отец загасил костер и лег спать. Среди ночи он проснулся от неприятного ощущения в ногах. Протянул руки к ногам и попал в воду. Первая мысль — что прошел дождь, но она не подтвердилась, когда он пощупал палатку. «Что за оказия: ноги в воде, а палатка сухая,— рассказывал отец.— Пока встал, пока ощупью выбрался из палатки, почувствовал, что вода подбирается к коленям. Спички, конечно, уплыли: я всегда кладу их около себя. Куда деваться? А вода между тем явно наступала. Надо было срочно принять меры, но какие? Темнота, лодка на другом берегу. Я попробовал закричать, но разве докричишься? И я бросился в ледянную воду в чем есть и поплыл наугад на противоположный берег. К моему счастью, рукав оказался не широким. Благополучно добравшись до берега, мокрый, босой, я побрел леском в лагерь Лебедева, спотыкаясь о коряги и сучья. Своим неожиданным появлением я так напугал всех, что сонные люди долго не могли понять в чем дело. Только к рассвету сформировалась спасательная команда. Когда мы подошли к берегу, то от моей палатки виднелась только крыша, вещи плавали в воде и на глазах их уносило течение. Что ж! Мне ничего не оставалось, как сфотографировать место своего приключения», — закончил свой рассказ отец со свойственным ему юмором.

День начался и кончился рассказами забавных историй. «Это что за происшествие,— подхватил разговор Петр.— Это может с каждым случиться. Дождь где-то в горах прошел, может быть, за сто километров отсюда, а вода в реке прибыла, и Кожим заиграл. А вот что произошло с инженером Лебедевым». «Да замолчи ты», — одернул его Михаил. «Ты что, вся разведка об этом говорит, а мне нельзя». — «Я не слышал ничего, ну-ка, расскажите, что с ним произошло», — заинтересовался отец. Петр и Михаил, перебивая друг друга, рассказали, как инженер Лебедев охотился недалеко от лагеря. Он отошел от палаток метров на 150—200 и повстречал медведицу с медвежонком. Они увидели друг друга одновременно на расстоянии метров тридцать. Лебедев остановился. Он хотел было закричать, но никаких звуков не последовало.

За плечами у него было дробовое ружье, он бросил его и забрался на первую попавшуюся ель, да так ловко и быстро, что и сам удивился своему проворству. Забрался на дерево и, казалось, успокоился. Медведица тоже успокоилась и стала играть с медвежонком, не замечая инженера. Но вот она приблизилась к дереву, на котором сидел инженер, обнюхала брошенное ружье и стала засыпать его листьями и землей. А затем подняла морду вверх, зарычала, встала на задние лапы и полезла на дерево. Лебедев сидел до этого момента тихо, ничем не выдавая своего присутствия. Но когда догадался о намерениях медведицы, рванулся, ель задрожала. Он опять открыл рот с целью закричать, но опять ни звука. Выше лезть было некуда, он и так сидел на самой макушке, а медведица поднялась по стволу довольно высоко. Лебедев видел палатки и дым, поднимающийся от костра, видел людей, но не мог подать голоса. И вдруг медведица почему-то спустилась вниз. Может быть, ее что-нибудь испугало? Может быть, и она почувствовала дым от костра? Но она долго еще бродила вокруг ели. Инженер следил за ней, но с дерева спуститься не решался, да так и просидел целый день. Постепенно к нему вернулся голос. Он стал кричать, сначала тихо, потом все громче, и наконец его услышали в лагере. На крик прибежали люди. Начальник дал указание осмотреть местность. И только после этого усталый, бледный инженер опустился на руки рабочих. В этот день Лебедев попросил затопить самодельную баню. На другой день под всеобщим написком любопытства инженер рассказал о случившемся. Чего не бывает в экспедиции!

К устью Косью приближались почти одновременно с пароходом. Рассчитываемся и расставляемся с Василием и Алексеем, и грузимся на пароход. Оба они не прочь поехать с нами на будущий год. Удивительные люди! С каким чувством благодарности вспоминаю я наши совместные поездки с этими тружениками! Честность, порядочность и справедливость, пожалуй, самые яркие черты в характере этих людей.

Особенно запомнился Василий своим настойчивым характером и незаурядной внешностью. Весь он казался олицетворением здоровья и силы. Василий много рассказывал про свои охотничьи похождения. А сколько он знал охотничьих троп, в этом мы сами убедились, когда он сопровождал нас в горы. Чувствовалось, что человек этот искренне привязан к своему родному краю, в котором, кроме дикости и суровости, в моем тогдашнем представлении, не было ничего примечательного. В годы действительной военной службы Василию предоставлялась возможность остаться в Ленинграде. Но родной край с его просторами был ему больше по душе. Василий — настоящий северный таежник. Я вспоминаю слова

географа В. А. Русанова, который, изучая жизнь и быт населения Печоры, писал в 1904 году о коми-охотнике так: «С 12 лет до глубокой старости, до тех пор пока не притупится острое зрение, пока не ослабеют железные мышцы, из года в год зырянин занимается охотой. Это его любимейшая родная стихия. Только тут, среди настоящих затруднений и неподъемных опасностей охотничьей жизни, развертывается вовсю сильная, находчивая, спокойно-отважная натура зырянина, только в охотничьей артели зырянин всегда готов выручить попавшего в беду товарища, отдав на это все силы, свое здоровье, а иногда и самую жизнь». Я думаю, что Русанов писал именно о таких охотниках, каким был Василий.

Маленький буксирующий пароходишко доставил нас в Усть-Усу. И здесь, как всегда, у Ильи Денисовича Онуфриева оставили все свое имущество до будущего года. Петр и Михаил получили задание подготовить к весне две лодки и ждать нас в конце июня. В Усть-Усе сели на пароход «Республика». Весь наш багаж только коллекции образцов. Добрались до пристани Кую, но здесь вынужденная задержка: десять дней не было морского парохода. «Республика» за это время сделала рейс в Усть-Усу и привезла наших инженеров-разведчиков Лебедева и Пономарева. Опять мы все вместе. Жили в ожидании парохода на барже.

Заморосили сентябрьские дожди. От скуки кто помоложе ходили в деревню танцевать под гармошку. И я выучился танцевать местные кадрили.

Однажды кто-то издала завидел пароход, но мы пришли в ужас, когда к причалу подошел грузовой вместо пассажирского. Двое суток он разгружался и столько же загружался: бочками с рыбой и олеными шкурами. Четырнадцать дней, проведенных в Кую, заставили нас сесть на этот пароход. Ждать другого не приходилось, он мог вообще не прийти.

Женщин нашей экспедиции капитан устроил в салоне, мужчинам пришлось довольствоваться трюмом. Вдоль одного борта на бочках и тюках со шкурами мы разостлали свои постели. Начались разные суждения по поводу предстоящей качки. Кто-то рекомендовал поплотнее покушать, а кто, наоборот,— не есть, а просто потуже затянуть живот. Другие советовали выпить вина. Было внесено предложение вообще не ложиться, а находиться на воздухе около дымовой трубы, где якобы качка ощущается меньше всего. Но как только началась качка, все советы были забыты.

Лебедев и Пономарев держались дольше всех. Они все еще переговаривались. Пономарев изобретал способ избавления от капающей с потолка воды. Он привязал над своим ложем брезент и опять стал подтрунивать над всеми нами, хотя всем было далеко не до шуток. Я лежал рядом с ним. А море, осеннеё Баренцево море,

бушевало не на шутку. Однажды ночью мы почувствовали килевую качку. Со страшным ревом кормовые винты работали в воздухе, когда нос парохода резко нырял. Нам казалось, что пароход вот-вот разобьется вдребезги. Он содрогался, и нас всех трясло как в лихорадке. Никто не спал, все лежали, ожидая самого худшего, что может случиться в разбушевавшемся море. В какой-то момент раздался сильный удар в носовой части парохода и одновременно с этим голос Пономарева: «Спасайтесь, тонем!» Сам он вскочил и бросился к деревянной лестнице, ведущей к люку на палубу. Надо сказать, что никто не двинулся с места, кроме Лебедева. Оба они вышли на палубу и скоро вернулись успокоенные. «Что тебе вздумалось, Терентий, кричать? — спрашивал Лебедев Пономарева. — Вечно ты придумываешь что-нибудь». Оказалось, что подвешенный к потолку брезент оборвался и скопившаяся на нем вода вылилась на Пономарева. И в этот самый момент ему показалось, что в носу парохода образовалась дыра, на самом же деле во время удара открылись дверцы шкафа, стоящего в трюме в самом носу. Мы посмеялись над последним приключением Пономарева, когда приехали в Архангельск, а Лебедев не давал ему покоя: «А ну, Терентий, расскажи, как ты тонул в трюме». Пономарев в ответ только улыбался.

За полевой период на Большой Инте разведчики вскрыли четыре угольных пласта. На Кожиме — 17 пластов общей мощностью 13,3 метра. Опыт сжигания этого угля в топке паровоза показал довольно существенный недостаток — значительную плавкость. Но, несмотря на это, поисково-разведочные работы велись здесь до 1940 года. В годы Великой Отечественной войны Кожимское месторождение эксплуатировалось.

По гряде Чернышева

Геологические исследования планомерно продвигались к северу. В 1928 году А. А. Чернов проводил съемку на реках Шарьи и Заостренной. Все тем же знакомым путем, в том же составе в июне мы приехали в Троицко-Печорск. Через несколько дней все тот же капитан Любимов принял нас на борт парохода «Социализм». На сей раз он подготовил подарок отцу — камень килограммов двести весом, который он возил с прошлого года. Очень интересным показался Любимову этот камень, и команда подняла его со дна, чтобы специально показать отцу. Это оказался ствол окаменелого дерева. Очевидно, он был вымыт водой из пермских отложений и мог бы быть прекрасным экспонатом в любом геологическом музее.

В деревне Аранец к нам примикули четверо старых знакомых: Петр, Михаил, Григорий и Киприян. Лодки прицепили к корме парохода. Через сутки приплыли в Усть-Усу, а здесь, не дожидаясь парохода, пересели на свой собственный транспорт.

Путь до Шарью отнял почти пять дней. Но в устье ее попали не без труда: оно пряталось за длинным песчаным островом, который надо было обогнуть. В самом устье почувствовалась перемена ландшафта по сравнению с Усой. Шарью оказалась небольшой речонкой и выглядела в нижнем течении заводью, курьей, озером с обрывистыми невысокими берегами, заросшими кустарником. Никакого движения воды. Мы плыли на веслах вверх по реке, я с кормы ловил дорожкой рыбу. Мне не поверят, если я скажу, что в реке кишмя кишили хариусы, другой рыбы здесь не было. Очевидно, в этой реке никто никогда не ловил их. Ближайшая деревня Макариха находилась от Шарью в восьми километрах. Но жителям этой небольшой деревушки рыбы хватало и в самой Усе. И хариусы здесь жили и размножались из года в год, не ведая, что такое крючок. Я не успевал вытаскивать блесну; через 10—15 минут — в лодке набралось ведро рыбы. Кстати, такой же рыбной была Шарью и в 1956 году, когда я попал на нее вторично. Эта речушка полюбилась туристам.

Дичи на Шарью почти не оказалось, хотя берега ее вполне удобны для гнездования уток. Лес изобиловал рябчиками и тетеревами. Но специально охотой мы не занимались: для этого у нас не было времени; случайно поохотиться не упускали случая. Както раз мы заметили рябчиков на березе, нависшей над водой, переглянулись и сразу же решили, что надо делать. Петр и Михаил ловко, без шума подвели лодку под березу, а я с другой лодки выстрелил. Два рябчика свалились прямо к ногам Марии Ивановны. Она вскрикнула от неожиданности. Отцу нравились моя ловкость в движениях и точный, меткий быстрый прицел из любого положения.

Никто из нас на Шарью не был, так что поднимались мы по незнакомой реке. Даже несведущий в геологии человек мог заметить, что свои воды Шарью катит с какой-то возвышенности. С каждым километром ощущался подъем. По расспросным сведениям мы знали, что скал на реке много, но они далеко от устья. Река становилась уже. В 30 километрах русло ее сплошь заросло подбелом. В поисках фарватера одному из нас пришлось идти впереди лодок по воде. По такой обмелевшей реке мы поднимались два дня и только на пятые сутки подошли к первым скалам — это были известняки силура, мы узнали возраст по фауне, которую нашли в них.

Шарью, врезаясь в коренные породы, слагающие гряду Черны-

шева, в трех местах на своем пути течет в узких ущельях, или воротах, и дает несколько обнажений. Первые скалы оказались нижними воротами. Средние ворота слагают известняки среднекаменноугольной эпохи, верхние — породы позднекаменноугольной эпохи. Эти скальные изваяния были свидетелями того, что происходило здесь сотни миллионов лет назад. И человек должен был теперь разгадать их тайну и сказать, какова была природа и условия их образования, наконец, какие в этих условиях могли формироваться полезные ископаемые.

Ниже и выше нижних ворот по обоим берегам реки выступают тонкослоистые известняково-глинистые и горючие сланцы так называемого доманикового возраста. Здесь мы обнаружили прослой битуминозного сланца, и это дало основание сделать вывод, что в области распространения гряды Чернышева в девонском периоде формировались нефтепроизводящие осадки. Эти результаты явились главной причиной моего вторичного появления на реке Шарью в 1956 году.

В настоящее время нас интересовали главным образом отложения пермского периода, поскольку с ними связаны выходы углей. Эти породы по сравнению с более древними легко разрушаются водой, поэтому выходов перми здесь мало, однако и среди них были встречены тонкие прослои угля. Правда, по этим выходам нельзя составить себе полное представление о разрезе перми, а тем более судить о наличии или отсутствии угольных пластов. По характеру имеющихся здесь отложений можно было предположить, что и в районе Шарью развиты угленосные осадки перми. Но для выяснения этого необходимы большие разведочные работы, и наша маленькая экспедиция осуществить их не могла.

От устья Шарью до Заостренной по Усе не более 50 километров. У Заостренной мы разделились на два отряда. Я, Мария Ивановна, Киприян и Григорий на одной лодке направились на Заостренную, а отец — на Кожимское месторождение, где он должен был проконсульттировать разведчиков. Ему надо было подняться 100 километров по Усе и столько же по Косью. Мы договорились, что через две недели он догонит нас на Заостренной.

Две недели мы поднимались по Заостренной, проходя в день не более двух-трех километров, расчищая русло лопатой или волоча лодку по галечниковым перекатам. Отец все еще не появлялся, хотя мы расчистили дорогу и указали фарватер. Кончились обнажения, река обмелела совсем. Мы остановились. Ждем отца. Мария Ивановна отправила меня с Киприяном в маршрут посмотреть реку.

Это был мой первый самостоятельный маршрут. Пришло время вести глазомерную съемку и описывать характер берегов, хотя на

моем пути встречались одни лишь четвертичные отложения. Мы прошли 11 километров и встретили наконец грязное обнажение, заплывшее бурыми вязкими суглинками. Мы решили пройти мимо него у уреза воды по галечнику. Я шел первым с рулеткой в руках, Кириян держал другой конец рулетки. Не успел я ступить на бурую глину, как провалился по колено в грязь. Вытащив сапог, я удивился тому, что грязь оказалась не бурой, а черной. «Интересная грязь», — подумал я и потер ее руками. Это была самая настоящая угольная сажа. Я не сразу догадался, что под бурой глиной залегает уголь. Мы поднялись на задернованный склон и стали копать по очереди молотком против того места, где увяз мой сапог. Копать пришлось около часа, пока добрались до выветренной поверхности угольного пласта. Надо было видеть, как мы суетились за этой работой. Нам хотелось как можно больше обнажить поверхность угольного пласта; он залегал среди глинистых сланцев темно-серого цвета и оказался более двух метров толщины. Набрав чуть не полный заплечный мешок образцов, пошли вперед посмотреть, нет ли поблизости еще выходов углей. Но к сожалению, их не оказалось.

Отец моей находке очень обрадовался, так как, по его данным, на этой реке ожидалось наличие угольных пластов. Я уже кое-что понимал в геологии, но еще не догадывался, из каких предпосылок исходит отец, судя о выходах той или другой породы на больших расстояниях.

Август стоял на исходе. Наша экспедиция заканчивала работу. Предстоял длинный путь: 150 километров по реке Усе, затем по Печоре до устья, а дальше морем. В Кую нам повезло. Мы разместились в первоклассных каютах пассажирского морского парохода «Вологда». Но и в этих условиях я страдал морской болезнью, как только пароход вышел из Печорской губы.

Четвертая поездка в Печорский край закончилась триумфально. Меня окрылила радость открытия угля на Заостренной. Я почувствовал себя полноправным членом экспедиции и как-то вырос в собственных глазах, проявлял еще больший интерес к работе отца и большее рвение к исследованиям.

Знакомство с Большеземельской тундрой

Перед выездом в экспедицию в 1929 году мне пришлось пройти практику под Москвой. Вернувшись, я стал готовиться к отъезду на Печору. Наш небольшой отряд во главе с отцом держал путь все на ту же Усу. С нами ехала студентка 3-го курса Наташа Штерникова. Для нее это была первая экспедиция.

Предполагалось провести съемку по правым притокам Усы: Богану, Макарихе — и нижнему течению Адзьвы с ее притоками. По данным А. В. Журавского и Н. А. Кулика, в среднем течении Адзьвы известны выходы пермских пород. Они были пока самыми северными на гряде Чернышева, и А. А. Чернов решил охватить исследованиями и этот отрезок реки Адзьвы.

Район работ — тундра, которую никто из нас не видел. Все мы ожидали новых впечатлений, хотя и догадывались о трудных условиях работы. Цель экспедиции все та же: обнаружить уголь среди пермских отложений. И на этот раз нас сопровождали верные помощники из деревни Аранец.

Все привычно на этом пути, лишь одна Усть-Уса оказалась иной. Усть-Уса расположилась на перекрестке двух водных магистралей. Прилегающие районы изобиловали куропаткой. В 1928 году в верхнем конце села началось строительство консервного завода — первого промышленного предприятия в Печорском крае. В первых числах сентября в здешних деревнях производили массовый забой оленей. Мясо, рыбу, дичь переправляли в Усть-Усу на больших лодках «каюках». Однако организация всего хозяйства в то время велась на низком уровне. Завод большую часть времени простаивал из-за неравномерной доставки сырья. Зимой консервировали оленину, куропаточье мясо, летом — рыбу, в том числе семгу и другие ценные породы. Рыба доставлялась из рыбакских поселков, где ее вылавливали местные рыбаки дедовскими методами. Живорыбниц завод не имел, и рыба часто портилась, прежде чем попасть в обработку. Во избежание простоев на заводе иногда консервировали грибы, ягоды. После войны он был ликвидирован.

Из Усть-Усы мы поплыли вверх по реке под парусом при попутном ветре. Мелкие притоки Боган и Макариху исследовали порознь: отец, Наташа и двое рабочих — Макариху, а я с Марией Ивановной — Боган. Эта речушка оказалась маленькой, узенькой, но довольно глубокой. Она текла среди ледниковых отложений, преимущественно суглинков и глин, и производила впечатление грязной. Но поднимались по ней мы быстро. Мария Ивановна предпочитала сидеть в лодке, а я забирался вверх по склону и сообщал ей сверху, что вижу.

Боган не имел ни одного выхода коренных пород. Мы вернулись обратно и стали подниматься по Макарихе навстречу отцу. Лес совсем исчез, даже в долине реки не видно было ни одного деревца. Голые, пустынные берега, лишь внизу поросшие кустарником и низкорослым ивняком. Но какие широкие северные дали открывались с высоких берегов! Я лишний раз убедился, что не люблю леса. Меня влекли дали, пусть однообразные, безплодные, но дали.

Обнаружив на Макарихе лишь четвертичные отложения, мы заторопились на Адзьву, где нас ждала работа. Но прежде чем добраться до среднего течения Адзьвы, пришлось «погостить» у гостеприимных жителей адзьвинских деревень. Самая большая из них — Ниедзель и еще три деревни у устьев рек Харуты, Наума и Нерью.

Мы направились на Харуту. В нижнем течении реки имеются высокие древние галечниковые террасы с ровной поверхностью, поросшие редким низкорослым еловым лесом. Река на этом участке служит как бы границей лесотундры с тундрой. Два дня, пока мы добирались до скал, я усиленно занимался охотой, не вылезая из лодки, стрелял уток, когда меня к этому подстрекала Наташа, торжествовавшая при каждом моем промахе.

После обеда на второй день я шел по берегу впереди рабочих, тащивших бечевой лодку, и увидел оленя, пьющего воду. Пока я менял дробовой заряд на пулью, олень, почувствовав врага, бросился в лес, но я все же выстрелил ему вслед и побежал в направлении невидимой цели. Пробежав шагов сто, я неожиданно наткнулся на него. Олень стоял, широко раскрыв глаза, и смотрел в мою сторону. Я остался взвинченным. Тяжело дыша, олень качнулся и упал. Во влажных глазах его медленно гасла жизнь. Мною овладели растерянность, жалость. Я не знал что предпринять и не нашел ничего лучшего, как покинуть свою жертву. Выйдя к реке, я тут же рассказал обо всем охотникам и показал, в каком направлении следует искать добычу. Вначале мне не поверили, но Киприян пошел в лес, и скоро мы услышали его радостный крик. Все побежали туда. А я несколько дней не брал в руки ружье и дал себе зарок: если стрелять, то метко, чтобы жертва не мучилась.

Когда река стала совсем непроходимой, мы оставили лодку и направились в ее верховья пешком. Во время одного из маршрутов опять повстречали оленей. Я увидел их первым: важенка с теленком спокойно паслась на заболоченной террасе. Но стрелять я не мог.

Если не считать съемки, то маршрут по Харуте не дал нам удовлетворительных результатов. Все выходы оказались породами каменноугольного возраста, в которых угольных пластов ожидать не приходилось.

По мере движения вверх по Адзьве природа заметно изменялась. С каждым километром мы углублялись в тундру. Лес редел, уступая место карликовой березке. Песчаные высокие берега, лишенные растительности, интенсивно раздувались ветром. Невысокие дюны, чередующиеся с котловинами, — основной пейзаж тундровых рек.

Подплыли к последней деревне — Нерью. Три домика и

склад для продуктов неуято стояли на голом берегу. Навстречу нам с оглушительным лаем бежала свора собак. Никто из пас не решился выйти первым из лодки, пока на берегу не показался народ. Оказалось, что это были ездовые добродушные собаки.

От устья Нерью оставалось 50 километров до Тальбейя. За два дня бурлацкого пути достигли наконец цели. Перед нами выступали конгломераты и песчаники юрского возраста. Далее, выше по реке, возвышались скалы, сложенные верхнепермскими сланцами и глинами. За ними по обоим берегам тянулись темные базальты — застывшая лава древних вулканов. Трудно себе представить, при каких условиях выливалась эта огненная масса из трещины в земной коре в конце пермского периода. А теперь на берегах реки как свидетели этого грозного геологического явления выселись отвесные скалы высотой до 30 метров.

Не зря проделали мы этот путь. В пермских отложениях обнаружили 15 угольных пластов. Правда, все они оказались бурыми углеми, но тем не менее это открытие в общей системе поисковых работ. Съемка заставила нас исследовать Адзыву и подняться выше. Имелись сведения, что на притоках Адзывы есть выходы более древних — каменноугольных и девонских — пород.

Интересным оказался ручей Пымва-Шор (в переводе на русский язык — «ручей теплой воды»). Он был известен всему кочующему населению тундры благодаря теплым источникам. В 1910 году на Пымва-Шоре побывал Н. А. Кулик. С тех пор теплые источники привлекали внимание многих исследователей. Мы пошли вдоль ручья. В пяти километрах от устья он врезается в каменноугольные известняки, которые образуют высокие утесы. Источники вытекают из трещин скал левого борта долины. Их здесь семь, температура — от 20 до 28°С. Вода слабосоленая и неприятная на вкус, жестковатая. Из химических веществ в ней преобладает хлористый натрий и бикарбонат кальция. Последний выделяется в виде туфовых корочек, обволакивающих обломки породы. Вода одного источника пахнет сероводородом. Отец предположил, что воды источников вытекают с глубины порядка 8 тысяч метров.

Следующий приток — Изрузь-Шор, или «Каменный ручей», — тоже оправдал свое название. В Адзыву он впадает незаметным, заросшим ручьем, а в полутора километрах от устья течет в узком глубоком каньоне, низвергаясь каскадом водопадов. Здесь обнажаются каменноугольные, девонские и силурийские породы. Эти породы, а также на северных притоках Адзывы — двух Нядайтах — представляют самый северный разрез гряды Чернышева, которая протягивается к югу и вскрывается Пымва-Шором, самой Адзывой и Харутой. Из Большеземельской тундры гряда продолжается в

скалах Адак, где ее прорезает река Уса, а еще далее к югу — Шарьи и Большая Сыня, которые были обследованы нами в предыдущие годы. А. В. Журавский, впервые выделивший гряду как самостоятельную структуру, назвал ее в честь академика Ф. Н. Чернышева, который многие годы своей жизни посвятил изучению Тиманского кряжа.

Узкое ущелье Изруэль-Шора поразило нас своей дикостью, сыростию. Высокие отвесные скалы, обросшие мхами и сизыми лишайниками, выглядели неприветливо. К тому же день выдался мрачный. Отец шел поверху, а мы с Наташей спустились в ущелье.

Ручеек то превращался в водопад, то совсем исчезал в скалах. Не без риска для себя прошли весь каньон, отбирая образцы и карабкаясь по отвесным скользким уступам. Выбравшись на высокий склон, увидели на горизонте стадо оленей: оно приближалось к нам. От стада отделилась оленыня упряжка с седоком на нартах и направилась в нашу сторону. Я впервые видел оленыня стадо и следил за ним с большим вниманием. Оленевод оказался коми по национальности и разговорился с нашими рабочими. Вскоре подошло все стадо, и мне удалось сфотографировать оленей. Затем появился караван упряжек со скарбом и чумом. Семья олениводов торопилась на юг, ближе к часеленным пунктам, так как стадо преследовали волки, нападавшие на него каждую ночь.

Спускаясь вниз, я с сожалением покидал полюбившуюся мне тундре. Этим маршрутом мы закопчили исследования на реке Адзьве. По чистой случайности мы прибыли в Усть-Усу к отходу парохода, он тащил за собой баржу. Несмотря на то что путь предстоял долгий, мы все-таки воспользовались речным пароходом, чтобы избежать морского путешествия. Пароходишко еле тащился против течения. У арапецких перекатов он совсем остановился. Всем пассажирам пришлось выйти на берег, а кто посильнее — присоединился к команде, тащившей, как бурлаки, за канат пароход. Преодолев перекаты, пароход пошел своим ходом — семь километров в час. За трое суток, пока мы поднимались по Печоре, погода резко изменилась. Ранняя северная осень быстро вступила в свои права. Пошли непрестанные дожди вперемежку с мокрым снегом. Грозили заморозки. В деревне Покче пассажиры услышали потрясающее извещение: пароход пойдет обратно в Усть-Усу. Капитан торопился на зимовку в затон, оставил баржу у деревни Покче и высадил всех пассажиров. До Троицко-Печорска оставалось 30 километров.

День потеряли на наем лодочников-проводников. И наконец нашли... четырех женщин. Положась на волю судьбы, мы тронулись в путь. Оказалось, что женщины этих мест не хуже мужчин владеют шестами. И нас довольно быстро доставили в Троицко-

Печорск. Впереди ждала дорога по Троицко-Печорскому тракту. Месиво грязи — вот что такое Печорский тракт осенью. Словом, сухопутный путь стоил морского.

По прибытии в Москву я с головой ушел в дипломную работу, а отец подводил итоги своим исследованиям.

Итак, открыто еще одно месторождение угля — Тальбейское. Угленосные осадки, развитые на Адзьве, принадлежат двум формациям — континентальной позднепермского возраста и прибрежно-морской раннепермского возраста. В нижнепермских осадках обнаружено два пласта угля, в верхнепермских — тринадцать. Предварительные анализы и сравнение адзьвинских углей с углями реки Нечи и самой Косью показали, что адзьвинские угли, хотя и зольные, отличаются большим разнообразием по качеству. План разведочных работ на вновь открытом месторождении отец набросал, еще будучи в поле, а теперь он предложил его геологу-угольщику А. К. Матвееву, который должен был выехать на Тальбейское месторождение. По состоянию работ на 1930 год и количеству мощных пластов, вернее, запасам угля это месторождение считалось самым крупным из числа известных. Его географическое положение (в центре Большеземельской тундры) резко расширило границы Печорского угленосного бассейна к северо-западу. В связи с этим возникла необходимость провести геологическую съемку в самом отдаленном и неисследованном районе Большеземельской тундры, расположенному к западу от верховий реки Усы, на реке Воркуте, где предполагалось развитие угленосных пермских осадков.

Открытие углей на реке Воркуте

Весной 1930 года отец выехал в Ленинград в Институт геологической карты, на средства которого он проводил тогда свои исследования. Здесь он встретился с Н. Н. Иорданским, бывшим сотрудником отряда В. А. Варсанофьевой, который в этом году направлялся в верховья реки Усы для изучения разрезов древних силурийских и девонских отложений. Отец предложил Иорданскому охватить исследованиями реку Воркуту. Несколько подумав, Иорданский согласился, но тут же спросил: «Александр Александрович, а что будет делать ваш Юра в этом году?»

Было известно, что я принимал самое активное участие в экспедициях своего отца и успел хорошо ознакомиться с пермскими отложениями, побывав на реке Усе и работая в тяжелых условиях тундры. В этом году я готовился к экзаменам, чтобы получить диплом геолога, и неизвестно было, как для меня все это обернет-

ся. Поэтому на вопрос Иорданского отец уклончиво ответил: «Не знаю, как у Юры будут обстоять дела». Иорданский тут же, из Ленинграда, дал телеграмму, в которой просил моего согласия участвовать в его экспедиции. О каком согласии может идти речь! Конечно, я еду. Это будет моя первая самостоятельная работа. Я так возгордился, что не учел некоторых осложняющих дело обстоятельств.

Обычно в экспедицию все мы выезжали в начале июня. И мне, естественно, не хотелось уезжать, не получив диплома. Н. Н. Иорданский согласился подождать меня, и, чтобы вся эта затея не оказалась безрезультатной, он сделал запрос в адрес комиссии университета по распределению молодых специалистов на мое имя. Окрыленный надеждой, я явился с этим самым запросом в комиссию и подал злополучный листок бумаги председателю комиссии. Рядом с ним сидел какой-то гражданин, на которого я не обратил внимания. Председатель посмотрел на запрос и передал его этому гражданину со словами: «Вот, ознакомься, не подойдет ли тебе?» Гражданин прочел, посмотрел на меня и сказал: «Вот что, товарищ Чернов, через пять дней наша экспедиция выезжает на полевые работы в район Кажима — это на юге хорошо известного вам края, так что будьте готовы к отъезду. Вот вам мой телефон, я остановился в гостинице, поддерживайте со мной связь». «А запрос!?» — запнулся было я. «Ничего, — ответили мне оба, — на Усу вы в этом году не поедете». На этом разговор закончился.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не одно обстоятельство, о котором я забыл. Меня никуда не могли направить, пока я не окончу университета. А за мной был должок — один экзамен. Я умышленно стал оттягивать время его сдачи. Между тем Иорданский терпеливо ждал, когда руководитель Кажимской экспедиции уедет из Москвы. На юге Коми АССР полевой сезон начинался значительно раньше. Наконец мой новый знакомый уехал. Я сдал последний экзамен и присоединился к отезжающим на Печору.

На сей раз из Москвы на Усу отправлялись две геологосъемочные партии — А. А. Чернова и Н. Н. Иорданского. Но все мы дружно выехали из Москвы в один день, 12 июня, заняв чуть ли не целый вагон пассажирского поезда, отходившего в Котлас. Сюда же прибыли и угольщики из Ленинграда. В первые годы освоения Печорского угольного бассейна разведочные работы на открытых месторождениях производились только в летний период.

В Котлasse в ожидании парохода пришлось провести несколько суток. Погода стояла отвратительная: дул сильный холодный ветер, моросил дождь. По небу неслись низкие рваные облака. Мы устроились в одной из комнат плавучей гостиницы, окна которой

выходили на Малую Двину. Вечерами читали вслух книги первых путешественников прошлого столетия о Печорском крае. И все сходились в одном мнении: описания края ничем не отличались от наших представлений о нем. В течение столетия он фактически не изменил сколько-нибудь заметно свой облик. Все те же непрходимые леса, изобилующие зверем и птицей, где охотники убивали за сезон по нескольку тысяч белок, сотни песцов и горностаев, десятки тысяч куропаток и рябчиков. Все так же Печора была полна рыбы. Все так же летом безлюдные просторы края оглашались криками перелетной птицы: гусей, уток, лебедей и гагар. Заселенность края оставалась все той же, может быть, только появилось несколько новых деревень по притокам Печоры и Усы.

В 1929 году, с момента организации крупной комплексной экспедиции на реке Ухте, где началось освоение нефтяных богатств, почувствовалось оживление. Котлас был тогда конечным пунктом Кировской железной дороги. Сюда доставлялось множество грузов, предназначавшихся для строительства. Отсюда грузы переправлялись в бассейн Ухты водными путями. В Котласе ощущалась нехватка речного транспорта.

Наконец мы оставили Котлас и достигли Печоры. В деревне Аранец задержались, пока не собрались наши помощники по прошлым экспедициям. Здесь же нашли рабочих и для моего отряда — молодые ребята, лет по семнадцати каждому: Александр Попов, Николай Пыстин и Николай Шахтаров.

В серый, ненастный день прибыли в Усть-Усу. Вверх на косогор с грузом подниматься не рискнули и тут же, на низкой террасе, у самой реки, раскинули свой лагерь. Здесь окончательно подготовились к путешествию: купили лодки, продовольствие на все лето. Совершенно случайно в Усть-Усе нам удалось зафрахтовать маленький пароходик «Пионер». Он доставил нас вверх по Усе до устья Косьи. Уса выше Косьи была для нас незнакомой рекой.

Но прежде чем отправиться в путь, мне предстояло еще одно испытание. Дело в том, что в этом же году незадолго до отъезда я женился. И мне, разумеется, не хотелось расставаться с женой на лето. Отец считал, что совместная поездка супругов пойдет лишь на пользу делу. Он полагал, что ни один помощник не будет так болеть за дело мужа, как жена. И он был прав. В этом я убедился. Но Иорданский смотрел на эти вещи иначе. Он боялся, что наше путешествие на Воркуту окажется развлекательной прогулкой или даже свадебным путешествием, и категорически возражал против того, чтобы жена поехала вместе со мной. Несмотря на эти разногласия, жена все-таки выехала из Москвы вместе с нами как помощница отца. Кстати, в этом году впервые отправлялась на

Печору в качестве энтомолога и моя старшая сестра. Все мы надеялись, что дорогой пам удастся уговорить непоколебимого Иорданского.

И вот теперь у устья Косью решалась наша судьба. У Иорданского коллектором работал Хмелев, уже пожилой и очень мягкого нрава человек. Он-то больше всего и действовал на начальника. Думаю, что и при разговоре о нашей участи он сыграл главную роль. Отец настаивать не мог, он только предлагал. Разговор состоялся в палатке, нас с женой попросили выйти. Помню, каким долгим он нам показался. Мы молча ходили по берегу и ждали решения. Наконец нас позвали. Первый заговорил Иорданский. «Вы едете вместе,— сказал он.— Но ты, Юра, должен дать мне слово, что оправдаешь мое доверие, постараешься подняться по Воркуте как можно выше — словом, ты знаешь, что требуется от геолога». «Конечно, конечно!» — поспешил я заверить. Стоит ли говорить о радости, которая овладела нами в этот момент! Мне казалось, что я горы сворочу.

Отец отправлялся на реку Кочмес, а мы с Иорданским при попутном ветре под парусом поплыли вверх по Усе. До устья Воркуты оставалось 300 километров. В 40 километрах от устья Косью на надпойменной террасе правого берега расположилось последнее большое село на Усе — Петрунь. Как и во всех деревнях Печоры, дома здесь вытянулись в ряд вдоль реки. Петрунь — старинное село, основано на священном месте идолопоклонников в 1870 году переселенцами с Печоры. Раньше оно называлось Балабан по стоявшему здесь деревянному идолу. До переписи 1897 года об этом селе не имелось никаких сведений. После переписи «по высочайшему повелению» село было переименовано в Петрунь, на священном месте была построена церковь. В селе насчитывалось 16 домов, 52 души мужского пола и 39 — женского. В 1913 году Н. А. Кулик в своей брошюре отмечал, что население Петруни составляли 81 душа мужского пола и 99 душ женского. Жили здесь коми и пенцы.

В Петруни нам пришлось взять двоих рабочих для партии Иорданского и одного для моего отряда — шестнадцатилетнего парнишку Алексея Канева, сына петрунского попа.

Путь наш лежал в неведомую глушь. Давно уже кончилась лесная полоса. Последние ели остались позади. Началась тундра с необъятными просторами — суровая глухомань. Перед самым устьем Воркуты, когда мы думали, что все деревни миновали, вдруг показалась еще одна деревня. Глупше этого места, кажется, не было на всей Усе. Нанесли визит единственному хозяину деревни. Он переселился сюда с Ижмы в 1919 году и вел здесь поистине отшельническое существование, хотя жил, что называется, бога-

то: один дом — одна семья, зато два амбара всякой снеди и пушнины.

Мы разговорились. Меня интересовал вопрос: как далеко можно подняться на лодках по Воркуте и есть ли на ней скалы? Он посмотрел на мои лодки и сказал, что выше устья Юньяги, где стоит его избушка, нам не подняться. Дальше начинаются пороги, которых не преодолеть. Сам он на лодке выше Юньяги никогда не «поднимался». «Скал на реке много, но вам до них не добраться», — говорил охотник. Это меня огорчило. В задачу наших исследований входило подняться по реке как можно выше и обследовать как можно большую территорию. Я подумал, что человек, хорошо знающий реку, был бы неплохим проводником, и предложил ему сопровождать нас. Но он отказался: начиналась пора линьки гусей и ему не хотелось упустить случая поохотиться.

Вскоре мы расстались с Иорданским. Он поплыл вверх по Усе, а мы направились по Воркуте. И началось наше знакомство с непривычной рекой. В низовьях она оказалась довольно спокойной. Связав одну лодку с другой, мы потащили их бечевой. В восьми—десяти километрах от устья течение заметно усилилось, начались галечниковые перекаты. Лодки пришлось развязать и вести каждую отдельно. Выше устья Юньяги действительно оказался почти непроходимый порог. Поперек русла реки протянулись низкие выходы крепких конгломератов. Одну лодку мы протащили более или менее удачно, вторую залило водой.

Вдруг невдалеке от нас загоготали гуси. Молодежь бросилась ловить их руками. Решили засолить гусиные про запас. Но к нашему огорчению, мешок с солью, лежавший на дне залитой лодки, оказался пустым. Так мы лишились соли по крайней мере на целый месяц.

Чем выше мы поднимались, тем больше становилось порогов и перекатов. На каждом шагу — галечники, валуны, быстрины. Чтобы протащить лодку на несколько километров вверх, целый день бродили по воде. Надо было добраться до не известных никому скал. Одно обстоятельство заставило меня с упорством двигаться вверх. На песчаных отмелях часто встречалась плохо окатанная угольная галька. «Значит, где-то размываются пласты угля», — думал я. — Иначе откуда бы ей здесь взяться».

Настроение у ребят день ото дня падало, и на каждом пороге мне приходилось первому показывать пример — лезть в воду. В один прекрасный день наши лодки уперлись в огромные, примерно двухметровые в попечнике валуны. Ребята следили за мной, ожидая, очевидно, команды: «Поворачивай обратно!» А я подошел к злополучным валунам, осмотрел их со всех сторон и принялся отбрасывать самые мелкие, скопившиеся вокруг круп-

ных. Такой способ прохождения порогов практиковался нами в прежние годы. «Давайте-ка, ребята, мачту», — скомандовал я. И тут ребята зашевелились. Дважды подкладывали мачты под валуны, а сами садились на другой конец, но оба раза эксперимент не удавался. Пришлось еще раз отгрести мелкие валуны. Вода между тем с шумом перекатывалась через камни, сбивая с ног. В третий раз мачта затрещала, валун сдвинулся с места, и все, кто сидел на мачте, очутились в воде. Раздался веселый смех. Мы поспешили подложить мачту еще раз, и валун повернулся вдоль реки. Образовался глубокий узкий проход, и вода с шумом устремилась в него, увлекая вышележащие валуны и загромождая про сделанные нами ворота к воркутинским углем. Раздумывать было некогда. Первую лодку мы довольно быстро протащили, вторая застряла среди камней. Снова пришлось расчищать проход, но это было уже значительно легче. Долго провозились на этом пороге, а когда двинулись дальше, вновь поднялось настроение.

Ровно две недели шли по реке. Наконец долина стала сужаться, и на пятнадцатые сутки мы, к великой радости, добрались до высоких скал. Течение несколько успокоилось, стало меньше порогов. От устья Воркуты до этих скал, на расстоянии примерно 85 километров, насчитали 101 порог и описали 34 обнажения четвертичных отложений. Обнажениям коренных пород пермского возраста дали номер 35. По правому берегу скалы высались отвесной стеной. На левом берегу выступал толстый пласт конгломерата в виде плотины с ровной, гладкой поверхностью. По случаю появления коренных выходов решено было разбить лагерь здесь, на конгломератах, и варить уху из свежих хариусов.

Пока варились уха, я перебрался на лодке на правый берег. Там виднелись скалы, которые мне не терпелось посмотреть. Выше по реке от конгломератов выступали песчаники и глинистые сланцы с отпечатками ископаемой флоры. Большое количество растительных остатков в породе — один из признаков наличия поблизости угольных пластов. Примерно в 100 метрах от начала обнажения, у самых ног, я увидел первый пласт каменного угля. Он выделялся среди пластов глинистого сланца и песчаника своей черной блестящей поверхностью. Я не стал внимательно осматривать породы, а побежал вперед. Совсем рядом залегал второй пласт угля, затем третий и невдалеке — четвертый. Далее склон был задернован. Все четыре пласти имели рабочую мощность и выглядели почти одинаково. Собрав несколько кусков угля, я поспешил к лагерю. У лодок еле горел костер. Я бросил куски угля, и пламя быстро разгорелось. Восторгам не было границ. Это самый настоящий каменный уголь хорошего качества, во всяком случае гораздо лучшего, чем на Инте, Кожиме, Большой Сыне, Адзьве, Заострен-

ной. Ребята радовались, что теперь, пока мы будем здесь жить, им не придется жечь карликовую березку.

«От радости недалеко до печали», — гласит русская пословица. После ужина все разошлись по палаткам. Я решил еще немного поработать и слышал, как долго не унимался гомон в палатке. Потом все стихло. Прошло часа полтора. Вдруг мне послышался стон. Палатка рабочих стояла метрах в десяти от моей. Она была из толстого брезента и довольно плотно закрывалась. Почувствовав что-то недоброе, я быстро оделся. Войдя в палатку, я увидел тлеющие угли и сразу все понял. Промокшие и озябшие за время подъема по реке, ребята решили отогреться и соорудили очаг в палатке. «Да проснитесь же вы!» — кричал я, а они уже впали в беспамятство. Самый старший из них, очевидно крепче других, Александр, стонал. Я быстренько выволок всех четверых на улицу. Только через несколько часов они ожили. Можно себе представить, в каком смятении мы с женой хлопотали около них, приводя в чувство.

На следующий день я погрузился в работу. Коренные выходы на правом берегу прекратились, пришлось прослеживать их по левому берегу, более высокому и крутыму. В 36-м обнажении с помощью лопат и кирки был вскрыт новый — пятый — пласт. Повернув свое русло на запад, Воркута снова обнажала те же пластины на правом берегу, только в обратном порядке. В 37-м обнажении обнаружили, что мощность пластов каменного угля и расстояние между ними не меняются. Это позволило предположить, что на всем протяжении от выходов в 35-м обнажении до выходов в 37-м, то есть около одного километра, пластины тянутся непрерывно. Это свидетельствовало о больших запасах, которые примерно можно было подсчитать даже без земляных работ.

После небольшого перерыва на левом берегу, в 41-м обнажении, были встречены еще два пласта каменного угля. Являлись ли они продолжением предыдущих, тогда установить не удалось из-за отсутствия топографической карты. Далее выступали четвертичные отложения, и в русле снова появились пороги. В 49-м обнажении еще встречались тонкие прослои угля нерабочей мощности.

Чем выше мы поднимались по реке, тем древнее породы обнажались по берегам. За выходами пермских потянулись высокие белые скалы известняков каменноугольного возраста. Трудности подъема все усугублялись. Река мелела с каждым километром, множество камней загромождало русло. Но следующий длинный порог мы все-таки преодолели. Выше него обнаружили мощный сероводородный источник. От большого левого притока Сыряги долина Воркуты расширилась, высокие берега отступили от русла реки далеко в стороны. Появились сухие песчаные перекаты.

И вскоре путь стал совершенно невозможным. Да, это был конец нашего подъема.

Но прежде чем повернуть обратно, решили осмотреть Сырягу пешком. Мы зашли очень далеко и уже хотели возвращаться, как вдруг увидели на горизонте чум. Несмотря на усталость, единогласно решили идти вперед. Солнце уже закатилось, сумерки стали стущаться, а мы все брали по болотистой, кочковатой тундре, с трудом передвигая ноги.

Пришли в темноте. Люди встретили нас с удивлением: так далеко в тундру заходили только оленеводы со своими стадами. Но нас приняли как гостей. Мы вошли в чум и с радостью расположились на указанных нам местах вокруг костра. Над костром висел огромных размеров котел, распространявший такой ароматный запах, что мы, переглянувшись между собой, проглотили слюнки. И когда каждому из нас протянули по миске парено-жареной оленины, то все восприняли это угощение как должное. Никто не догадался, хотя бы для приличия, возразить. Голод и усталость взяли свое. Наевшись досыта, мы освоились, и разговор стал оживленнее. Засиделись допоздна. Спать нас уложили на шкурах около костра. Костер в чуме тлел всю ночь, и, странно, никто из нас не угорел. Ранним утром нас отправили к палаткам на оленевых упряжках с запасами свежего оленьего мяса и соли. Оленеводы заинтересовались нашими находками. Им хотелось своими глазами увидеть горящий камень. Да, было на что посмотреть этим кочующим по тундре людям.

На следующий день мы тронулись в обратный путь. Пороги вниз по реке оказались еще опаснее. Сильный поток воды нес лодки на камни, угрожая каждую минуту разбить уже изрядно потрепавшиеся «суда». Два дня мучительного, страшного пути — и мы на Усе. По реке поднялись на 20 километров до деревни Елец, где состоялась наша встреча с Иорданским.

Не виделись мы ровно месяц, поговорить было о чем. Я показал ему заранее вычерченную карту, дал прочесть записи дневников, и он остался доволен. Он удивился нашему успешному подъему на 120 километров по порожистой реке. О находке угля умышленно промолчали до самого вечера. А перед ужином что-то большое, тяжелое, завернутое в бумагу рабочие поднесли начальнику экспедиции в подарок. Развернув пакет, Иорданский рассердился: «Какое ребячество! Как же вы могли в течение дня от меня скрывать такую находку?»

Иорданский держал свой путь через Урал налегке, а мы с грузом — по Усе и через две недели добрались до Усть-Усы. Здесь встретились с отцом. При виде образцов он сказал: «Вот это то, что нам надо».

От Усть-Усы мы плыли на пароходе вверх по Печоре до Троицко-Печорска. Благополучно добрались только до Кожвавом. Застигнутые ранними заморозками, перестали ходить пароходы. На случайному грузовому судне удалось вернуться в Усть-Усу, а оттуда на Усть-Цильму, из Усть-Цильмы на Мезень — по тракту на санях около 200 километров.

По Мезени на пароходе спустились до Мезенской губы, а оттуда отплыли в Архангельск.

В Москву приехали утром 7 ноября. По городу шли колонны нарядных демонстрантов. Путешествие на Воркуту завершилось. Наше открытие явилось сенсационным событием в истории изучения Печорского угленосного бассейна.

1930 год для меня остался незабываемым на всю жизнь. Признаться, тогда я не мог по-настоящему оценить свое открытие. Угли мы находили почти в каждый наш приезд на Печору, а это месторождение находилось в самой глухой, отдаленной части Большеземельской тундры. Вряд ли, думалось мне тогда, оно заинтересует угольную промышленность. Я не мог представить себе, как в такой труднодоступной местности можно начать не только добычу, но и разведочные работы. Ни железных дорог, ни людей, ни строительного материала здесь не было.

Камеральная обработка показала, что угли с Воркуты обладают высокой калорийностью, а главное — способностью коксоваться. Наконец оправдывался прогноз отца о наличии коксующихся углей в Печорском бассейне.

Госплан при Совете Народных Комиссаров принял решение начать разведочные работы на вновь открытом и многообещающем месторождении и приступить к пробной эксплуатации углей. Уже в 1931 году в бассейне намечалось добывать несколько сот тонн различных углей.

Снова на Воркуту

В конце мая 1931 года геологи Пиотровский, Коперина, Скляднев и я выехали из Москвы. Через верховья рек Камы и Колвы по Якшинскому тракту добрались до верховьев Печоры. От поселка Якша до села Троицко-Печорск (около 200 километров) плыли на лодках, а затем до села Усть-Уса (500 километров) — на пароходе «Социализм». Подъезжая к Усть-Усе, мы заметили несколько барж и небольшой винтовой пароход «Фриц Зейдель», который, как оказалось, ждал нашего прибытия. Нас встретили горные инженеры-угольщики, приехавшие из Ухты. Через два-три часа пароход взял на буксир две баржи с людьми и оборудованием и отправился вверх

по Усе. Километрах в десяти от устья течение усилилось, и пароходик потащился «шагом», делая три-четыре километра в час. Маленькое суденышко обслуживалось пятью человеками команды и вместило всего трех пассажиров: горного инженера Эрдели, коллектора Михаила и меня. Я должен был показать инженеру найденные пласти угля.

Была большая вода, и пароходик проходил все отмели, но 500-километровый путь требовал не менее недели времени. Наконец на востоке появились горные вершины Полярного Урала. Мы приближались к устью Косью. Здесь высадились разведочные партии для работ на Нече и Кожиме. Рабочих для своей партии мне удалось нанять в деревне Фион, которая находилась в десяти километрах выше села Петрунь.

А вот и устье Воркуты. Началась разгрузка барж. «Суда» торопились в обратный путь. Уровень воды в Усе заметно падал; если пароход не пройдет усипские перекаты, то придется ждать осенней воды. Такое здесь часто случалось. Через несколько часов пароход стал быстро удаляться вниз по Усе с пустыми баржами.

Не теряя времени, все принялись за дело. Крепкую мачту, березовые колья для палаток и тагана, хорошие толстые березовые шесты — всё сделали здесь и даже изготовили деревянные скамееки: ехать — так с удобствами. Разбирая свое снаряжение, мы с Михаилом не обнаружили бечевы — важной детали в нашем транспорте. Я обратился за помощью к Эрдели, а он в ответ покал плечами и развел руками: «А зачем бечева?» Я пошел посмотреть его груз и ужаснулся: здесь было все, без чего можно обойтись на Воркуте.

Эрдели провел большую часть своей жизни на Дону и думал, что все реки на земле такие, как Дон. Мы очутились перед угрозой длительной задержки. Оставалось одно: отправляться в ближайшую деревню за бечевкой. Оседлав двух лошадей, мы с Федором направились в деревню Никит, где нашли бечеву для одной лодки. Поблагодарив жителей деревни, мы двинулись в следующую и последнюю деревню на реке Усе — Елец. Здесь меня помнили по прошлому году. Все жители собрались на совет, как помочь нашей экспедиции. Я проявил весь свой дар красноречия, рассказывая о том, что в будущем будет на Воркуте, а вот сейчас нам нужна всего-навсего бечева.

Наконец она найдена, и мы с Федором идем пить чай. Заходим в избу — чаепитие в самом разгаре. За столом сидят гости — двое мужчин-ханты, приехавших с Урала. Сидят прямо, не шелохнувшись, у каждого в руках по блюдечку. Черные как смоль волосы заплетены в тоненькие косички, спускающиеся по плечам. Мне

захотелось их сфотографировать. Я достал из футляра широкопленочный аппарат и, обращаясь к хозяину, сказал: «Сейчас я вас сфотографирую». Но лучше бы мне этого не говорить. Ханты поднялись с места и подались из избы вон. Мне стало неловко, хозяину тоже. Я поспешил спрятать аппарат, а хозяин с возгласами «Куда же вы, куда?!» бросился за гостями. Ханты между тем, не говоря ни слова, сели на парты и уехали.

Я не мог простить себе такую опрометчивость. Все можно было бы сделать незаметно. А тут, надо же, испортил людям праздник. «Я ничего не хотел сделать дурного», — оправдывался я перед хозяином. В доказательство своих благих намерений я подошел к ненцам, приехавшим в деревню только что и копошившимся у своих парт, и спросил их через своего переводчика Федора: «Хотите сфотографироваться?» Ненцы с радостью откликнулись на мое приглашение и встали в позу.

Вскоре мы все-таки вернулись к чаю. «А ну их, приедут снова», — успокаивал меня хозяин, когда я извиняюще поглядывал на остатки недопитого чая.

Веревку добыли в достаточном количестве, но потеряли на это два дня. Когда мы приехали к месту нашей стоянки, все лодки были нагружены и спущены на воду. Осмотрев весь наш караван, я пришел в ужас: пять плоскодонных лодок грузоподъемностью две тонны каждая были нагружены до отказа, мало того, к каждой лодке прицеплено по небольшому плотику из бревен. Груз, разумеется, полезный, и я вполне разделял желание инженеров доставить его на место будущего рудника, но при наших возможностях это было немыслимо. Пришлось вступить в «бой» с инженерами, но они никак не хотели со мной согласиться. Воркута, которую они видели перед собой, подкупала глубиной и спокойствием.

Наша лодочка с полтонной груза пошла первой. Ее потащили мои надежные рабочие поочередно, как это делалось всегда. Остальные лодки пришлось поднимать лошадьми. Но не успел наш караван тронуться, как послышались невообразимые крики. Я обернулся назад: все лодки торчали носами в разные стороны, одна даже уперлась в противоположный берег. Лошади гнулись от усилия, а ездоки между тем били кнутами ни в чем не повинных животных. Рулевой и ездок обвиняли друг друга в неудаче. У нас на глазах один рулевой выслал из лодки — так усердно отпихивался шестом от берега. И это на тихой-то реке. Я с ужасом подумал, что будет дальше.

Выяснилось, что многие рабочие никогда не имели дела с лодками, не умели управлять ими стоя на корме. Кое-кто умел гребсти, но почти никто не умел обращаться с шестом. Смышленый и

расторопный рулевой сразу давал знать о неправильном ходе лодки вожатому, сидевшему на лошади. Тот вовремя останавливался. А если оба не понимали этого, то лодку в лучшем случае заливала водой. Пришлось сделать перемещение рабочих, но и оно не дало хороших результатов: не так-то прост старинный бурлацкий метод хождения по рекам. Плоты пришлось оставить в полутора километрах от устья.

В первый день мы поднялись всего на два километра и, измученные, остановились на ночлег. Настроение в лагере подавленное. Эрдели понимал никчемность своей затеи, но что он мог сделать? Однако если передвигаться таким образом с общим караваном, то можно потерять все лето. Я вспомнил прошлый год: даже с легкими лодками на преодоление трудных мест уходило три — пять часов. Все 100 порогов вдруг замелькали перед глазами. Я рассчитал, что успею обследовать верхнее течение реки, пока инженеры будут пробираться к месторождению, и подойду к ним с верховья. Инженеры согласились. Но недоверчивый Эрдели после ужина вскочил на лошадь и поехал вверх по Воркуте посмотреть на первые перекаты, о которых я ему говорил.

Солнце катилось по горизонту, но не собиралось заходить, хотя была уже полночь. Заметно похолодало, люди попрятались по палаткам и готовились ко сну. Я ждал возвращения Эрдели. И вот он зашел к нам в палатку, сел, закурил и изрек: «Ничего страшного впереди я не видел». Я молчал, хотя мне это стоило труда. Он стал просить меня подниматься с ними еще один день. Я посмотрел на Эрдели... и согласился: трудности дня утомили его, лицо вытянулось больше обычного, мне показалось, что он даже похудел.

Все еще крепко спали, когда инженер стал поднимать народ. По-видимому, ему не спалось. Я хорошо его понимал. В прошлом году мне пришлось испытать то же самое. Это теперь я знал, что ожидает меня за каждым поворотом реки, и рассчитывал на одной своей лодке добраться до углей дней за шесть-семь, если по пути не производить никаких работ.

Утром пили только чай. Караван наш снова тронулся в путь. Часа через три мы подошли к первому перекату. Вся вода устремилась в узкий рукав бурным, быстрым и волнистым потоком. Мы на своей лодке поднялись быстро. А тяжелые лодки инженеров опять застряли. Неожиданно оборвалась бечева. Лодку отнесло метров на двести-триста. Полдня ушло на преодоление этого первого переката. Эрдели казался совсем несчастным, он наконец понял, что пороги на таких лодках непреодолимы и что задерживать меня больше нет смысла. Я ничем не мог ему помочь и только посоветовал разгрузить лодки: лучше вторично вернуться за грузом,

чем тащить его весь сразу. Кажется, он согласился со мной. Но утром я увидел, что инженер собрался в путь вместе с нами. На одной лодке с двумя рабочими, освободив ее от лишнего груза, Эрдели решил подняться со мной до углей. Пока караван его будет двигаться к месторождению, он вернется к нему дней через шесть-семь, как я ему обещал.

После обеда две лодочки, отделившись от общего каравана, пошли полным ходом со скоростью два километра в час — предел человеческих возможностей — по каменистому берегу реки. Но это все-таки скорость! Довольно каверзный порог встретился нам километра через три. Мы прошли его без особых затруднений. Инженер оживился. Он решил подождать здесь караван, а нас обещал догнать, когда мы встанем на почевку. Мы двинулись в путь одни, и скоро лодка Эрдели скрылась из виду. Поднявшись километра четыре, я решил остановиться. Ведь если мы будем двигаться с такой скоростью, то инженеру нас не догнать. Солице стояло еще высоко, жалко было терять время, но пришлось остановиться. Прошел вечер, наступила ночь, а лодка Эрдели все не появлялась. Шли часы томительного ожидания. Ночь была тихая, и я все прислушивался, стараясь уловить хоть малейший всплеск воды или стук шестов. Наконец, послышались удары весел о воду: лодка шла к нашему берегу. Вот она ткнулась в каменистый берег, и через несколько минут в палатку вошел Эрдели. Он был весь мокрый и от холода так дрожал, что не мог выпрямиться. Федор принес ему сухую одежду. Я дал глоток спирта. А собственно, ничего особенного и не случилось. Он рассказал, что только поздно вечером пришли лодки к месту нашего расставания и люди стали преодолевать порог. Эрдели наблюдал, затем принялся помогать. Его вмешательство кончилось купанием в холодной воде. В сердцах Эрдели бросил караван и поехал дальше.

На другой день мы проснулись поздно. Инженер спал как убитый, наверстывая потерянное. До обеда терпеливо ждали лодок снизу, но безрезультатно. Решено было отправляться в путь. Сильные ребята Эрдели стали тянуть лодку, а местные сели на обе лодки для управления. Это дало результаты: подъем ускорился.

У меня была подробная карта Воркуты со ста одним порогом. Каждый день мы определяли пройденное расстояние. Для меня оставались неизвестными и верхнее течение Воркуты, выше Сыряги, и ее притоки.

От большого порога — «Ворота к воркутинским углам» — осталось еще 25 километров до месторождения. Чтобы максимально облегчить лодки, часть вещей перетащили берегом. Лодки переварили через крупные валуны, на что затратили около трех часов. Это был самый трудный участок нашего пути.

На седьмые сутки добрались до воркутинских углей. Сразу же приступили к осмотру обнажений. Маршрут начали с того обнажения, где выступают четыре угольных пласта. Затем, обогнув большую излучину реки и пройдя с километр вдоль простирания угольных пластов по верхней части склона, спустились к 37-му обнажению, в котором выступают те же пласти, но в обратном порядке, то есть сначала четвертый — самый мощный полутораметровый пласт, затем третий и второй и, наконец, выше по реке — первый. Осмотрев месторождение, Эрдели заметно оживился. Он повел нас всех на склон, где стал объяснять, в каких местах и какое надо будет начинать строительство. Здесь все его удивляло: и качество углей, и большая мощность пластов, и условия залегания пород, которые, по его мнению, благоприятствовали эксплуатации угля, так как шли в глубь берега на запад под углом 45° . Даже вечная мерзлота рассматривалась им как благоприятный фактор для строительства штолен и шахт, так как она должна препятствовать притоку воды.

Размечтались и не заметили, как подошло время обеда. Уже был разбит лагерь, и нас ждала уха из свежих хариусов. Но и за обедом Эрдели не переставал восхищаться. Он говорил, что здесь много неизвестного, что река Воркута обнажает только часть горных пород, а когда начнутся горные работы, будут вскрыты новые угольные пласти. Прежде всего следует пробурить скважину в центре излучины реки, которая должна будет вскрыть угольные пласти на глубине и показать, все ли они прослеживаются там или выклиниваются, изменяется ли мощность угольных пластов. Зная падение пород, Эрдели подсчитал, на какой глубине скважины встретятся угольные пласти, если ее заложить в полукилометре от берега.

Победали наспех: не терпелось осмотреть противоположный берег, где было еще одно высокое обнажение и вскрывался пятый угольный пласт. Стенки канавы уже успели обвалиться, пришлось ее подчистить лопатами, после чего Эрдели убедился, что это был новый угольный пласт.

Когда мы сели в лодку, чтобы вернуться к палаткам, Эрдели сказал: «Да, хорошее месторождение. Но надо же было природе создать его в самой отдаленной и труднодоступной части тундры. Много лет потребуется, чтобы освоить его». Затем, помолчав, отгоняя от себя тучу комаров, он добавил: «Одно это теперь немало выпьет людской крови, не говоря уже о транспорте, который на долгие годы запомнится тем, кто будет еще раз поднимать лодки по воркутинским порогам». Заметив на моем лице улыбку и полное равнодушие к комарам, он спросил меня, почему я не отмахиваюсь от них и почему спокойно переношу укусы. Я ответил, что знаю

слово против комаров, которое сообщил мне мой отец. Эрдели за-смеялся: «Ну уж нет! Я никогда не смогу привыкнуть к комарам вот так, как вы».

На другой день мы снялись с места, погрузили все в лодку и поднялись вверх по реке до следующих обнажений. На расстоянии двух километров от 38-го обнажения на левом берегу выступал пласт угля мощностью 0,65 метра, а на 2,5 километра выше, в 41-м обнажении на этом же берегу,— пласт мощностью 0,90 метра. Это были новые пласти, лежащие выше по отношению к обнаженным раньше. Таким образом, всего было открыто семь пластов. Эрдели прикинул в уме общие запасы. Они составляли десятки миллионов тонн. Это всего лишь небольшая часть Воркутинского месторождения, общие же запасы его определялись миллиардами тонн.

Мы расстались. Эрдели поплыл вниз, навстречу своим, а мы — вверх по Воркуте. Договорились встретиться у выходов угля через месяц. Нам предстояло подняться по Воркуте на 30 километров. Этот отрезок реки был исследован мной в прошлом году, далее она оставалась неизученной, так же как и все ее верхние притоки. Выше выходов углей стало меньше галечниковых перекатов, но зато появились более опасные пороги. Коренные выходы пермских пород пересекали русло реки, образуя небольшие водопады. Такие места отнимали у нас много времени, потому что приходилось разгружать лодки и более ценные вещи переносить берегом, а лодки перетаскивать с пласта на пласт собственными руками.

К вечеру добрались до известняковых скал и остановились ночевать на том самом месте, что и в прошлом году, у трех жалких березок, забравшихся неизвестно каким образом так далеко в тундру.

Следующий день не сулил нам ничего хорошего. От самых палаток начинался километровый порог, по которому пришлось тащить лодку, купаясь по пояс в воде. Наконец и этот перекат позади. До устья Сыряги осталось пройти еще два порога. Мы надеялись проскочить, а это значит протащить лодку на руках, шаг за шагом отмеряя расстояние по реке.

Я решил сначала исследовать верхнее течение реки, а затем на обратном пути — Сырягу, хотел воспользоваться пока еще не совсем спавшей водой. Выше Сыряги на Воркуте начинаются песчаные отмели, из-за которых в прошлом году мы повернули обратно. Надо подниматься до тех пор, пока пустит вода и насколько хватит нашего терпения. Терпения хватило на 40 километров. Коренных выходов на этом участке не оказалось. Выше притоков Воркута становится мелкой. Мы еще немного поднялись вверх, таща лодку волоком. Потом и этой возможности не стало.

Следующий день дневали: мылись, брились, стирались. А потом начались дни трудных пеших походов. В первый маршрут прошли 15 километров вдоль берегов, сложенных четвертичными отложениями. Река размывала пески, глину, морену. Эти породы давали тот самый материал, который загромождал русло реки. Второй маршрут привел нас к выходам скал. Пластины древних пород, начинавшиеся в русле реки, перешли в обрыв берега и, наконец, выросли в высокие скалы. Здесь обнажались преимущественно грубообломочные породы — конгломераты и песчаники с небольшим количеством глинистых сланцев. Угольных пластов рабочей мощности я не обнаружил, но тонкие прослои изредка встречались. Нашли растительные остатки, но иного типа, чем в породах с угольными пластами. В том, что это породы пермского возраста, сомнения не было. Однако они резко отличались от пород Воркутинского месторождения. Их образование относится к более позднему, триасовому времени. В некоторых обнажениях было видно, как отдельные пачки пластов смяты в мелкие складки различной формы.

Несколько дней мы исследовали верховье Воркуты и каждый раз возвращались к палаткам с тяго набитыми камнем рюкзаками. Питались исключительно рыбой. Гуси только что вывелись, сухие продукты были на исходе, а харпусы легко ловились в каждом плёсе реки — словом, Воркута пас кормила.

Все осмотрено, все исхожено. Пришло время спускаться вниз. И тут нас ждало разочарование, хотя обратному пути радуешься. За все это время не было ни одного дождя. Полярное солнце подсушило тундру и высушило реки. Мы не ожидали такой перемены. Если бы мы задержались здесь на неделю, то наша лодка осталась бы на сухом месте. Значительную часть пути пришлось тащить ее по березовым валькам. Хорошо, что вода стала немного теплее. Термометр показал +8°. Наконец добрались до Выявис, которая вытекает из озер. На ней оленеводы якобы замечали масляные пленки и назвали ее «Масляной речкой», или Выявис. Я решил пройти со съемкой вдоль речушки пешком; она оказалась заросшей, глинистой, с грязными берегами. До озер дойти нам не удалось.

Остановились у следующего притока — Янейвиса. По нему поднялись три километра на лодке, а дальше опять пешком. На протяжении 20 километров маршрута по Янейвису не встретилось ни одного выхода каменных пород. Наконец мне пришла в голову мысль посмотреть, в каком направлении течет этот ручей. Он, как и все ручьи этой местности, не был нанесен на карту. Мы вышли на корениной высокий берег недалеко от Воркуты. Хорошо была видна ее долина. Оказалось, что Янейвис течет параллельно Вор-

куте, поэтому, как и на самой Воркуте, на этом отрезке других пород, кроме четвертичных, не обнажается. Мы прошли еще несколько километров и повернули обратно.

Следующий маршрут — по ручью Бурудан, что означает «водопад». В десяти километрах от его устья обнажается толща конгломератов пермского возраста. Ручеек стекает с нее красивым небольшим водопадом.

Затем началось исследование реки Сырьяги. В 1930 году я прошел по ней несколько километров, теперь же задумал подняться как можно выше, но, к несчастью, Сырьяга оказалась почти сухой. Лодку пришлось оставить у устья и опять начать пешие маршруты. Я предложил ходить в поход по почам, когда прохладно и комаров меньше, спать днем, под лучами ласкового солнца, работать — вечером, пока не зайдет солнце. Так и порешили. Чем не пожертвую в этих условиях!

Сырьяга оказалась в скалистом каньоне. А мы так увлеклись сбором растительных остатков, что пришлось сходить к лодкам и отнести два полных рюкзака образцов. От устья реки рабочие вернулись только на другой день. С приближением к правому притоку Сырьяги — Анураге коренные выходы постепенно исчезли, к великой радости моих помощников. К этому времени стали иссякать наши продовольственные запасы. И помню, как мы в последний день брели по тундре к лодке полуоголодные.

Миновал месяц, как мы расстались с Эрдели. Ребята мои говорили, что инженер выработает все угли на месторождении, пока мы тут разгуливаем. Я же был уверен, что к месторождению в лучшем случае подошли только первые лодки инженера. Но в своих предположениях мы ошиблись.

В день отправления мы сварили последние макароны, по настроение было отличное: мы возвращались домой. По реке стали попадаться гуси. Старые линяли, а молодые еще не умели пользоваться крыльями. Патроны не нужны, нужны умелые руки и быстрые ноги. Помню, один гусь меня так вымотал, что я свалился с ног и потерял охоту бежать за другим. Но как правило, во время линьки гусей лов бывает удачный. После охоты пришло время обеда. С горячими котелками мы погрузились в лодку и отчалили от берега, чтобы хоть как-то наверстать упущенное время. Порогов пока не было, стояла необыкновенная типшина. Мы с Михаилом сидели рядом на спальных мешках, возвышавшихся над бортами лодки, не без риска при малейшем покачивании упасть в воду. Каждый из нас был занят только едой и самим собой. Я сидел настороже и все время спрашивал ребят: «Ну как там, ничего опасного впереди не видно, не песет нас на камень?» «Нет, мы смотрим», — слышал я в ответ и возвращался к гусятине. Вдруг

почувствовал, что Михаил с кружкой в руке отклонился от меня, но не придал этому значения. Не успел я оглянуться, как услышал вслеск, и тут же увидел торчащие ноги над водой. Михаил нырнул с головой. Я растерялся. Лодка между тем спокойно плыла по течению от места происшествия, а Михаил барахтался в воде. К счастью, здесь было неглубоко. Оказывается, за кружкой чая Михаил размечтался о Ленинграде.

Подплыли к угольному месторождению. У 41-го обнажения никого не встретили, а у 37-го до нас донеслись ружейные выстрелы. Мы обогнули большую излучину реки, и картина предстала поразительная. Не иначе как к Эрдели нагрянули гости, но откуда? С не меньшим удивлением нас встретили вновь прибывшие. «Откуда вы взялись, если только не с неба свалились?» — с этими словами навстречу вышел человек приятной наружности. «Гавриляченко,— отрекомендовался он,— прибыл с группой рабочих на помошь инженерам».

Эрдели обосновался на месторождении всего дня три назад. Встретивший нас Гавриляченко приехал незадолго до нашего появления и еще не успел разгрузить лодки. Вновь прибывшие больше интересовались ужином. И на все вопросы Гавриляченко отвечал: «Потом, потом все расскажу». Наши гуси привлекли всеобщее внимание. Начался своеобразный обмен: хлеб меняли на гусей (мы не ели хлеба дней пятнадцать). За буханку — два гуся. Вскоре по берегу реки вспыхнули костры из угля. Я посмотрел кругом, и мне стало жаль дикую Воркуту.

После ужина, как и везде, где собирается много народа, начались рассказы, шутки, смех. Я стал свидетелем одного интересного разговора. «Ну, как будем рассчитываться?» — спросил Гавриляченко своего проводника. Проводник со слезами на глазах стал прощаться со своей собакой. Но Гавриляченко великодушно возвратил ему пса, поучая: «Никогда не спорь с большевиками. И запомни: нет таких крепостей, которые бы не взяли большевики. Вот какие дела, Юрий Александрович,— перевел он на меня взгляд.— Будем добывать уголь на реке Воркуте. Моя группа помощников прибыла первой. А вот товарищ сказал, что лодки наши по Воркуте не пройдут. Я ему говорю — пройдут, он стоит на своем. Я тоже упрямый человек. Поспорили на его собаку и на мое ружье. Так ведь было дело?» — обратился он снова к Попову. «Так», — ответил тот нахмурившись, поглаживая верного пса. «Моя группа — это только начало. Главное вы увидите там, внизу, по пути», — закончил свой сбивчивый рассказ Гавриляченко.

Было начало августа, и я не мог дольше оставаться на месторождении. Мы осмотрели выходы углей, на сей раз втроем: Эрдели, приехавший топограф Подобедов и я. Эрдели находил много

общего между местными углами и донбасскими. Уверял, что здесь все условия для эксплуатации месторождения благоприятны, кроме господствующих холодных северных ветров, густых туманов и... комаров!

Вместе мы выбрали места для закладки первых шурфов. Эрдели беспокоили четвертичные наносы: при оттаивании суглинки ползли, а весь материал для крепления остался в низовьях Воркуты. В данный момент он не мог сказать, сколько этого материала понадобится, хотя бы для начала. Работа предстояла большая. Надо было все учесть, чтобы получить ясную картину о Воркутинском месторождении. Я сказал Эрдели, что запасы угля будут намного превышать прогнозируемые, если все выводы моих полевых исследований этого года подтвердятся дальнейшими разведочными работами.

Прожив несколько дней в палатах с первыми поселенцами Воркуты, мы стали прощаться. Всюду на реке встречались люди и груженые лодки. Нескончаемой вереницей они двигались вперед, преодолевая все препятствия на своем пути. Легче представить, чем описать, сколько потребовалось сил для того, чтобы вручную раскидать камни, преграждавшие путь.

У порога «Ворота к углам» собралось много лодок и людей. Расчищенный проток быстро заносился галькой и валунами, и хозяева каждой лодки расчищали русло лопатой и руками.

«Неужели вот так сразу и начнется добыча угля на Воркуте в этот сезон?» — думал я. Трудно представить грандиозность этого замысла, еще труднее осуществить его в заполярных условиях. Может быть, еще месяц простоит хорошая погода, а потом что? Лютая полярная зима... Тем не менее воркутинская суматоха заставила меня сделать еще два маршрута в сторону от реки. Не найдутся ли там угольные пласты?

Обследовали пешком реку Юньягу. Но к сожалению, здесь даже выходов коренных пород не оказалось. Затем повернули на Лёк-Воркуту — в переводе «плохая Воркута». Захотелось поглядеть, что она собой представляет. И действительно, река оказалась плохой: течет среди низких, сильно заболоченных берегов, прикрытых мощным слоем торфа. Километров на пятнадцать поднялись на лодке по заросшей реке, все ожидая перемены в ее характере. Добрались до песчаных берегов; потянулись песчаные отмели, и наш подъем закончился. На песчаной террасе мы разбили лагерь и решили обследовать речку пешком. А погода как раз располагала к отдыху. Стояла невыносимая жара.

Вообще август 1931 года выдался в Заполярье совсем необыкновенным. Люди, поднимавшиеся по Воркуте, не ожидали такой жары, и потому настроение царило бодрое. Жгучее солнце так на-

каляло брезентовые палатки (30°), что в них невозможно было ни спать, ни работать. В 5 часов утра бросались в ледяную воду. Только освежившись полярной водичкой, люди становились трудоспособными. Если бы не комары, можно было работать в одной рубашке. Но, увы! Приходилось надевать как можно больше одеялок и идти под палящим солнцем с платочком на голове.

Река мелела на глазах, и мы торопились. В общей сложности на Лёк-Воркуту было затрачено три дня. Ни пластов угля, ни выходов коренных пород обнаружить не удалось.

Выбравшись на Воркуту, мы пошли на веслах. Вскоре по берегам стали появляться жалкие деревца: ель, береза — и рядом груз, разбросанный разведочной партией. Сколько потребуется маршрутов, сколько будет затрачено сил, прежде чем разведчики соберут весь свой скарб в одном месте! Сколько надо времени для этого!

Проплыли мимо низких выходов коренных пород пермского возраста. За поворотом реки показалось 2-е обнажение, затем 1-е, а ниже — еще одно, пропущенное нами при первоначальном подъеме. Тогда оно было залито водой. Осмотрели это обнажение, дали ему нулевой номер. И далее вышли на широкие водные просторы Усы.

Чуть ниже устья Воркуты, на правом берегу Усы, показались землянки. Подплыли и встретились с людьми, приехавшими с нами первым рейсом на пароходе. Они готовились к зимовке. Мы узнали, что сюда доставляются грузы, предназначавшиеся для Воркуты. Пароход «Фриц Зейдель» благополучно спустился по Усе и снова возвратился. С началом осенних паводков ждали третьего рейса. Но пока что здесь курсировали три небольших пароходика: «Зенкевич», «Павлин Виноградов» и «Отмель».

Нам предстояло исследовать еще реку Кечьпель — левый приток Усы, истоки которой находятся на Полярном Урале. По этой реке, так же как и по Воркуте, никто из геологов не поднимался. Речушка оказалась на редкость каверзной. В самом устье начались каменистые пороги и труднопроходимые перекаты. Пришлось разгрузить лодку и забрать с собой самые необходимые вещи. Почти пустую лодку удалось продвинуть вперед километров на двадцать. Каждое утро нас встречало ясным солнышком. Снег в горах давно растаял, реки сильно пересохли. За день нам удавалось сделать три-четыре километра, напрягая все силы. До Урала оставалось не менее 40 километров. Пройти бы их пешком по прямой. Мысль эта показалась заманчивой, но неосуществимой. Чтобы не пропустить ни одного коренного выхода, надо было идти берегом и вести глазомерную съемку. Эта речушка, как и многие другие реки этого края, не была нанесена на карту.

Кечьпель завиляла, запетляла, и казалось, что эти 40 километров превратятся в 120. В надежде на рыбную ловлю мы взяли с собой ограниченное количество продуктов. А Кечьпель оказалась безводной и безрыбной: рыба вся ушла вверх по реке, к Уралу. Три дня пришлось туго. В последний день на обратном пути из маршрута мы увидели большого черного медведя и, разумеется, загорелись желанием отведать медвежатинки. Зверь шел по склону высокого берега навстречу нам. Разделяла нас лишь низкая терраса, поросшая кустарником и ивняком, и пебольшая старица. Местность вполне располагала к охоте, ветер дул в нашу сторону. Я решил пойти навстречу медведю и спрятаться в кустах близ высокого склона. Так мы и сделали. Вооружившись берданкой и двумя пожами, вчетвером переправились на противоположный берег реки и стали пробираться через кусты. Медведь оставался в поле нашего зрения. Не подозревая никакой опасности, он спокойно лакомился ягодами. Прошли кусты. Нас разделяло лишь озеро, до высокого склона оставалось метров пятьдесят. Это расстояние показалось мне далеким для выстрела, мы терпеливо выжидали в своей засаде, когда зверь приблизится. Надо сказать, что моя берданка давала осечки и не всегда попадала в цель. Я медлил, подпуская зверя ближе. Еще три минуты, две, одна и... Федор, вместо того чтобы соблюдать тишину, вдруг стал ломать сучья. «Что ты делаешь?» — толкнул я его в бок, не спуская взгляда с медведя. Федор извиняющимся тоном сказал, что на всякий случай не мешало бы зажечь костер. «Какой костер!» — буркнул я. В этот момент медведь поднял голову. Он был от нас шагах в ста двадцати. Я прицелился, но медведь почти одновременно с выстрелом бросился наутек. Когда мы поднялись на высокий склон, то увидели лишь мелькавшую далеко в тундре черную точку. «Ну зачем тебе понадобилось ломать сучья,— ругал я Федора,— ведь ты испугал медведя». «Ну и к лучшему», — невозмутимо ответил Федор. «Вы-то, наверное, не встречались с ним ни разу, а я-то знаю, что это такое», — продолжал Федор. «Трус ты просто», — перебил я его. А Федор сказал: «Берданка — разве это оружие для серьезной охоты, а ножи — ха! Ножи годятся только для разделки убитого медведя, но никак не для борьбы с таким чудовищем. Вот смотри! — Федор быстро оголил руки. — Это, как думаешь, что?» Я увидел на обеих руках чуть выше запястия синие рубцовые раны. «Ты что, прострелил?» — спросил я. Он посмотрел на меня с усмешкой: «Медведь прокусил». Тут все мы в один голос ахнули. А Федор, довольный тем, что из труса превратился в героя, стал нам рассказывать, как это произошло.

Как-то летом медведь повадился ходить в деревню и задрал двух коров. Жители всполошились, но не знали что делать. Нако-

иц нашлось трое смельчаков, в том числе и наш Федор, пожелавших проучить медведя. Решили возле деревни по почам дежурить. Каждый, разумеется, выходил с ружьем. Случилось так, что Федору пришлось выстрелить в медведя. Но он его только ранил, причем так, что медведь не мог далеко уйти. Все трое отправились на поиски раненого зверя. Федор шел впереди с ружьем в руках и топором за плечами. Двое остальныхшли следом за ним. Вдруг откуда ни возьмись перед Федором вырос тот самый медведь. Он не успел прицелиться, как медведь с необыкновенной быстротой поднялся на задние лапы и ударил по дулу ружья. Федор свалился с ног. Медведь отбросил ружье в сторону, навалился на человека и перекусил ему руки. Федор задыхался от тяжести, а медведь с силой давил его к земле. Наконец медведь заметил топор. Он взял топор и тоже бросил его в сторону. Федор улучил секунду: инстинктивно выпрыгнул из-под медведя и как кошка вскочил на первую попавшуюся березку. Березка оказалась согнутой, она дугообразно прислонилась к такой же неказистой березке.

Федор повис в двух метрах от земли. Как ни странно, медведь не бросился за Федором, а стал стеречь его. Руки ныли от боли, из ран капала кровь. Федор почувствовал себя плохо. Между тем медведь ходил возле деревьев, затем встал на задние лапы и, не торопясь, прокусил зубами левую ногу. Федор взвыл от боли. На это проявление жизни медведь ответил укусом правой поги. Федор, окончательно обессилев, умолк. Медведь ушел не сразу. И Федор не помнил, сколько ему пришлось провисеть на березе с кровоточащими ранами. Звать на помощь сразу он не решился, а когда решился, то не сразу дозвался. Двое умных мужиков, видя всю картину, скрылись, в уме похоронив Федора, а теперь вели народ из деревни подобрать труп.

«И все-таки,—сказал я,— как бы ни страшна была охота на медведя, по-моему, мы зря упустили зверя. Твоя история произошла в лесу, где медведь — полновластный хозяин, а здесь убежищем нам и преградой ему могло послужить вот это озеро. Ну ладно, не умрем без мяса, и хлопот было бы немало с этой тушей»,— умерял я свой охотничий азарт.

По Усе мы спустились до следующего притока — Сейды. В деревне Сейдавом нас предупредили, что Сейда в настоящее время на лодке непроходима. Пешком обследовать реку тожеказалось невозможно: она течет среди вязких и непроходимых болот. Удалось заполучить четырех лошадей. Взяли с собой, разумеется, самое необходимое: одну палатку на всех, по спальному мешку, на 10 дней продуктов и отправились в путь.

Примерно в 50 километрах от устья справа в Сейду впадает ручей, вытекающий из самого большого озера Большеземельской

тундры — Харбей. Озеро славилось на всю округу обилием рыбы. Сюда ранней весной по большой воде съезжались рыбаки из дальних деревень.

В ту пору, когда мы поднимались, рыбаков здесь не было и быть не могло. Но рыбкой обмелевшая Сейда нас баловала. И если бы не рыба, пришлось бы голодать. Мы поднялись по реке километров восемьдесят и остановились. Ни одного коренного выхода зафиксировать не удалось. На другой день рано утром собрались в обратную дорогу. Предполагалось, что наш путь до деревни будет короче. Распределили багаж, навьючили лошадей. Наконец тронулись по высокому коренному берегу, срезая петли реки. Проехали километра три-четыре. Местность стала меняться. Началась кочковатая тундра с глубоким мхом и топкими болотцами. Но какая ж тундра без болот, только вдоль реки твердая почва!

Болото встретилось на пути, не вызывающее опасения. Троим удалось проскочить, а лошадь Федора вдруг остановилась. Надо сказать, что лошадь лучше, чем человек, чувствует опасные места и обычно в таких случаях останавливается. Следовало бы поискать другое место, но упрямый и настойчивый Федор погнал лошадь вперед; она и провалилась по брюхо, а Федор остался стоять на широко расставленных ногах. Он тоже испугался и не трогался с места. Надо было как-то выбираться из торфяной жижи. Пришлось достать лопату и разрыхлять перед лошадью торф, чтобы ей легче было выдернуть передние ноги. Лошадь здорово волновалась. Мы подсунули под ноги веревку и стали тянуть. После долгих усилий бедное животное удалось спасти. Больше мы не рисковали и далеко в тундру от реки не отходили. Двигались по принципу: «Тише едешь — дальше будешь».

Август подходил к концу. Дни стали короткими, приходилось раньше останавливаться. Не доехая 30 километров до деревни, начался редковатый лесок. Мы давно мечтали о настоящем костре из дров, на котором можно было бы сварить и изжарить что угодно. Но нам, к сожалению, варить и жарить было нечего. Мы вскипятили чай и съели по небольшому кусочку хлеба, который после трудного перехода показался нам вкуснее кекса. Михаил по обыкновению пустился в воспоминания о вкусных вещах, но никто его не поддерживал. Нам было не до шуток. Все устали и очень хотели спать. Попять нас могли только те, кому приходилось ездить на лошадях верхом 11 суток без седла. Поутру никого нельзя было добудиться, спали до тех пор, пока усталость не переборола голод. Встали, освежились холодной водой и... отправились дальше. То ли дорога стала получше, то ли мы набрались опыта, но ехали без задержек: меньше падали, быстрее двигались. Часам к четырем

на горизонте показался высокий берег, где было первое обнажение и откуда убежала лошадь. Осталось три километра. Я задержался на обнажении для сбора фауны, а остальные уехали в деревню «заказывать чай». Через два-три часа все мы сидели за столом в одной избе. На столе было немало вкусных вещей: рыба жареная, вареная, соленая, утка вареная, жареная, молоко кислое, творог и даже ягоды — морошка со сметаной. Мы поглощали все с огромным аппетитом.

В начале сентября закончили основную работу; повеяло холодом, пошел редкий снежок. Как и всегда, в такую погоду чувствуешь острое желание попасть домой, вспоминаешь о родных, о том, что тебя окружает дома. Иными словами, время требовало перемены обстановки. Всем своим существом мы были уже дома, хотя путь нам предстоял немалый: 350 километров по Усе на своей лодке до Адзывавома. А там нас ждали письма и пароход. Так думали мы, но не то нам уготовила судьба.

Сутки мы погостили в деревне, что называется, отъедались. На другой день спустили в воду нагруженный до отказа баркас и отчалили от берега. Крестьяне проводили нас, снабдили продуктами на дорогу до Адзывавома, и мы расстались с гостеприимной деревней Сейдой. Михаил дал ружейный выстрел (он любил стрелять хотя бы в воздух). С берега послышались два ответных выстрела в знак расположения к нам.

В Абези мы увидели поразительную картину: у поселка стояли баржи, катера и лодки. Я обратил внимание на незнакомых людей. Это были сотрудники экспедиции Камо-Печорского управления. Сюда их привела необходимость изучения гидрографических условий Печорского бассейна для выявления возможностей судоходства. Только реки в то время являлись путями сообщения в Печорском крае. Но они были совсем не исследованы. Летом 1931 года экспедиция осмотрела все крупные притоки Печоры и саму Печору от верховьев до устья с целью выяснения, в какое время и на каких реках можно провести землечерпательные работы, чтобы обеспечить вывоз воркутинского угля. Из Архангельска в Усть-Печору шел целый поток грузов. В некоторых пунктах на Печоре началось массовое строительство барж для переброски грузов на Воркуту и вывоза угля в поселок Адзывавом.

Я недоумевал: какие-нибудь три месяца — и такие перемены. А как оживилась Уса! Пароход из Абези только что ушел, и потому путь продолжали на лодке под непрерывным дождем с мокрым снегом. Над лодкой соорудили навес из брезента и в тихую погоду плыли днем и ночью. В деревне Фион, откуда были родом рабочие, пришло гостить два дня: праздновали благополучное возвращение. Но славные ребята проводили нас до самого Адзывавома.

Зимовка в Заполярье

В Адзьвавом прибыли в середине сентября. Неизвестно изменилось это местечко: лесок по склону вырублен, наверху два больших барака, несколько домиков и радиостанция, а вокруг брезентовые палатки с кирзовыми печками... Мало того, что поселок ошеломил нас своими новыми постройками, именно здесь мы узнали, что же нам уготовила судьба.

В связи с расширением работ руководство Ухто-Печорской экспедиции решило оставить нас, геологов, на зимовку в Адзьвавом. Это было правильное решение. Предполагалось, что осенью геологи проверят имеющиеся заявки о находках угля, а весной за счет времени, затрачиваемого обычно на дорогу, удлинится полевой сезон, но мириться с этим было тяжело.

Вскоре вернулись с полевых работ Иорданский и Копечина. Прибыли геологи с Нечи, Кожима, Заостренной и Адзьвы. Все мы разместились в палатках с «кирзовыми печками», в которых предполагалось зимовать.

В течение лета необходимо было добыть 500 тысяч пудов угля на Тальбейском месторождении (р. Адзьва) и 60 тысяч пудов на Воркутинском. Для этого следовало заложить на Тальбейском месторождении две шахты, на Воркутинском — одну. Возглавил эти работы горный инженер Н. Н. Лямин. Он прибыл из Ухты в Адзьвавом. На Адзьву и Воркуту потянулись люди и грузы. Везли лес, продовольствие, топографическое и геологическое оборудование и даже буровые станки.

Из Адзьвавома Н. Н. Иникин с группой людей выехал на Воркуту на пароходе «Отмель». Он доехал только до Кочмеса и на перекате «Ларьки» надежно и крепко сел на отмели. Оставалось еще 250 километров пути. От Кочмеса Иникин добрался на лодках, купленных у местных жителей. К счастью, подвернулся маленький пароходик «Батманов», капитана которого не без труда удалось уговорить взять лодки на буксир. В каждой деревне флотилия останавливалась и пополняла снаряжение и оборудование, начиная с лопаты и кончая веревками. «Батманов» из-за мелководья дотащил флотилию только до села Петрунь. Флотилия лодок все больше и больше разрасталась по мере перегрузки с парохода на лодки. От Петруни караван двигался на бечеве с помощью лошадей. Под проливным холодным дождем по каменистому, крутому, обрывистому берегу мокрые, замерзшие люди, не считаясь ни с чем, шли вперед.

То на пароходе, то на буксире, то лямками, то пешком Н. Н. Иникин догнал у устья Воркуты вторую группу Ухто-Печорской экспедиции, первую партию которой привел на месторождение упол-

помоченный Гавриляченко. С тремя шахтерами Инкин отправился к месторождению угля на лошадях через тундру. Связь на лошадях между Адзъвавом и Воркутой осуществлялась регулярно в течение осенне-зимнего сезона 1931/32 года.

В конце сентября после длительных дождей наконец установилась хорошая погода. Мы с Н. Кольцовым выехали на реку Хоседу для проверки заявки. Река оказалась порожистой и быстрой. По Хоседе поднялись на 90 километров, но, кроме четвертичных отложений, других пород не встретили. Угольная галька действительно часто попадалась по берегам. Но, так же как и галька других пород, она вымывалась из четвертичных наносов.

Поездка оказалась интересной и в том отношении, что мы познакомились с «городом» в тундре. В 70 километрах от устья Хоседы в лесотундровой полосе в 1929 году была организована культбаза Хоседа-Хард — оседлый пункт кочующих оленеводов. Здесь были школа-интернат, где обучались дети кочевников, санитарные и медицинские пункты, магазин, клуб. С внешним миром культбаза сообщалась только по реке в полую воду весной и осенью, летом река труднопроходима. Завоз продуктов сюда требовал больших затрат средств и времени. Тем не менее культбаза сыграла огромную роль в развитии оленеводческого хозяйства в тундре. Впоследствии она стала большим культурным центром Ненецкого национального округа.

В середине октября погода резко изменилась: начались снегопады и заморозки. По Хоседе мы спустились быстро и довольно благополучно, а вот на Адзъве нас застала шуга. Ранние сумерки вынуждали больше стоять, чем плыть. В круtyх излучинах река сковывалась льдом нацело. Прежде чем плыть, надо было сначала пробить лед веслом. На преодоление одного-двух километров пути уходило три-четыре часа.

В Адзъвавом нас встретили новостью. В маленьком поселке не хватало жилья для геологов. Начальник Боркутинской разведки К. И. Матвеев отнесся к нам более чем снисходительно. Он разместил нас в деревне Ниедзьеле, на реке Адзъве, в шести километрах от устья. Мы должны были привести свои дела в порядок и представить отчеты о полевых исследованиях, хотя никаких условий для этого в деревне не было: ни литературы, ни аппаратуры. А главное, среди нас не было палеонтологов, которые устанавливали возраст отложений по окаменелостям. Но как бы то ни было, зимовка началась.

Жили в избах. Я остановился в просторной, трехкомнатной избе. В одной комнате расположились хозяева — Кости и его жена Павла. Во второй комнате отделили часть мне: я ждал приезда жены. Вторая половина превратилась в клуб-столовую и рабочий

кабинет. Костику избу мы в шутку называли «веселая изба». Здесь все собирались. Раза три к нам из Ухты прилетал главный геолог Воркутинской разведки Н. Н. Тихонович. С этим недюжинного ума и телосложения человеком впоследствии пришлось много работать. О нем я вспоминаю с самым почтительным уважением. Встречи с ним для нас были настоящим праздником. Он умел интересно проводить беседы и рассказывать о своей нелегкой трудовой жизни.

Навещал нас и Матвеев, который делал все, чтобы скрасить наше заполярное существование. Он часто объезжал свои усинские владения и непременно заглядывал в Ниедзель. Издалека на фоне снега показывалась его рослая статная фигура на вороном рысаке.

В сентябре установилась настоящая полярная зима. Дни стали совсем короткими. В Ниедзеле солнце не поднималось из-за линии горизонта. Адзьвавом находилась за полярным кругом, противоположный берег Усы — южнее его. С приходом зимы жизнь повеселела. Началась охота на белку, горностая, песца. Среди нас не было заядлых охотников, но тем не менее мы принимали в ней участие. Однажды в морозный тихий день мне постучали в окно и сказали, что около самой деревни появилась большая стая куропаток. На улице мне показали, в какой стороне они «пасутся». Я пошел лисьим шагом, держа наготове ружье. Иду, а куропаток все нет. Вот тебе и около деревни. И только когда выпрямился во весь рост и взмахнул ружьем, одна куропатка вспорхнула и полетела. Я внимательно присмотрелся и увидел ускользавшие от меня так же тихо, как я крался, белые комочки с еле заметным розоватым оттенком. Я выстрелил — вся стая поднялась и опустилась метрах в ста от меня. Я снова притаился и стал преследовать птиц. Удалось убить одну и вспугнуть всю стаю. Раза четыре я принимался стрелять, и каждый раз одна оказывалась убитой, а вся стая взлетала и садилась все дальше и дальше от меня. Никто из местных жителей на куропаток не охотился. Здесь считали, что заряд дороже куропатки. Зимой этих птиц ловили силками. Словом, настоящей охоты в этом году я так и не увидел.

По вечерам на досуге я учил Павлу русскому языку. Надо сказать, что в 1931 году сюда докатилась волна всенародного движения за грамотность. Раза два в неделю в Ниедзель приходили представители так называемого ликбеза и обучали жителей деревни русскому языку. Собирались опять-таки в костинои избе, учились писать и читать по-русски. Женщины Ниедзеля не говорили по-русски. Все они были отличными мастерицами по шитью одежды из оленевого меха. Какие только узоры они не выделявали белым мехом на коричневом фоне! А вот выписывать карандашом печатные русские буквы эти гибкие пальцы не могли. Недели две

бился я с Павлой над первым десятком алфавита. Она категорически отказывалась меня понимать. Но я был неумолим, и к весне Павла уже благодарила меня за свои знания.

Так проходило время. Наступил декабрь. Иорданский взял отпуск и уехал в Москву. Коллекторов отправили на кожимскую разведку угля. Я взялся за сводный отчет. В 350 километрах от меня в ожидании санного пути в течение месяца жила моя жена и, как только Печора встала, в три дня добралась до нашей зимовки. К этому времени с Воркуты в Адзъявом приехал Иникин. Он поведал нам, что произошло на Воркутинском месторождении.

Разведочные работы начались с закладки первого шурфа на левом берегу реки. На правом берегу была заложена первая штолня на четвертый пласт. Приступили к топографической съемке. Одновременно с этими работами был заложен кирпичный завод. В августе подошла еще партия людей с грузом, и жизнь на Воркуте закипела. На правом берегу заложили пять штолен, на левом — две. За осень удалось выполнить программу угледобычи. Однако пороги Воркуты явились серьезным препятствием в переброске грузов. Не хватало леса, столь необходимого для крепления штолен и строительства бараков. Все зависело от подхода людей с грузами. Заморозки застали людей врасплох. На крутом берегу реки стали строить землянки и обкладывать их дерном. В таких жилищах воркутяне встретили первую полярную зиму. Продуктами люди были обеспечены до апреля, а лошадей кормили хворостом.

В конце ноября на первом поле, между 35-м и 37-м обнажениями, бурили первую разведочную скважину. Второй буровой станок пока бездействовал. «С технической стороны эта буровая не выдерживала критики,— рассказывал Н. Иникин.— Из-за недостатка строительного материала «здание буровой» состояло из нескольких стоек и трех игл копра, покрытых оленьими шкурами, брезентами, горбылем, мешковиной и большими кирпичами. Керосина не было. Работали при свете факелов, устроенных в консервных банках. Обогревать буровую не было никакой возможности. Она насквозь продувалась ветром. Вода в шурфе и в штанге замерзала. Жгли костры, но и это не помогало. Люди, не привыкшие к полярным ночам и метелям, боялись отходить от территории рудника. Через Воркуту к штолням был перекинут канат, за него держались, когда ходили на работу. Первая радиостанция находилась в землянке, вырытой на склоне правого берега. Стены землянки, где находилась рация, были выложены хворостом. Рацию заметал снег до самого верха, и, чтобы проникнуть в нее, приходилось нырять в рыхлый снег и через ледяной коридор проходить в землянку».

Зимой наше руководство решило направить на Воркуту одного геолога. Выбор пал на меня. Но так как ко мне приехала жена, на Воркуту согласился поехать Володя Пиотровский. Он отправился с начальником транспортного Усинского отделения Н. П. Бартельсоном. Одетые во все меховое, они уселись в небольшие сани. Путь лежал по ледяному полю реки Усы.

В Косьювоме пришлось купить другую лошадь. Выбрали лучшую во всей деревне, откормленную, молодую и очень резвую. «Как звать лошадь-то?» — спросил Володя хозяина. «Каурка», — ответил крестьянин, с сожалением поглядывая на лошаденку. «Это имя нам нэ подходит», — вмешался в разговор Бартельсон, начальник транспортного отделения, швед по национальности, но уже обрусевший. «Что ж так?» — удивился хозяин. «Мы тээрь рэгулярно будем покупать лошадей», — заговорил Бартельсон, — а чтобы знать, какая лошадь в каком году куплена, будэм давать им имена, положим, в этом году на букву «А», в будущем году на букву «Б» и так далэе. «Так как же будем звать эту лошадь?» — спросил Володя. «Агурец», — ответил Бартельсон. «Но ведь слово «огурец» пишется с буквы «О»», — робко заметил Володя. «Нэважно», — отмахнулся Бартельсон, и лошадь стала называться Агурцом.

Эта лошадка бодро довезла троих путников до деревни Тит, где они встретили Новый год. В начале января они прибыли на рудник. Бартельсон на этой же лошадке уехал в Адзывавом.

Зима 1931/32 года выдалась на редкость холодной. А ведь 200 миллионов лет назад на этих широтах господствовал тропический климат, произрастали тропические леса. Иначе откуда бы взяться здесь таким огромным запасам каменного угля? Приходилось соглашаться с отцом, который утверждал, что на территории Печорского бассейна в пермском периоде климат изменился в сторону увлажнения в направлении с юга на север.

В области реки Камы в том далеком геологическом периоде простиралась пустыня с жарким сухим климатом наподобие климата наших современных пустынь, с бедной растительностью, но с многочисленными озерами. При высыхании озер образовывались соленосные толщи. С давних времен эти соли добываются для нужд человека. Наконец, город Соликамск обязан своим возникновением этим соляным разработкам.

На территории Печорского края в начале пермского периода господствовали прибрежно-морские условия. Климат здесь был жарким и влажным, что способствовало развитию богатой растительности. Чем дальше на север, тем растительность на прилегающей суше и островах этого моря становилась богаче. В середине пермского периода она достигла наивысшего расцвета. Ее хватало

на образование мощных древесных торфяников, которые и послужили материалом для возникновения угольных пластов.

На побережье и островах развивались тропические непроходимые леса из высокорослых кордантов, папоротниковых и хвойных растений. Наличие многочисленных угольных пластов (до 140) и пропластков в Воркутинском месторождении, залегающих среди сланцев, песчаников и конгломератов, содержащих то морскую, то солоноватоводную, то пресноводную фауну, указывает на то, что время накопления этих осадков шло, как утверждал отец, еще в 20-х годах, в условиях непрерывной борьбы моря с сушей. То море отступало на запад, тогда на этом месте разрастались тропические леса; то, наоборот, море вновь покрывало оставленную ранее территорию, на которой шел процесс образования морских осадков, речных отложений.

С возникновением Уральских гор в конце пермского периода море стало постепенно отступать, и в конце перми, а также в течение всего триасового периода на территории Печорского бассейна существовал континент. Многочисленные реки, стекавшие с Уральских гор, несли грубый материал — песок, гальку — и откладывали по берегам. Впоследствии из него возникли те самые плотные породы, которые река Воркута с трудом размывает, образуя многочисленные пороги.

Во вторую половину пермского периода на континенте появились многочисленные озера и болота. В них накапливались мощные (до 13 метров) с тонкими глинистыми прослойками торфяники, давшие впоследствии тот самый материал, из которого образовались бурые угли, или угли лимнического типа (угли озерных отложений.— Г. Ч.). Интересно заметить, что, чем дальше к западу, тем количество угольных пластов становится меньше и качество углей хуже, так как реки несли в озера не только растительный материал, но и железистый, глинистый, отчего пласти угля становились многозольными.

Иные условия господствовали в это время далеко на западе. Так, например, в бассейне Северной Двины и ее притока Пинеги существовал континент с сухим жарким климатом, бедной растительностью, но с богатым животным миром. На правом берегу Малой Двины, выше Котласа, в красноватых породах пермского возраста еще в 1899 году русский ученый геолог и палеонтолог В. П. Амалицкий обнаружил целое кладбище вымерших животных, захороненных в русле древней реки, которая здесь протекала около 200 миллионов лет назад. Раскопки велись в течение четырех лет. И в результате было извлечено более 20 скелетов первобытных ящеров, парейазавров, достигающих трех метров длины, древних земноводных (стегоцефалов), среди которых оказалось

много костей еще неизвестных пресноводных видов, принадлежащих разнообразным крупным растительноядным и хищным пресмыкающимся и земноводным. Некоторые из них экспонируются в настоящее время в краеведческих музеях Вологды, Великого Устюга и Архангельска, но основная коллекция «северодвинских раскопок» находится в Москве в Палеонтологическом музее Академии наук СССР.

На протяжении полутора миллиардов лет в процессе сложных геологических событий менялся облик Земли. Перемещались моря и континенты, смещались полюсы, и в зависимости от этого изменились климатические условия географических зон на поверхности Земли.

В марте 1931 года в Архангельске было организовано Северное геологическое управление, которому Ухто-Печорская разведка передала нас, геологов. В конце марта все мы готовились к отъезду. Предстоял длинный путь: вниз по Печоре до Щельяюра, затем на Цильму, Мезень, Пинегу и в Архангельск.

Наконец оказия представилась. В Усть-Усу направлялся обоз с куропатками для консервного завода. Стояла чудная, тихая полярная ночь, когда мы выехали из Адзьвавома. Мы удобно устроились в санях и навсегда распрощались с затерянным среди снегов, но уже обжитым поселком. Скоро в темном звездном небе заиграло чудо Заполярья — северное сияние. Вот вспыхнул светлый луч прожектора, осветил темное небо и выбросил веер зелено-голубоватого цвета. Веер заколебался, и по небу рассыпались разноцветные кружевые полосы. Одни гасли, появлялись другие, их заменяли третья и так без конца. Красоту этой почти забыть нельзя, как, между прочим, нельзя забыть и дорогу, которая нам предстояла.

Через два-три дня прибыли в Усть-Усу, откуда отправились на почтовых лошадях, делая прогон 25—30 километров. В начале апреля неожиданно потеплело. К Усть-Цильме подъезжали под дождем, промокшие до костей. Дорога от Усть-Цильмы на Мезень мне была знакома. В 1930 году мы возвращались по ней из экспедиции в октябре по мерзлому грунту. Тогда она показалась нам прекрасной. Теперь же оттепели и быстро наступивший мороз испортили эту дорогу. Однако весь участок от Цильмы до Мезени мы проехали благополучно на одних лошадях, время от времени отдыхая. Далее почтовых лошадей меняли довольно часто. Путь лежал по льду Мезени. А весна между тем вступала в свои права. Заметно потеплело. На льду проступала вода, а по берегам дыбилася лед, который вот-вот должен был тронуться. До весенней распутицы мы должны были добраться до Архангельска.

От села Лешуконского следовало ехать через водораздел Ме-

зень — Пинега — 100 километров. На этом участке всю долгую зиму не прекращалась езда в связи с непрерывным потоком людей из Архангельска на Печору. К весне почтовые лошади были совсем истощены. На одной из станций нам дали две подводы без ямщиков и сопроводили такими словами: «Если они вас довезут до следующего пункта, то будьте счастливы». Лошади еле-еле тащились. Потребовалось 20 часов, чтобы проехать 24 километра до следующего пункта. Наконец достигли реки Пинеги. В деревне Вальтево нас застала распутица, пришлось ждать, пока пройдет лед.

В деревне отпраздновали 1 Мая и отсюда уже пустились в плавание по Пинеге на большой лодке попутно с последним весенним ледоходом.

Река оказалась живописной. По берегам ее то и дело выступали розовато-белые мергели. Двигались мы не быстро, хотя и вниз по течению. Тормозили заторы льда. Так, следя за льдинами, мы наконец добрались до города Пинеги. Отсюда пассажирский пароход через два дня доставил нас в Архангельск. Всем нам был предоставлен отпуск до середины июня. Мы с женой выехали в Москву.

Вверх по реке Большой Роговой

В 1932 году полевые разведочные работы достигли своего наибольшего размаха. Северное геологическое управление организовало более 30 партий для изучения оставшихся неисследованными территорий Печорского бассейна. Я должен был ехать на реку Большую Роговую во главе партии, сформированной из женщин.

Не совсем просто теперь стало с билетами в Архангельском порту. В связи с открытием Воркутинского месторождения угля и освоением всего Печорского угленосного бассейна на Печору устремился поток различных грузов, людей. А возможности порта оставались прежними. С трудом мне удалось достать места. Нашими попутчиками оказались молодые топографы. Всю дорогу мы смеялись, шутили, пели. Первый раз четверо суток на пароходе прошли спокойно и вроде бы незаметно. Но говорят, Баренцево море весной более приветливое.

В низовьях Печоры зарождался новый город-порт, столица Ненецкого национального округа — Нарьян-Мар. В последний раз я был здесь в 1928 году. Тогда я охотился в этих местах на уток, теперь здесь строили двухэтажные дома. Ровной линией они тянулись в глубь тундры. Строительство развертывалось вокруг причала, метеостанции и холодильника рыбного хозяйства.

Нарьян-Мар принимал множество грузов, и главным образом машинное оборудование, предназначавшееся для Воркуты, речного транспорта и строительства новых поселков, возникавших в связи с общим развитием края. Нарьян-Мар — единственный вход в Печорский край со стороны моря. Люди надолго оседали здесь в ожидании транспорта, который в то время просто неправлялся с необычным наплывом грузов и пассажиров. Но пристани в городе пока не было.

В Нарьян-Маре меня уже знали как виновника новых событий в Печорском крае, и, не скрою, это давало мне возможность быстрее и легче продвигаться вперед. Исполком предоставил нам небольшую комнату, где я со своей партией остановился до прибытия речного парохода. На пароходе нас обеспечили хорошими местами. По молодости мне это льстило, причем никаких личных усилий я не прилагал, достаточно было одной фамилии.

Из Нарьян-Мара нам удалось выбраться довольно быстро. Без задержки добрались и до Усть-Усы, но по Усе двигались шагом. Буксирный пароход, на котором нам удалось устроиться, тащил на Воркуту две баржи с грузом и людьми. Мы устроились на носу палубы и, чтобы не пропадало время даром, приступили к пошиву палаток, спальных мешков, пологов (в нашем снаряжении их не оказалось — просто не хватило на всех в управлении). Добрый завхоз отмерил нам уйму брезента. И вот теперь я кроил, а девушки усердно шили.

Высадились в Петруни. Самостоятельная экспедиционная жизнь началась с хлопот о запасах продовольствия, о найме рабочей силы, о лодках. Однажды к нам в палатку зашел незнакомый мужчина. Острым взглядом осмотрел всех нас и стал расспрашивать, кто мы такие и куда направляемся. Я говорил серьезно, а мои три восемнадцатилетние помощницы, Клава, Нина и Муза, совершенно непредставлявшие, что ждет их впереди, смеясь, говорили о романтике нашей поездки. Через два года, в 1934 году, из книжонки «Большая Печора», изданной ОГИЗом «Молодая гвардия», я узнал, что нашим гостем был Владимир Канторович. Мы разговаривали с ним не больше часа, но наметанный глаз журналиста и писателя правильно описал нашу партию и мое руководство ею в главе «Командир над бабами».

Наконец все подготовлено: найдены четверо рабочих, две лодки. Больше всего я полагался на Василия Васильевича, опытного оленевода. Начали подъем вверх по реке Роговой, обследуя по пути притоки. Шли бочевой вверх по реке по тем местам, где геолог Н. А. Кулик в 1910 году заблудился во время охоты (он писал об этом в своей статье). Я рассказывал этот случай в назидание своим спутникам, потому что они имели привычку отходить от реки

в лес. «Ну какой же он геолог,— смеялась Муза, студентка из Ленинграда,— если заблудился у самой реки!» Влекомая желанием показать свое преимущество перед Куликом, она отлучилась в лес у самого того злополучного места. Я и не заметил, как она исчезла в кустах. Я подумал, что она просто отстала, и решил подождать. Прошел час. Я вернулся назад, а все остальные поднялись на берег и стали кричать. Ответа не последовало. Прошло еще два часа. Настало время обеда. Развели костер, пообедали. Муза не возвращалась. Стало ясно, что стряслась какая-то беда. Мы отправились в лес. Стреляли, кричали, но в ответ ни звука, ни шороха. В лесу оказалось множество озер-стариц. Искать погибающую Музу в темноте в зарослях ивняка было делом безнадежным. Мы решили разбить лагерь и поутру отправиться на поиски. Настроение было отвратительное. Поужинали молча. И уж все стали расходиться по палаткам, как вдруг Нина, вторая студентка, закричала: «Человек идет!» В трех километрах от нас вниз по реке мы увидели женскую фигуру. Это была Муза. Семь часов прошло. Что пережила она, было видно по ее лицу. Я молчал: выговор мой в данной ситуации не имел никакого значения. А Муза наше молчание восприняла по-своему. Она засмеялась, как будто ничего не произошло, а потом вдруг зарыдала. «И отошла-то я всего метров на пятьдесят от реки за смородиной,— сквозь слезы говорила она,— побродила в кустах, полакомилась, повернулась и пошла к реке. Метров через пятьдесят я действительно сквозь кусты увидела воду и, уверенная в том, что это Роговая, прорвалась через них. Но это оказалось озеро, длинное-длинное. Все еще сохрания спокойствие, я пошла в противоположную сторону, и опять метров через 200 подошла к озеру меньших размеров. Реки как не было».

Если бы Муза сразу же начала кричать, мы бы услышали ее. Она старалась найти свои следы и тут совсем растерялась. Тогда она решила идти наугад в одну сторону, и всюду ее окружали бесчисленные озера. «Я слышала ваши выстрелы,— признавалась Муза,— это вселяло в меня уверенность, и у меня совсем отпало желание кричать. Я пошла на выстрел, но на пути опять разлилось длинное кривое озеро. Я стала его обходить с той стороны, откуда раздавался выстрел. Озера кончились, местность стала повышаться, я поднялась на террасу и с нее увидела массу бесчисленных озер. Только тут я поняла, что река должна находиться за этими озерами. Я побрела обратно. Утки пугали меня на каждом шагу, и к реке выбралась совершенно неожиданно для себя, когда уже стала терять надежду».

Муза и Нина рвались в свой первый самостоятельный маршрут по Лёк-Нерцете. Я дал им последние наставления: подняться

вверх по реке как можно выше, а затем сделать пеший маршрут, после того как лодку не пустят перекаты. На нашей единственной десятиверстной карте Лёк-Нерцета, как и большинство притоков Большой Роговой, обозначена пунктиром. Мы расстались. Девушки поплыли в сопровождении рабочих — Ивана и Николая. А мы стали подниматься вверх по Большой Роговой до следующего притока. Микит — совсем непроходимая на лодке речушка. Пришлось обследовать ее пешком. Узкая, глубокая, грязная долина оказалась у нее из рыхлых четвертичных отложений. Очевидно, когда-то этот ручей был более мощным и выработал глубокую долину. Мы шли у уреза воды и месили ногами грязь, боясь поднять голову вверх: все здесь сыпалось и рушилось.

Микит ничем нас не порадовал — одни мореинные суглинки.

Следующим объектом нашего изучения была река Большая Нерцета. Она никак не оправдывала своего названия. Даже в самом устье была непроходима. Зато около устья оказалась деревенька, в которой нашлись лошади. Жители сказали, что за большим поворотом к северу много высоких слуд — так они называли обнажения, сложенные рыхлыми наносами. Нам дали трех лошадей без седел: здесь о них не имели понятия. Кроме Василия Васильевича я решил взять с собой в маршрут одну из помощниц. Но оказалось, что ни одна из девушек никогда не сидела на лошади. А мне нужен был помощник, и я предложил девушкам поучиться. Нина сразу же отказалась от этого, а Муза и Клава, жаждущие приключений, поспорили, кому из них ехать.

Я смотрел на обеих и думал, кто же из них окажется способнее. Между тем у них горели глаза. Я предложил без спора посоревноваться, поучиться, посмотреть, кто смелее. Каждая из них выбрала себе лошадь, вместо седел положили оленьи шкуры, а вместо стремян — веревки с петлями.

Я вспомнил, как, будучи еще студентом, ходил в манеж учиться верховой езде, а после окончания учебы совершаю прогулки за город. Словом, вспомнил, как учили меня, и сам решил поучить. Задание было таково: сесть самостоятельно на лошадь и проехать сначала шагом, а потом рысью. Полюбоваться на это зрелище вышло все немногочисленное население деревни. Ученицы мои проявляли большую настойчивость, доставляя при этом немалое удовольствие зрителям. Наконец победительницей в соревновании вышла Муза. Тронулись в путь. Вас-Вас поехал впереди, я — за ним, Муза — последней. Она не хотела ехать впереди меня и, более того, запретила мне оборачиваться назад. Как только я смотрел на нее, она кричала: «Не смотрите!» — и тут же теряла равновесие. Хорошо! «Вы едете?» — спрашивал я изредка, чтобы не потерять спутницу. «Да», — отвечала она. Так вот мы и двигались.

В верховья реки добрались прямиком по тундре, обратно пришлось идти вдоль реки. Большая Нерцета меандрировала среди высоких двадцатиметровых террас, сложенных послеледниковыми песчано-галечниковыми отложениями. Ни единого выхода коренных пород. Глаз опытного геолога сразу бы заметил, что в недалеком геологическом прошлом эта территория была покрыта большим озерным бассейном, который впоследствии был заполнен грубообломочным материалом, сносившимся с конечно-моренных гряд, оставленных отступающим ледником. Я заинтересовался геоморфологией этого района, хотя это и не являлось моей задачей.

Мощные толщи четвертичных отложений в безбрежном океане тундры имеют разное происхождение. В южной и западной частях развиты две моренные толщи, в северной и восточной прослеживается третья. Каждая из них характеризует целую эпоху в истории развития рельефа Земли, а все вместе они свидетельствуют о том, что, в частности, территория Большеземельской тундры трижды подвергалась оледенению. Самое древнее из них, рисское, покрывало огромную площадь. Центром его служил остров Новая Земля, который, очевидно, был более высоким, чем в настоящее время. На нем скапливались мощные толщи снега; снег, не успевший растаять за лето, уплотнялся и превращался в фирн, а фирн — в лед. От покровного оледенения на Новой Земле сохранились лишь отдельные леднички.

Новоземельский ледник рисского времени соединялся с ледником Скандинавии, и вся эта огромная толща льда скользила на юг Европейской части Союза, покрывая Московскую область и распространяясь далеко на юго-запад, в низовья Днепра. В рисскую эпоху оледенения на всей этой территории царил суровый, холодный влажный климат.

Через несколько десятков тысячелетий наступил второй (вюрмский) ледниковый период. Однако вюрмский ледник не достигал тех грандиозных размеров, хотя и покрывал всю площадь Печорского края. Центром его оледенения была не только Новая Земля, но также и Уральский хребет. Оба ледника сливались где-то вблизи Урала и общим потоком двигались на юг. Вюрмскому оледенению соответствует вторая моренная толща.

Но на этом еще не окончена четвертичная история Печорского края. Наступило последующее потепление; вюрмский ледник начал таять и в конце концов оставил всю территорию Большеземельской тундры. Потекли ручьи, реки, образовались озера. Воды стали размывать моренные суглинки. Началось образование речной системы Печорского бассейна. В речных долинах откладывались галечники, пески, а в озерах — глины. Углубляя свои русла, реки образовывали террасы, появилась растительность. Науке из-

вестно, что вслед за отступающим ледником на север шли мамонты. В это же время на север, в Печорский край, двигались и первые люди — люди каменного века.

Стоянки доисторического человека были обнаружены в Медвежьей пещере на Верхней Печоре, а на берегу Средней Печоры открыта так называемая Бызовская стоянка. Найденные в стоянках предметы обихода свидетельствовали о том, что люди появились здесь 20—30 тысяч лет назад. Но вскоре наступило новое похолодание. Два ледника — Новоземельский с севера и Полярноуральский с востока, — слившись воедино, потекли на юг.

Третье (валдайское) оледенение захватило лишь северную и восточную части Большеземельской тундры. В результате долгого пребывания третьего ледника в Большеземельской тундре образовались мощные нагромождения валунных суглинков, которые по краю ледника дали возвышенности, называемые конечными моренами. Характерная конечная морена простирается с запада на восток на 400 километров, от низовий Печоры до Роговой и далее до Сейды. Эту гряду путешественник прошлого столетия А. Шренк назвал Большеземельским хребтом. По сути дела гряда состоит из продолговатых возвышенностей, или мусюров, сложенных моренными валунными суглинками. В современных условиях гряда служит водоразделом двух речных систем — рек, текущих на север и впадающих в Баренцево море, и рек текущих на юг и впадающих в Нижнюю Печору и Усу. Между мусюрами на разных уровнях располагаются многочисленные озера различных размеров. Они тоже образовались в результате таяния льда в пониженных участках и впадинах среди моренных суглинков.

Как видно, современный рельеф Большеземельской тундры всецело связан с покровными оледенениями на этой территории. И это не фантазия геолога — это результат тщательных наблюдений за составом валунов в моренных суглинках, за желобами и шрамами на валунах и выходах скал.

Через несколько дней добрались до деревни Сявты — самой большой на реке Большой Роговой. На окраине деревни — три чума, в которых живут ненцы-старики. Студенткам из Ленинграда захотелось посмотреть диковинное жилище оленеводов. Мы вошли в один чум, и я узнал ту самую ненку, которую сфотографировал в прошлом году в Елецкой. Фотографии я возил с собой на всякий случай, и вот теперь случай свел меня с этой семьей.

Не думаю, чтобы Шагля, как звали хозяйку чума, помнила меня, и потому я положил украдкой фотографию перед ней, когда она отвернулась к очагу. Прошло минут пять, прежде чем она повернула к нам голову и увидела свою фотографию. Сначала она

как бы не обратила на нее внимания, а потом взяла в руки, удивленно посмотрела на нее, наконец, подняла голову и, сияя от радости, воскрикнула: «Здравствуй, инженер Чернов!» «Ай, ай, ай-я», — засуетилась она, замотала головой, забегала по чуму. Потом оправилась от смущения и, помахивая головой, стала готовить чай. Я спросил ее, где муж, и получил ответ: «Тундра оленями». «Вот так гость», — выговаривала она на ломаном русском языке. Пока пили чай, Шагля любовалась фотографией и, кажется, осталась довольна подарком. Девушки заказали Шагле сшить по паре туфель из оленьего меха.

В Сявте нам сказали, что всего в десяти километрах от деревни находится верховье Большой Нерцты. Хотелось посмотреть самые истоки этой реки. Вас-Вас наотрез отказался от путешествия на лошади. Он пошел пешком вслед за нами, а мы с Музой — верхом на лошадях.

Скоро мы спустились в долину, добрались до конечного пункта и пошли вверх по реке. Заночевали в тундре под открытым небом. Удалось подремать часа три, но зато осмотрели значительный отрезок реки и вернулись в Сявту.

От Сявты поднялись вверх по Роговой километров на сорок. Был конец сентября, погода заставляла подумать об обратном пути, а нам надо было еще сделать маршрут по Пятомбою. Как-то утром совершенно неожиданно из-за поворота реки показалась лодка. Это был геолог М. П. Кудрявцев. Он поднялся почти до самых верховий Роговой и исследовал Пятомбай. Необходимость в нашем маршруте отпала.

Вниз плыли все вместе: три лодки, перегоняя друг друга, весело торопились домой.

Пешком и на лодках через хребет Пай-Хой

С хорошими результатами возвратился с полевых работ в 1932 году Н. Н. Иорданский: на Пай-Хое, в бассейне реки Янгарей, он обнаружил угли. Это обстоятельство заставило в 1933 году провести обширные геологические исследования по всему юго-западному склону Пай-Хоя. Предполагалось, что и этот склон сложен пермскими угленосными осадками. Под руководством профессора А. А. Чернова была организована экспедиция из трех съемочных и двух разведочных партий. Поисково-съемочные партии возглавили В. В. Коперина, Е. А. Шебарова и я, разведочные — К. Л. Муравьев и Н. Л. Лихач. Ввиду трудных транспортных условий на Пай-Хое все партии были малочисленные. Поисково-съемочные состояли из начальника, коллектора и двух рабочих. Разведочная

партия, кроме начальника и прораба, была рассчитана человек на десять.

В начале июля из Архангельска специальным рейсом на пароходе экспедиция отплыла на остров Вайгач. От Вайгача на Пай-Хой предполагалось добираться на ботах.

Четверо суток море оставалось спокойным. Ласковый июль — месяц с приветливым жарким солнцем — распространил свои чары и на это северное море. На пятые сутки к 12 часам ночи приблизились к острову Вайгач. На календаре 19 июля — лучшее время в Заполярье. Солнце катится по горизонту и не собирается прятаться. Но вот на небе показались тучки, на наших глазах они буквально выросли и стали грозовыми. Несколько раз сверкнула молния, отразившаяся в зеркальной поверхности моря, и до нас докатились слабые раскаты грома. А с другой стороны светило солнце. Теперь оно поднималось, и краски на небе изменились. Оранжевое солнце стало золотистым. Все вокруг засияло, обозначилось четкими линиями. Вдали показались плавучие льдины, за белой полосой угадывалась земля. С одной стороны — остров Вайгач, с другой — Пай-Хой, а между ними, в Югорском проливе, — сплошное поле льда.

Пароход вошел в бухту Варнека на острове Вайгач и бросил якорь в полукилометре от поселка Варнек. Здесь проводилась разведка свинцово-серебряных руд. Руководил работами профессор П. В. Виттенбург, который уже несколько лет изучал геологию острова. Мы увидели своеобразный геологический городок. Зимовщики жили в одноэтажных домиках, довольно уютных и благоустроенных. В них и для нас нашлось место.

Все наши партии направлялись на правые притоки реки Коротаихи, прорезающие юго-западный склон Пай-Хоя. На мою долю выпал самый отдаленный, восточный, район — бассейн реки Нямдаю. К западу от Нямдаю, по рекам Юряхе и Хейяхе, должна была работать В. В. Коперина, а еще далее к западу, вблизи морского побережья, — Е. А. Шебарова. Устье Нямдаю сходится с устьем Хейяхи, здесь мы наметили встретиться с В. В. Копериной. Две разведочные партии должны были проводить разведку в районе реки Янгарей, между Хейяхой и Васьяхой. Путь каждой партии с острова к месту работ один: на ботах до низовий Коротаихи, а оттуда на лодках по рекам. Меня это ни в коей мере не устраивало. Подниматься по широкой Коротаихе более чем на 100 километров, а затем по реке Нямдаю неизвестно сколько и снова тем же путем спускаться обратно — это значило все время потратить на одни подъемы и спуски.

Я решил попасть в свой район работ через реку Кару, пересечь Пай-Хой на оленах и спуститься по Нямдаю один раз. Отцу вари-

ант этот показался рискованным. Вопрос заключался в том, найду ли я в районе Карской губы оленеводов. Я и сам понимал неподежность этого плана, но в случае удачи этот район был бы исследован полностью. После долгих и настоятельных убеждений отец от меня отступил и заявил, что мне самому придется отвечать за свои работы.

Порешили на том, что, если в Карской губе не окажется оленеводов, я с тем же катером вернусь обратно. Я не стал ждать бота и на небольшом катере «Девон» отправился в Карскую губу. Моя партия состояла из четырех человек: коллектора Николая, двоих рабочих — Никиты и Трифона — и меня.

Через два дня «Девон» доставил нас в Карскую губу. Но из-за сильной качки мне не удалось проследить путь его следования. Я отлеживался в тесной каютке в тяжелом состоянии. А посмотреть было на что: пролив Югорский Шар, а затем Карское море вдоль северо-восточного побережья Пай-Хоя. В Карской губе нас встретили рыбаки и убили известием о том, что с недавно назад оленеводы двинулись на юг. Несмотря на это, отступать я уже не хотел и решился на новый риск — во что бы то ни стало догнать оленеводов. Я упросил рыбаков доставить нас на моторной лодке вверх по Каре и по ее левому притоку Сибирчатахе, насколько позволит вода, полагая, что на этой реке перережу путь оленеводам. Рыбаки согласились. Не без сожаления я отпустил катер.

По Карской губе двигались довольно быстро. Нам помогал прилив, но, как только вошли в устье Сибирчатахи, нас стало задерживать встречное течение. Целый день поднимались вверх по реке. Я торопил. Но на другой день моторист заявил, что стало мелко и дальше двигаться невозможно. Опять препятствие и снова риск — остаться на Сибирчатахе одним, без оленеводов и без рыбаков. Когда выгрузились на берег, один из них сам задал мне вопрос: «Ну а если тебе не удастся найти оленеводов, ведь вы погибнете в тундре. Без лодки никуда не денешься. Оленеводы здесь только летают, а на зиму уходят далеко на юг». «Я все знаю,— сказал я,— и думаю, что мне удастся найти их». «Но ведь они могут отказаться везти вас», — заметил он, «Этого не может быть», — ответил я. — А если оленеводов не окажется, то будем ждать вас, когда вы приедете сюда ловить рыбу и заберете нас обратно», — как бы между прочим сказал я ему, а сам ждал ответа. «Мы будем здесь не раньше чем через месяц, долго вам придется ждать», — ответил рыбак. «А что мне остается делать?» — безнадежно спросил я и представил весь ужас нашего положения. Еще раз все обдумали и договорились: если мы уедем, то оставим палку с запиской, в которой будут изложены дальнейшие наши планы. Рыбаки со своей стороны обещали приехать сюда несколь-

ко раньше, чем собирались. Лодка поплыла вниз по реке и быстро скрылась за поворотом, а мы остались одни на пустынном берегу с одной надеждой на удачу.

План наш был таков: идти сразу же на юг, а затем уже предпринять поиски к западу до реки Собчаю, которая течет параллельно Сибирчатахе. Словом, мы надеялись на то, что в этом квадрате должны быть оленеводы. Первый день поисков не увенчался успехом, хотя на Сибирчатахе всюду видели следы оленей. Когда мы с Никитой вернулись к палаткам, изрядно уставшие, в маршрут на запад, не мешкая, отправились Николай и Трифон. До Собчаю примерно десять километров. Даю напутствие: идти строго по компасу и не отходить друг от друга далеко. А у самого душа болит: не зря ли я затеял все это, и не лучше ли было бы оставаться вместе со всеми и тянуть лямку вверх по обеим рекам?

Прошло пять часов, как ушли ребята. Мне не спалось. Пора бы им вернуться. Я вышел из палатки с намерением подняться на холм и посмотреть на запад. Но, увы, бело-молочный туман обволакивал все вокруг. Видимость распространялась метров на двадцать, не более. Туман в тундре может продержаться несколько дней подряд. Это обстоятельство сломило меня. В отчаянии я разбудил Никиту. Тот спросонок ничего не соображал, но, выйдя из палатки, изрек: «Да, дело наше швах».

А время шло. Час, второй. Тишина необыкновенная: ни малейшего ветерка. Прислушивались к каждому шороху. Прошло еще два часа в ожидании. Дольше нет сил оставаться в неизвестности. Попал один опять-таки на запад в надежде найти заблудившихся ребят. Компас держу перед глазами, чтобы строго держаться взятого направления. Через два часа местность стала постепенно понижаться. Значит, перевалил водораздел и спустился в долину Собчаю. Всюду следы оленей. Это меня подбодрило. И действительно, через полчаса до меня донеслось хрюканье воженки, зовущей своих телят. Остановился, прислушался. Но к сожалению, звуки слабели и исчезали совсем. Я рванулся вперед. Конечно же, это олени, которых я не видел в тумане, но зато они меня хорошо чувствовали. Я стал бегать. В какой-то миг мне показалось, что я играю в жмурки, решая судьбу нашей партии. Но вскоре убедился, что все-таки это оленье стадо, так как захрюкали десятки оленей. Очевидно, я попал в центр стада и пугал своей беготней бедных животных. «Куда идти?» — спросил я себя. Стадо могло находиться на расстоянии пяти километров от чума в неизвестной мне стороне. Но вот неожиданно раздался лай собаки, за ней залаяла другая, третья. У меня что-то оборвалось внутри от счастья. Я понял, что нахожусь недалеко от чума, и быстро пошел на лай. С каждым шагом лай собак слышался все громче и громче. Нако-

иец самая храбрая рванулась ко мне и подбежала вплотную. Я попробовал ее приласкать, но она оскалила зубы. Подбежали две другие, более ласковые, и стали лизать мои руки.

Скоро я увидел нагруженные нарты, а затем и чум. У входа стояла женщина. Увидя меня, она сразу же исчезла в чуме. Это предсказывало недобро. Я последовал за ней — моих ребят в чуме не оказалось. «Здравствуйте», — произнес я и продолжал стоять. Оленеводы встретили меня с удивлением. Взрослые и дети, которых здесь было по меньшей мере человек пять, смотрели на меня, как на человека, свалившегося с неба. И не удивительно. Каким образом оказался один человек в тундре, да еще в такой туман?

С трудом мы разговорились. Оленеводы оказались из Петруни. «Чернов — моя фамилия. Был несколько раз в Петруни, — как бы между прочим заметил я. — Есть у вас там один человек, хороший мой знакомый, по прозвищу Гора. Несколько раз брал рабочих в Петруни». При этих словах сердца моих новых знакомых размякли.

Я рассказал все, что с нами произошло, сказал, что специально ищу оленеводов и что вот теперь где-то двое моих ребят заблудились. В разговоре прошло не меньше часа, прежде чем хозяин сказал: «Пойдем искать твоих ребят, когда туман уйдет, а насчет оленей договорились с председателем колхоза Филипповым. Он должен к нам приехать сегодня».

Я считал, что всем моим бедам пришел конец, так как Филиппов был хорошо знаком мне. Конечно, искать в тумане ребят было бесполезно, но, прежде чем уснуть, я все-таки решил сходить к реке Собчаю, она находилась в нескольких стах метрах от чума. Собчаю оказалась многоводной, глубокой рекой, без лодки ее нельзя было перейти. Мне стало ясно, что заблудившиеся могли бродить лишь в пределах водораздела двух рек — Сибирчатаяхи и Собчаю, либо ушли на север, либо на юг. Я успокоился и лег спать. Попросил разбудить меня сразу же, как будет расходиться туман. Проснулся я сам в 5 часов вечера. В чуме никого не было, с улицы доносился детский плач. Я встал и вышел посмотреть на погоду. К моей радости, туман рассеивался. Показалась Собчаю, а вдалеке на горе виднелось стадо. Пастухи гнали его к чуму. Когда стадо подошло, оленеводы стали ловить ездовых оленей. Прошло по меньшей мере часа полтора, пока были готовы две упряжки по пяти оленей в каждой. Одна упряжка направилась к северу, другая — к югу. Я остался у чума в ожидании Филиппова.

Вскоре далеко на юге показались нарты. И уже издали я разглядел, что на них сидят два человека. В одном я узнал Николая. «Странно, а где же Трифон?» — подумал я. Нартами управлял Филиппов. Почти на ходу соскочив, он подошел ко мне, поздоровался

и сказал: «Вот, нашел замерзающего человека в тундре». Я так и ахнул, взглянув на Николая. По пояс мокрый, сжавшийся, растерянный и, кажется, за двое суток похудевший человек виновато смотрел на меня. «А где же Трифон?» — спросил я в тревоге.

И Николай рассказал, что с ними произошло: «Мы попали на запад. Пока светило солнце, шли без компаса. А потом вдруг налетел туман. Сибирчатаиха исчезла из виду. И скоро все кругом заволокла белая пелена. Вот только тут я и вытащил компас. А Трифон сказал, что мы идем неправильно. Словом, спорили и каждый считал себя правым. Туман как-то временами ослабевал, и тогда открывались сопки, на которые мы и шли, чтобы с них лучше разглядеть местность. Так шли от сопки к сопке, и в конце концов оба потеряли уверенность, правильно ли ориентируемся. Потом устали, вымокли и решили передохнуть в надежде, что туман пройдет. Уснуть нам не удалось, потому что было очень холодно».

Тут я не выдержал: «Но ведь у вас были спички, вы оба курильщики, могли бы разжечь костер». «Да вот спички не загорались», — ответил Николай...

Оказывается, каждый из них зажигал спичку от собственной коробки — какая роскошь! А когда надо было разжечь костер, обе коробки оказались исчирканными. Девятнадцатилетний парень не сознавал, чем могло все это кончиться.

Трифон не доверился Николаю и пошел своим путем, сказав ему, что найдет дорогу и без компаса. Николай поплелся на запад, согласно компасу. Но долго идти не мог, болели ноги, мерзла спина. В изнеможении он сел. Тут-то его и подобрал Филиппов.

«Ну, благодари судьбу, — сказал я Николаю, — что Филиппов наехал на тебя, а то и по сию пору сидел бы в тундре под кустом. Столько бродить! А говорил, что умеешь пользоваться компасом. Значит, обманул меня?» — допытывался я. Николай молчал. Я хотел было тут же убедиться, может или не может он пользоваться этим простым необходимым для геолога прибором, но, вспомнив, что Николай не спал двое суток, велел ему ложиться спать. Зарывшись в теплые шкуры, тот уснул мертвым сном.

Филиппов наотрез отказался выделить мне оленей. В стаде животные болели копыткой, и потому оно отстало от всех. Задерживать его в этом районе еще на полтора месяца, сколько нам требовалось для работы, Филиппов просто не мог. Я и сам это понимал. Филиппов обещал нам раздобыть в соседних чумах две лодки и доставить в верховья Нямда на оленях. На худой конец меня и это устраивало. Лишь бы скорее начать работу. А пока что нам надо было переправиться со своими пожитками к чуме. Тут же

были запряжены освобожденные от груза нарты, и мы поехали к нашим палаткам. Через полтора часа я с трепетом подъезжал к Сибирчатахе, у которой оставил одного Никиту. Никита, поджидавший меня и тоже волновавшийся, смущенно сообщил, что Трифон вернулся один, а Николая нет. Словом, он переживал за Николая, я — за Трифона. «Оба нашлись», — обрадовал я его. И мы с каким-то новым подъемом взялись за погрузку наших вещей. Трифона никак не могли добудиться. Наконец он поднялся, завалился на нарты, привязал себя ремнями к ним и снова захрапел.

Как договорились, воткнули палку и вложили в нее записку с сообщением, что благополучно двигаемся на юг на олених и что рыбаки могут нас не ждать. Трудно описать наше возбуждение от радости, что все мы в сборе и находимся среди добрых, желающих нам помочь людей. Возле чума раскинули свои палатки, отужинали и совсем счастливые, по крайней мере ребята, улеглись спать.

Стыдно признаться: проснулись на другой день во столько, во сколько накануне ложились спать. Меня разбудил лай собак. Две-надцать часов сна — куда же больше, однако Трифон и Николай все еще крепко спали. Никита был уже на ногах.

Я вышел из палатки и застал оленеводов за трапезой. Они только что закололи оленя, содрали шкуру, разрезали тушу вдоль на две половины, выпустили кровь и принялись есть сырое мясо. Все сидели прямо на земле вокруг дымящейся туши. Я подошел. «Давай абурдить, скуспо», — предложил хозяин отведать их самое любимое блюдо. Разумеется, ни вкуса, ни пользы в таком «лакомстве» я не увидел, но тем не менее пришлось за компанию выпачкать лицо в крови.

Следующий день ушел на поиски лодок, но раздобыть удалось только одну. Вторую нам отдали наши хозяева. Лодочника оказалась совсем маленькой и плохонькой.

На третий день мы двинулись к верховьям Нямдаю. Предстоял путь более чем 100 километров, которые мы рассчитывали пройти за семь-восемь дней.

Наш олений караван направлялся через центральную часть Пай-Хоя. На сотни километров раскинулась слабо всхолмленная страна. Лишь изредка в рельфе выделялись невысокие сопки, сложенные кристаллическими породами — диабазами и габбро. Эта горная страна образовалась одновременно с Уралом, но в течение последующих 160 миллионов лет была почти полностью синевирована.

Биваки устраивали около ручьев. Каждый вечер ставили палатки и воздвигали чум. Первую ночь мы провели на ручье Тальбейшор, на котором мне удалось осмотреть выходы пород девонского возраста. Ручей живописно протекал среди кварцитов и слан-

цев, «стоящих на головах» и образующих серию небольших водопадов. Следующая остановка была невдалеке от Сибирчатахе. Я не упустил случая осмотреть ее берега и пошел в указанном мне направлении, но никаких признаков реки не заметил. А где же река? Неожиданно передо мной разверзлось глубокое ущелье. Я очутился на краю пропасти. Ширина каньона — метров тридцать — казалась ничтожной по сравнению с совершенно отвесными склонами, обрывающимися вниз метров на шестьдесят. Внизу бурлила и шумела Сибирчатаха. Поразительный рельеф!

«Да, характер пайхойских рек, прямо надо сказать, не сулит ничего хорошего» — с этими мыслями я вернулся к чуму. Если и Нямдаю окажется таковой, то нам, пожалуй, и не справиться с работами. Но Филиппов успокоил меня, сказав, что на Нямдаю лишь в верхнем течении имеются водопады, и обещал доставить нас к тому месту, откуда мы без всякого труда и риска сможем спуститься до реки Коротаихи.

На девятые сутки подошли к верховьям Нямдаю, к тихому спокойному плёсу. Пороги и водопады остались наверху. Мы расстались, поблагодарив кочевников за все, что они для нас сделали. Разбили свой лагерь и принялись за работу. Начали с верхнего конца реки, где обнажались песчаники, глинистые сланцы и конгломераты пермского возраста. Река на этом отрезке довольно живописна: Нямдаю режет мощные пласти древних пород и катит свои воды с уступа на уступ по каскаду водопадов. Один водопад низвергался с двухметровой высоты.

Общий характер этого разреза напоминал выходы пермских пород реки Воркуты в 34-м и 35-м обнажениях, где залегали пять пластов угля. Это сходство давало мне надежду и здесь найти угольные пласти, хотя угольной гальки на берегах реки нигде не было видно. В глинистых сланцах, выше водопада, я нашел растительные остатки, среди которых оказались известные мне воркутинские виды. Теперь я уже почти не сомневался, что и в этом разрезе будут угольные пласти.

Первый день работы прямо-таки окрылил меня. Все были веселы и шутили. Выше водопада Нямдаю делает крутой поворот влево и выходы скал прекращаются. Но за поворотом снова появились скалы, они тянулись на значительном расстоянии. Каждый пласт здесь радовал: в них обнаруживалось все больше растительных остатков, как это было на Воркуте. Но к сожалению, в разрезе стали встречаться задернованные участки. Это осложнило нашу работу, пришлось копать. Расчисткой склона между пластами занимался Трифон. Нельзя сказать, чтобы он был ленив. Но тем не менее каждый раз, когда я говорил, что придется копать, он спорил и уверял, что камни везде одни и те же. А копать надо

было, потому что именно среди глинистых сланцев, переполненных растительными остатками, обычно залегают угольные пласты. На одном из таких участков я велел Трифону копать. Я был уверен в присутствии угольного пласта. Трифон посмотрел на меня и, ничего не сказав, принялся копать. Он остолбенел от изумления, когда я стал вытаскивать кусочки угля. «Ну, что? — спрашивал я, подавая Трифону образцы угля.— Сходи-ка ты к палаткам, позови Никиту и приходите с лопатами, копать будем».

Трифон ушел. Пока вернулись рабочие, я успел описать весь разрез. Трифон стал раскапывать первый задернованный участок, а мы с Николаем прошли ко второму. Впоследствии выяснилось, что Трифон всерьез подумал, будто я сквозь землю вижу, и это вызывало всеобщий смех. В этом обнажении вскрыли еще три угольных пласта и несколько углистых прослоек небольшой мощности. Увлеклись работой и не заметили, как потемнело. В середине августа в Заполярье белые ночи уже кончаются. Вернулись к палаткам почти в темноте.

На следующий день с утра моросил дождь. Невзирая на непогоду отправились на месторождение. Дорогой объяснял ребятам, что только по аналогии этого разреза с воркутинским я был уверен в наличии здесь угольных пластов. Уголь обычно легко выветривается, поэтому его пласты чаще залегают в задернованных склонах. Дождь изменил все наши планы. За несколько часов Нямда сильно вздулась. Водопад, перекатывающийся через пласт конгломерата, забурлил так, что мы его не узнали. Уже нельзя было перейти с одного берега на другой. Я не сразу понял, почему это произошло. Ну конечно же, только вечная мерзлота не позволяет проникать атмосферным водам в грунт. Вся дождевая вода скатывается в долины рек, и уровень воды в них поднимается иногда на два-три метра. Это общий закон для рек, протекающих в области вечной мерзлоты, об этом нельзя забывать, и тем не менее это обстоятельство часто подводило нас.

Канавы оползли. Пришлось еще раз расчищать угольные пласты. Мокрые, черные, грязные, копались мы на этом обнажении еще полдня. Наконец рабочие с набитыми рюкзаками пошли к палаткам готовить ужин, а мы с Николаем — вверх по реке. Я знал, что это только начало непогоды, и поэтому решил осмотреть весь разрез. Дождь не унимался. Закончили работу, когда уже стущались сумерки, и в темноте вернулись к палаткам.

На следующий день погода совсем испортилась. Дождь лил не переставая. Ветер гнал низкие серые тучи, которые не предвещали ничего хорошего. В такое время в Заполярье хорошей погоды ждать не приходилось.

На другой день перебрались к Правому Вожу, как мы его на-

звали, и увидели небольшие выходы пермских отложений. Выступала та же толща, которую мы описали на реке Нямдаю. Этот приток, так же как и Нямдаю, протекает с севера на юг и режет породы в крест простиранию. Мы поднялись довольно далеко и уже решили повернуть обратно, как неожиданно в последнем обнажении нашли угольный пласт. Предстояла большая работа. Я вернулся к палаткам в приподнятом настроении и не придал большого значения словам Никиты, который, пока мы работали, прошелся вниз по Нямдаю, увидел там целую цепочку водопадов и теперь сообщил нам об этом.

Вооружившись лопатами, отправились все четверо на новое месторождение. Нам удалось обнаружить еще несколько угольных пластов с множеством растительных остатков. «Вот видите,— сказал я ребятам во время отдыха,— это уже приличное месторождение. Потому что эти пласти тянутся через водораздел непрерывно до реки Нямдаю, это те самые пласти, которые мы расчищали в верхнем конце реки». «А ты ходил по тому месту, куда показываешь?» — спросил вдруг Трифон. «Нет,— ответил я,— а что?» «Не говори, чего не видел», — отрезал он, явно не веря мне. Пришлось доказывать ему справедливость моего утверждения. За крутым поворотом река текла по простиранию слоев, которые тянулись на значительном расстоянии. «Вот видишь, Трифон, как идут пласти. Их ничто не нарушает и под землей. Они тянутся и к тому самому месту на Нямдаю, где мы нашли угли». Маска недоверия сопла с лица Трифона.

От Правого Вожа отделились два рукава, и вскоре коренные выходы прекратились. Обратный путь оказался трудным. Ноги заплетались в кустах карликовой бересклети, рюкзаки тянули плечи. Шли голодные, уставшие. И как всегда, в таком состоянии на ум приходят грустные мысли. Я вспомнил о водопадах, о которых мне говорил Никита. «Так что ты видел внизу?» — спросил я его. Он сказал, что Нямдаю врезается в песчинки и течет в узком ущелье с водопадами. «Да! Вот так спустимся беспрепятственно», — вспомнил я еще раз оленеводов.

Преодолели ущелье с грузом на собственных плечах, а пустые лодки спустили по воде на веревках — это единственный выход. Каньон тянется на километр. Груз перетащить не мудреное дело, а вот лодки спустить надо умеючи. Одна лодка совсем гнилая, и с ней предстояло немало трудов. Веревки привязали за нос и за корму. Два человека на каждом берегу тянули лодку за веревки в разные стороны. Однако на втором водопаде лодка нырнула в воду и перевернулась, но тут же вынырнула вверх дном в целости и сохранности. Вторую лодку не стали спускать этим «умным» способом.

бом, а единогласно решили перенести волоком. Лишь на другой день закончили переправу через каньон.

В следующий день проплыли 25 километров вниз по спокойной глубокой реке, не обнаружив коренных выходов. Ребята ожидались, их настроение передалось и мне. Если так двигаться, то можно было быстро спуститься к устью. Время торопило: было уже 15 сентября. Заметно похолодало, и временами сыпал редкий снежок. Неужели кончилась работа? Если так, то следовало бы задержаться на верхнем отрезке реки и более тщательно осмотреть найденные выходы. Эта мысль мучила меня. На другой день нас встретили каменистые пороги. Нямдаю забурлила, запенилась, пробиваясь сквозь завалы крупных валунов. От камня до камня двигались с осторожностью и наконец, выбившись из сил, пристали к берегу.

Таких порогов я боялся больше всего. Спускаться дальше на наших лодках более чем бессмысленно. Пришлось поставить палатки. Легли с мыслью, что «утро вечера мудренее». Ночью прогрелись от холода, а утром, когда стали одеваться, нашли свои сапоги замерзшими. Никита с Трифоном взялись хлопотать у костра, а мы с Николаем прошли вниз по реке. Мороз высушил реку, воды почти не оказалось, она где-то журчала в валунах. Да, одни валуны. Нямдаю размывала на этом отрезке моренные суглинки, которые слагают конечно-моренные возвышенности. Прошли километров семь, и все так же русло было завалено валунами. Река текла в высоких берегах, прорезая мусор. Но затем мы заметили, что берега стали полого понижаться. Скоро моренные суглинки ушли под урез реки, и Нямдаю, выбравшись из этих пород, стала глубокой. Далее вниз она текла среди хорошо развитых террас, сложенных желтыми песками. Дальше путь на лодках был свободен. Обратно шли напрямик, навстречу ветру. Кругом все побело. Разумеется, молчали всю дорогу, думая каждый о своем.

Нас ждали с нетерпением. Я начал осторожно излагать свой план. В такой ситуации не хотелось приказывать. Важно было, чтобы ребята поняли сами. Николай, видевший реку, предложил бросить все и, взяв с собой продуктов дней на десять, двинуться пешком к устью Нямдаю на соединение с партией Копериной, а если не удастся — пройти еще 100 с лишним километров к устью Коротаихи, где намечалось встретиться всем членам экспедиции.

Предложение Николая зачеркивало всю нашу трудную работу в экспедиции. «И это из-за каких-то трех километров волока!» — не выдержал я. И хотя было неизвестно, что нас ждет на следующих километрах, я предложил перетащить все вещи и лодки на себе, преодолев, таким образом, это расстояние. Начались дебаты.

Каждый высказывал свою точку зрения. Я понимал, что будет

пелегко, но надеялся, что нам поможет выпавший снег. Долго спорили, но так ничего и не решили. Легли спать. Каждый положил под себя свои мокрые сапоги, чтобы они не замерзли. Ночь была неспокойной. Сильный ветер трепал палатку, а к утру началась настоящая метель.

Когда мы вышли из палатки, взору предстала весьма непривлекательная картина. Четверо отчаявшихся людей, две потрепанные палатки, худые лодки и... совсем сухая река. Ивняк и карликовая березка не разжигались, костер еле тлел. Заторопились со сборами. С собой брали коллекции, их было уже два ящика, теплые вещи, одну палатку и часть продуктов. Оставляли палатку, кувалду, кайло, лишнюю посуду.

В первую очередь потащили лодку. Привязав за нос и за укличины веревки, впряженные в четвером. Через два часа добрались до самой высокой точки мусюра. Кругом все бело. Тундра казалась мертвкой, жизнь заключалась лишь в серебряной ленте, которая терялась вдали, и оттого мы чувствовали себя затерявшимися среди белой снежной пустыни.

Вторая половина пути под уклон оказалась легче. Добрались до реки за полтора часа. Отдыхать не пришлось. Мерзли ноги, в сапоги набивался снег, поэтому сразу же решили идти к палаткам. Метель совсем прекратилась. Небо прояснилось, видимость стала лучше, но зато похолодало. У палаток снова попытались разжечь костер и сварить мясо, но костер горел плохо. Пришлось отказаться от мяса и довольствоваться только чаем с сухарями. Потащили вторую лодку. От усталости маршрут показался труднее, но решили не возвращаться, пока не дотянем лодку до реки.

Вернулись в темноте. Устали настолько, что тут же улеглись спать. Ночь выдалась холоднее предыдущей. Утром, прежде чем отправиться в маршрут, пожевали по кусочку недоваренного мяса. Потащили коллекции. На каждого пришлось килограммов по 16—20. За ночь снег замерз, ноги в кирзовых сапогах скользили по насту. Спотыкаясь и падая, помогая друг другу, двигались гуськом. Кругом было мрачно, холодно и голо, куда ни посмотрешь — безжизненная тундра. В этот день удалось перебросить лишь коллекции: ранние сумерки и усталость заставили отказаться от очередного маршрута.

На следующий день перетащили остальные вещи. Мороз между тем падировал силу. Вода в реке упала настолько, что и в этом плёсе обнажились валуны. Неужели трехдневные труды окажутся напрасными? От мысли, что придется оставить все и с рюкзаками идти пешком к устью Коротаихи, у меня подкашивались ноги.

Мы нагрузили лодки, сели по двое в каждую и стали проталкиваться между валунов вниз по реке. На каждой мели лезли в ле-

дянную воду. Холод мучил безумно, а главное — ни согреться, ни высушиться. Костры из мокрой карликовой берески при всем нашем усилии не горели. И так каждый день: мокрые портянки, холодные сапоги и ледяная вода. Даже трудно себе представить, почему никто из нас не заболел. Может быть, причиной было огромное желание выбраться к людям.

В течение четырех дней на Пай-Хое свирепствовала настоящая полярная зима. На четвертый день утром я заметил, что подул южный ветер. И действительно, на другой день увидели, что белая тундра кое-где почернела. Снег стал таять,— значит, прибудет вода. Мы с радостью побежали к реке посмотреть незамысловатый прибор, определяющий уровень воды. Каждый вечер в воду втыкали палочку с отметкой. На сей раз напали, что вода за ночь прибыла на два сантиметра. Еще полдня нам пришлось потрудиться, а после обеда поняли, не вылезая из лодок.

Сентябрь на Пай-Хое уже зимний месяц. Но нам действительно повезло. Наступила оттепель, на которую я, откровенно говоря, мало рассчитывал, а потому знал, что это ненадолго. Мы заторопились. Но река стала сильно петлять. В широкой долине она выписывала крутые излучины среди прекрасно выраженных террас. Путь наш удлинялся чуть ли не вдвое. Такой характер река приобретает обычно в нижнем течении, и мы лелеяли надежду, что не сегодня, так завтра выйдем в воды Коротаихи. Но, увы, это оказалось лишь мечтой. На нашем пути возникло еще одно непредвиденное препятствие — каньон из пермских песчаников. Правда, река была уже глубокой, и мы прошли все каверзные места благополучно. Но работа задержала нас в каньоне на два дня. Не приезжать же сюда вторично! Я знал, что дальше, внизу, особых препятствий на реке не будет, а поэтому тщательно описывал каждое обнажение, картировал террасы — словом, делал все, что следует делать в совершенно неизученном районе.

Через два дня Николай известил меня о том, что продукты на исходе. Я утешил своих товарищей, надеясь для через два-три быть у устья Нямдаю. Но на третий день мы спустились к притоку, которого я не ожидал. Оставить его без осмотра я никак не мог. Шли с глазомерной съемкой по ручью с рюкзаками. Пробирались среди высоких кустов, которые за весь период нашего существования на реке Нямдаю появились впервые. На песке вдоль реки заметили волчьи следы. Огляделись по сторонам, громко переговариваясь. Нанесли ручей на карту и назвали его Волчьим. По Волчьему ручью прошли километров десять, не встретив коренных выходов, и, может быть, к лучшему: сентябрь на исходе. Наша встреча с В. В. Копериной должна была состояться в конце сентября, причем к устью Хейахи нам надо было прийти первыми,

так как она не знала, удалось ли нам попасть на Нямдаю. Между тем Нямдаю стала многоводна. Плыли довольно быстро. На всем протяжении река текла на юг, приближаясь к Коротаихе. Но вот долина ее резко повернула на запад. Меандрируя среди песчаных террас, Нямдаю неожиданно для нас приняла справа большой приток и тут же, в 200 метрах, слилась с водами Коротаихи. Все произошло так неожиданно, что мы растерялись. И, точно в сказке, не успели опомниться, как справа показалась лодка, за ней другая, третья... «Да это же наши!»

Вниз по Коротаихе поплыли уже вместе и сто с лишним километров прошли за три дня.

Встреча всех членов экспедиции состоялась в небольшой деревне Янгарей. Коперину поджидали, а па возвращение моей партии к сроку надежды не было. Несмотря на безлюдье, вести на Пай-Хое от пункта разносятся быстро. Отец знал, что нам не повезло с оленеводами в Карской губе и что мы отважились пуститься в погоню за ними на юг. И хотя о дальнейших наших планах ему было неизвестно, он хорошо себе все представлял. Выслушав мой рассказ, он изрек: «Да, Север не жалует слабых,— и тут же добавил: — А ведь не один Николай блуждал в это лето. А пуха, Иван, обнажи свою голову».

Иван, высокий статный мужчина лет 37, с черной шевелюрой, примкнул к нашей экспедиции на острове Вайгач и работал в отряде отца. Он снял шапку, и я поразился: голова была седой. А случилось следующее. Отошел он от чума с ружьишком поохотиться и заблудился между пайхайскими сопками. Четыре дня ползком добирался от одной сопки до другой, и каждая казалась ему знакомой. Наконец, отчаявшись, решил застрелиться. Оглянулся кругом и увидел неподалеку еще одну сопку. «Это последняя,— решил Иван,— если за ней не окажется чума — не жить мне больше». Однако судьба предначертала ему долгую жизнь. До сопки он кое-как добрался. А с вершины ее увидел чум километрах в двух от себя. Искали его во всех направлениях, но не легко найти человека среди однообразных сопок.

В первых числах октября к Коротаихской губе за пами должен был прийти бот. Встреча состоялась в открытом море. Нас поджидал комфортабельный бот с поэтическим названием «Полярная звезда». Бот — собственность вайгачской экспедиции — доставил нас на Вайгач.

10 октября мы покинули остров Вайгач и направились в Архангельск. Море осенью штормило, как всегда.

Результаты экспедиции оказались очень удачными: на реке Янгарей было вскрыто 15 угольных пластов и прослоев каменного угля, на реке Хейяге — три пласта. Угленосные осадки пермского

возраста прослежены вдоль Пай-Хоя на протяжении не менее 60 километров, от Янгарея до Нямдаю. Это указывало на то, что в пермском периоде накопление угленосных осадков происходило непрерывно не только на всем юго-западном склоне Пай-Хоя, но и на всей территории, простирающейся до Воркутинского месторождения. Правда, угли на Пай-Хое оказались более зольными и более метаморфизованными. Их можно было отнести не к жирным, а к тоющим — полуантрацитам.

После открытия угольных месторождений на юго-западном склоне Пай-Хоя определилась северная граница Печорского угольного бассейна. Западная граница его условно проходила несколько западнее гряды Чернышева и далее в направлении на северо-запад к побережью Баренцева моря. Из района реки Йосью, с юго-запада на северо-восток, полоса шириной до 300 километров пересекала территорию Большеземельской тундры на протяжении 400 километров и почти вплотную примыкала к Полярному и Приполярному Уралу. Площадь угленосного бассейна в указанных границах составила 90 тысяч квадратных километров. К Печорскому угльному бассейну также относится небольшая территория (около 1000 квадратных километров) распространения углей на Карском побережье, несколько западнее Карской губы. На всей этой площади распространены угли пермского возраста. Но к бассейну тяготеет территория низовий рек Щугор, Подчерьем и Вуктыл, где в виде узкой полосы развиты угли раннекаменноугольного возраста.

1933 год стал завершающим годом открытия Печорского угленосного бассейна.

В последующие годы в пределах бассейна, к северу и к югу от Воркутинского месторождения и в бассейне реки Адзывы, было открыто еще несколько месторождений главным образом буровыми работами. В настоящее время в Печорском бассейне насчитывается 30 месторождений. По качеству углей выделяются Воркутинское, Хальмерьюское, Интинское, Нижнесырьягинское и Воргашорское месторождения. На ранее эксплуатируемых месторождениях — Еджид-Кыртиńskом и Кожимском — уголь теперь не добывается из-за нерентабельности. Общие запасы углей в Печорском угльному бассейне составляют около 260 миллиардов тонн.

Промышленное освоение бассейна началось в конце 1934 года. Оно ознаменовалось вступлением в строй шахты № 8 на Воркутинском месторождении, заложенной внутри большой излучины реки Воркуты, где в 1930 году были обнаружены выходы угольных пластов. Вначале уголь доставляли по Воркутинской узкоколейке протяженностью 64 километра, которая шла от поселка Рудник в сторону Усы. Разумеется, эта дорога не могла обеспе-

чить транспортировку всего добывшего угля. По Усе уголь вывозился лишь во время навигации на мелкосидящих баржах. Большим препятствием были усинские перекаты — здесь уголь перегружался дважды: у устья Воркуты и в Нарьян-Маре на морской пароход. Такая транспортировка удорожала стоимость воркутинского угля чуть ли не втрое. Было ясно, что надо изыскивать другие транспортные пути, которые обеспечивали бы доставку угля в центральные районы страны бесперебойно в течение всего года при наименьшей затрате средств.

Предполагалось строительство железнодорожной магистрали от Котласа прямо на Воркуту. Эта колея по своей длине хотя и превышала пайхайскую в шесть раз, зато сразу решала многие проблемы Печорского края, не только угольные, но и нефтяные. Несмотря на почти прямолинейное северо-восточное направление, магистраль связывала нефтегазоносный район Ухты, Иитинское и Кожимское угольные месторождения. В 1937 году вариант Котлас — Воркута был принят окончательно, и сразу же началось строительство железнодорожной магистрали по всей намечающейся трассе одновременно: от Котласа, от Айкино в сторону Ухты, на Печоре и на Усе. В кратчайшие сроки эта дорога была построена. А в 1942 году Воркута, как известно, направила первый эшелон угля осажденному Ленинграду. В настоящее время печорский уголь транспортируется в Череповец, Ленинград, Архангельск, Вологду, Мурманск и потребляется на месте промышленностью Коми АССР. По своим запасам и качеству углей Печорский угольный бассейн совершенно справедливо называют Вторым Донбассом.

На территории Печорского угленосного бассейна выросли два крупных города — Воркута, Инта — и целый ряд шахтерских поселков. Первый из них возник на реке Воркуте в небывало быстрые сроки. Не могу забыть то впечатление, которое произвел на меня рудник, когда я увидел его в 1941 году, возвращаясь с Коротаихи на олених. Сначала на горизонте показался дымок, затем перед моими глазами стала вырастать дымящаяся пирамида, поднимающаяся высоко над ровной тундрой. Я пошел к реке: всюду кипела жизнь. Это зрелище поразило меня. Совсем недавно эти места были пустынными. Не помню, сколько яостоял не двигаясь, но встрепенулся лишь тогда, когда услышал доносившийся до меня паровозный гудок.

В следующий раз в Воркуту я приехал на пассажирском поезде. Это было летом 1948 года. Нельзя передать словами то чувство, которое я испытал в пути и по приезде в город. Левый берег реки был застроен каменными зданиями. Здесь были театр, кинотеатры, стадион и даже парк, правда из карликовых березок и рослого ивняка, но ведь это же тундра!

Новые волнения мне пришлось испытать еще через семь лет, в 1955 году, когда исполнилось 25 лет со дня первой разведки и начала освоения Воркутинского угольного месторождения. 1930 год не забыт воркутинами. Эта дата в истории Воркуты увековечена навсегда. В связи с этим в сентябре 1955 года трестом «Печорагеология» было организовано совещание, на котором подводились итоги двадцатипятилетней деятельности. В этот приезд я уже начал сомневаться, действительно ли здесь когда-то простиралась заболоченная, суровая тундра и я в молодости тормошил аранецких ребят, угоревших в палатке от угольного костра.

Во время войны на Воркуте было заложено 20 новых шахт. Тогда Печорский угольный бассейн стал одним из основных источников снабжения страны топливом. Начиная с 1945 года из воркутинских шахт ежедневно отправляли по 150—180 вагонов угля. Теперь на Воркуте 40 шахт. В связи с увеличением добычи угля увеличилось и население Воркуты. К настоящему времени здесь более 200 тысяч жителей.

Летом 1966 года Верховный Совет СССР наградил комбинат «Воркутауголь» орденом Ленина, вручение которого было приурочено ко Дню шахтера, 27 августа. На эти торжества в числе многочисленных гостей пригласили и меня. Вместе со мной в Воркуту собрался мерзлотовед Л. А. Братцев, который жил там с 1937 по 1949 год. Из Сыктывкара мы выехали на московском поезде, а через три часа в Микуни пересели на курьерский «Северное сияние». В купе нашими попутчиками оказались двое пассажиров — один молодой, другой примерно шестидесяти лет. Они вели оживленную беседу, из которой мы поняли, что молодой человек в первый раз едет в Воркуту, а пожилой, хирург по специальности, в Воркуте бывал еще в предвоенные годы. Молодой попутчик говорил о Воркуте очень много. Но все его впечатления о ней, очевидно, основывались на слухах. Пожилой ему противоречил. Мы с Л. А. Братцевым молча слушали. И когда молодой человек про декламировал всем известную частушку: «Воркута, Воркута — чудная планета, 12 месяцев — зима, остальное — лето», я вступил в разговор: «Ведь это только шутка, молодой человек. На самом деле там также существуют все четыре времени года. Правда, лето короткое, но июль и август обычно довольно жаркие месяцы. Жители Воркуты купаются и загорают в это время». Молодой попутчик отнесся к этому недоверчиво. Тогда Л. А. Братцев добавил, что и зима не так уж страшна, и рассказал, как он регулярно купался зимой в проруби, когда жил на Воркуте. В подтверждение своих рассказов Л. А. Братцев извлек из портфеля фотографии, изображающие его вылезающим из воды.

Пожилой попутчик все это время внимательно приглядывался

к Л. А. Братцеву. Оказалось, что эти рассказы напомнили ему былые времена. И тут началось наше официальное знакомство. Л. А. Братцев представил меня как первогооткрывателя воркутинских углей и сказал при этом, что мне обязана Воркута своим возникновением. Ошурков — фамилия пожилого попутчика — с недоумением заметил: «Позвольте, три года назад я прочел в газете заметку о смерти Чернова, Героя Социалистического Труда, который, как мне казалось, и открыл Воркуту. Наш четвертый спутник, Олег Иванович, поглядел на меня с нескрываемым любопытством и с явным нетерпением ждал дальнейших разъяснений. Л. А. Братцев сказал, что все совершенно верно, но есть отец и сын Черновы. Отец — открыватель Печорского угольного бассейна, а сын открыл его жемчужину — Воркутинское угольное месторождение. Отсюда и возникают недоразумения. «А я, к стыду своему, так и не знал, кто же фактически открыл эти угли», — покачивая головой, оправдывался Ошурков. Наш экспресс мчался среди печорской тайги, и перед глазами проплывали необъятные массивы лесов. Вскоре поезд замедлил скорость и въехал па мост, перекинувшийся через широкую Печору. Вдали на горизонте вырисовывались зубцы хребта Сабля, западного склона Приполярного Урала. Да, как быстро можно теперь добраться до Воркуты! Двое суток поездом, а самолетом и того быстрее, через 5—6 часов. Жители Воркуты знают только эти два вида транспорта и совершенно не представляют себе, каким образом пробирались в эти края первые покорители тундры.

В последний раз я рассматривал Воркуту с вертолета. Перед глазами раскинулся город с прямыми асфальтированными улицами и проспектами, уходящими далеко в тундру. На северной окраине высоко в небо поднялась телевизионная вышка, а за ней виднелась вторая ТЭЦ. В виде подковы раскинулись шахты, около которых чернели терриконы. Они тянутся далеко в район западного крыла Воркутинской угленосной мульды. На востоке, в районе Юньяги, тоже началось строительство шахт.

Пролетая над Воркутой, я думал о том, что это лишь первый этап. Воркута далеко не исчерпывает богатств Печорского края. Разведчики прощупывают недра самых отдаленных его уголков. Не исключено, что на берегу холодного полярного моря когда-нибудь вырастут города и к ним протянутся железнодорожные магистрали. И новое поколение, родившееся здесь, вряд ли до конца сможет представить себе все то, с чем довелось столкнуться их отцам. Лишь в моей памяти и памяти моих товарищей по работе тундра, которую мы пересекали вдоль и поперек, чаще всего пешком, останется такой же труднодоступной, безлюдной и холодной.

Часть II

Поиски рудных полезных ископаемых

На Приполярный Урал

Открытие Печорского угольного бассейна с огромными запасами угля положило начало новому этапу освоения Крайнего Севера. И начался он с поисков рудных полезных ископаемых. Уже в пору освоения бассейна зрело решение создать в Коми АССР собственную промышленность черной металлургии. Первой предпосылкой к началу таких работ стало Усть-Бердышское железорудное месторождение на реке Унье, где еще в прошлом столетии добывалась руда и в 1900 году было выплавлено 56 тысяч пудов чугуна, который по бездорожью на лошадях вывозился в Чердынь.

Будущая metallurgическая промышленность поставила перед геологами задачу найти рудные полезные ископаемые поблизости от богатейшего месторождения угля — Воркутинского, то есть на территории, близлежащей к Уралу. Первую экспедицию возглавил профессор А. А. Чернов. В 1935 году он направился на Приполярный Урал, в верховья реки Косью. Район работ представлял собой «белое пятно». В 1850 году к востоку от него прошел Э. Гофман, в 1927 и 1932 годах южнее — А. Н. Алешков. Мы предполагали, что Косью выше Кожима должна вскрывать полный разрез палеозоя — от нижнего силура до верхней перми. Нам следовало сделать предварительную разведку железорудного месторождения на Кожиме, обнаруженного А. А. Черновым еще в 1924 году, и про-

верить заявку на уголь на реке Куе, близ Нарьян-Мара, в устье Печоры.

Отряд выехал из Архангельска на пароходе и через четыре дня прибыл в устье Печоры. В Нарьян-Маре произошла первая задержка, затянувшаяся на пять суток, из-за аварии двух пароходов. В середине июля мы добрались до Усть-Усы, где произошла вторая задержка на трое суток по той же причине; паконец попали в Адзывавом. В Кочмесе, в 10 километрах выше Косью, произошла третья задержка на трое суток. Лишь 23 июля мы поднялись в Кожимвом на лодках, где и наняли четырех лодочников.

Тихим, теплым, ясным днем на двух сильно нагруженных лодках отплыли мы из Кожимвома. Свирапствовали комары. После Кожима Косью становится заметно уже, но она также тихо и спокойно катит свои воды среди зеленых лесистых берегов. В этот день намеревались проплыть всего километров пять до Бакура, где собирались перепочевать. В деревне было всего три двора. Утром женщины и дети собирались у наших палаток фотографироваться. Пришлось задержаться с отъездом.

Около речки Войпендан, в четырех километрах от Каля-Куры, начались обнажения низких выходов пермских песчаников, покрытых мощными (до 8 метров) озерными глинистыми отложениями. У устья нашли незначительный выход угля. Косью становилась порожистой и бурной.

Отсюда решили совершить две экскурсии: А. А. Чернов — на реку Юсиоль, а я — на Каменку.

Каменка круто петляла в низких берегах, заросших диким лесом. Подниматься пришлось на шестах. Вскоре появились и перекаты, образовавшиеся из-за прорыва узких перешейков в круtyх излучинах реки. Мы двигались по вновь образованному руслу. Это значительно сокращало наш путь, но требовало большой затраты сил на преодоление течения. Старое русло в верхней части излучин заносил песок, а внизу образовывались тихие заводи, которые местные жители называют курьями. Смотреть приходилось «в оба», чтобы не сбиться с пути. Куры изобиловали рыбой.

Через два дня добрались до первых высоких скал. Стояла жаркая, сухая и ясная погода. Пока варилась уха, я решил развести дымокур, осмотреть с высокого берега окрестности и сделать снимки. Закончив работу, я загасил дымокур и спустился к лодкам. Прошло не более десяти минут, как вдруг над нами раздался треск. Взглянув вверх, я обомлел: пылали деревья, и вниз по склону сыпались огненные искры. Горел лес. Огонь распространялся вдоль скалистого гребня молниеносно. Мы поспешили на пожарище. Делали все, что могли: рубили деревья, копали мох, заливали огонь водой. Трудились всю ночь и лишь к утру доби-

лись того, что по краям пожарища прекратился дым, но середина участка все еще дымилась. Спать легли, оставив одного на карауле. После обеда на другой день снова принялись за поливку горевшей площади.

Каменка оказалась действительно каменной рекой. В русле появились непроходимые пороги, по берегам среди леса выступали скалы. Пришлось разбить лагерь и обследовать реку пешком, перебираясь от обнажения к обнажению по воде.

Как-то вечером один из рабочих заявил, что паше хождение по воде «от камня до камня» пользы государству не принесет.

Я сомневался, поймет ли он мои объяснения, и потому заметил лишь, что эти бесплодные камни могли бы оказаться хорошим строительным материалом, скажем, при строительстве железной дороги. «Кому здесь нужна дорога!» — воскликнул он. «А может быть, и нужна», — задумался я. И дорога таки оказалась нужной. Через семь лет, в 1942 году, близ этой самой Каменки прошла железнодорожная магистраль на Воркуту, и речной галечник оказался более чем кстати.

Маршрут по Каменке закончился благополучно. Тем временем второй отряд на Юсиоле нашел совершенно неожиданно два пласта угля. Речушка эта никак не обещала подобной находки. Маленькая, узенькая, мелкая, она извивалась среди лесистых, низких и заросших ивняком берегов, совсем в глухой местности. На лужайках веками не кошенная трава доходила до плеч, а между кочками человек проваливался по пояс в трясину.

Подъем от Охотпоста до Вангыра (около 40 километров) отнял семь дней. Косью разлилась. Мы всю дорогу шли пешком, а лодки тащили рабочие по узким бурным протокам. Поражали своим обилием луга, раскинувшись по берегам реки, — сплошной пестрый ковер из синих, желтых, белых, лиловых цветов один другого краше. На сухих местах росла гвоздика, на скалах — лиловая сибирская астра, среди камней на галечнике — особый вид иванчая, так называемый широколистный, у воды синели незабудки.

Косью на этом отрезке представляет наглядный пример могу-
чей деятельности рек: старое русло — спокойное, обмелевшее и непроходимое, а новое страшно своим стремительным потоком. Река размывает надпойменную террасу. Вода с ревом выносит кусты, пни, коряги и целые деревья с корнями. Берега рушатся, деревья нависают над рекой.

От Вангыра начинался главный район наших исследований. Река заметно вела нас в горы, по берегам — отвесные, неприступные скалы или причудливые развалины и осыпи мраморовидных известняков серовато-белого, розовато-желтого и голубоватого цветов. Затем Косью делала поворот под прямым углом и откры-

вался вид на плёс с обрывающимися в реку неприступными скалами среди леса. В конце плёса виднелись горы.

Была уже середина августа. В 9 часов вечера сгущалась темнота. Засветло останавливались на ночлег и вставали чем свет. Пошли дожди. Вода в Косью поднялась на метр; река под скалами бурлила страшно, а между тем подойти к ним можно только на лодках. Самая настоящая осень, вот только еще не пожелтели деревья, но как-то поблекли все краски, и кое-где уже желтые веточки берез и покрасневшие листочки рябины. Следующий день пришлось дневать из-за дождя. Ночью прошла гроза, грохотал гром. Правда, утром дождь кончился и солнышко рискнуло выглянуть через тучки и пригреть плачущую природу. Поднялись выше, а путь по порогам вздувшейся реки стал страшнее. Когда рабочие проводили лодки через пороги, то нам со скал так и казалось, что они перевернутся под написком воды. Мы останавливались и следили за их работой с замиранием сердца.

Миновали это место и остановились на левом берегу реки. Отсюда пошли на ближайшую вершину горы Маяк, южного продолжения хребта Обеиз, северную оконечность которой мы обследовали еще в 1927 году.

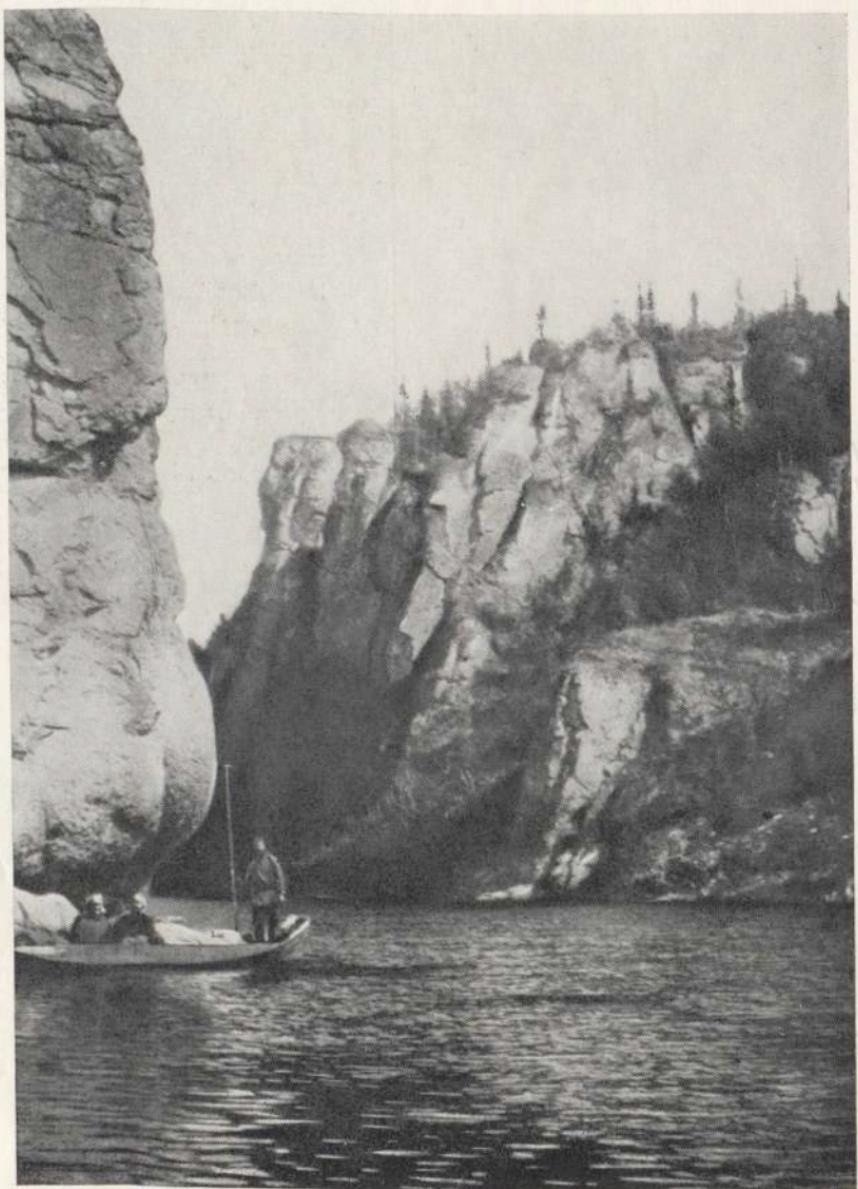
Дорога на Маяк оказалась трудной. Сразу же от реки попали в густой, непроходимый лес и незаметно для себя вытянулись цепочкой за идущим впереди проводником. Потом полоса леса как-то сразу оборвалась, и мы оказались перед болотом. Затем прошли вброд небольшой ручеек и вскоре вышли на незабываемую по красоте местность. Одна за другой потянулись лужайки правильной круглой формы, и на каждой из них в центре озера с прозрачной голубоватой водой. Такие озера обязаны своим происхождением карстовым явлениям, широко распространенным в области развития известняков. И хотя здесь не видно ни единого выхода коренных пород, мы были уверены, что под слоем грунта залегают известняки.

Голубоватую спокойно-гладкую воду обрамляет разросшаяся по берегам ярко-зеленая, сочная, свежая, мягкая трава. Эта зеленая полоса незаметно переходит в кустарник, среди которого тянутся к свету молодые стройные березки, а вокруг березняка темно-зеленою стеной высится молчаливый, угрюмый старый лес, как бы хранящий тайну лужаек. Сквозь густую листву леса робко пробиваются лучи солнца, наполняя лужайки сказочно-причудливыми бликами света. Однако лужайки не привлекают птиц. Все здесь объято торжественной тишиной. Лишь изредка откуда-то издалека доносится кукование кукушки, да иногда с глухим хлюпанием поднимается тетерев, обеспокоенный необычным посетителем.

Династия Черновых. 1960 г.
Долина реки Шарьи. 1956 г.

Скалы известняков на реке
Большая Сыня. Фото А. А. Чернова,
1926 г.

После удачной охоты. Фото
А. А. Чернова, 1929 г.

Через волок с Аранца на Большую
Сыню. Фото А. А. Чернова, 1926 г.

Щука, заколотая на Большой Инте.
Фото А. А. Чернова, 1927 г.

«Окно» в силурийских известняках,
стоящих на «головах». 1956 г.

Вверх через воркутинские пороги.
1930 г.

Водопад на реке Нямдаю. 1933 г.

Ненцы в деревне Елецкой. 1931 г.

Семья оленевода. 1937 г.

Останцы выветривания девонских
песчаников. «Бокал» на реке
Кумушке-Волонге. 1937 г.

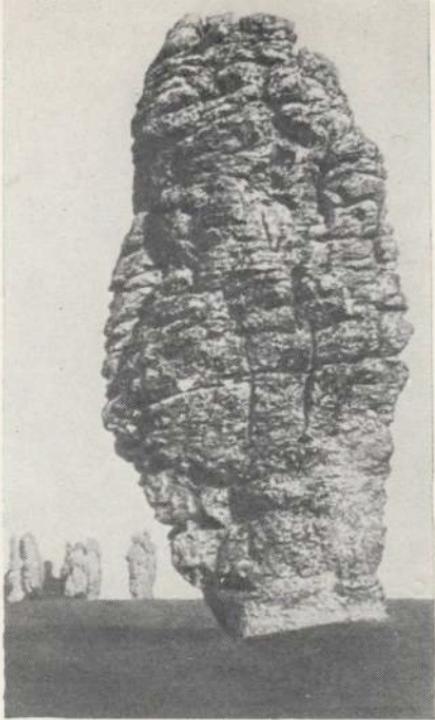
За обедом на острове у охотничьей
избушки. 1947 г.

Каменные «болваны» на вершине горы Маньпупунёр. 1936 г.

На оленях по тундровым просторам. 1947 г.

Спуск озера в Большую Хадату. 1949 г.

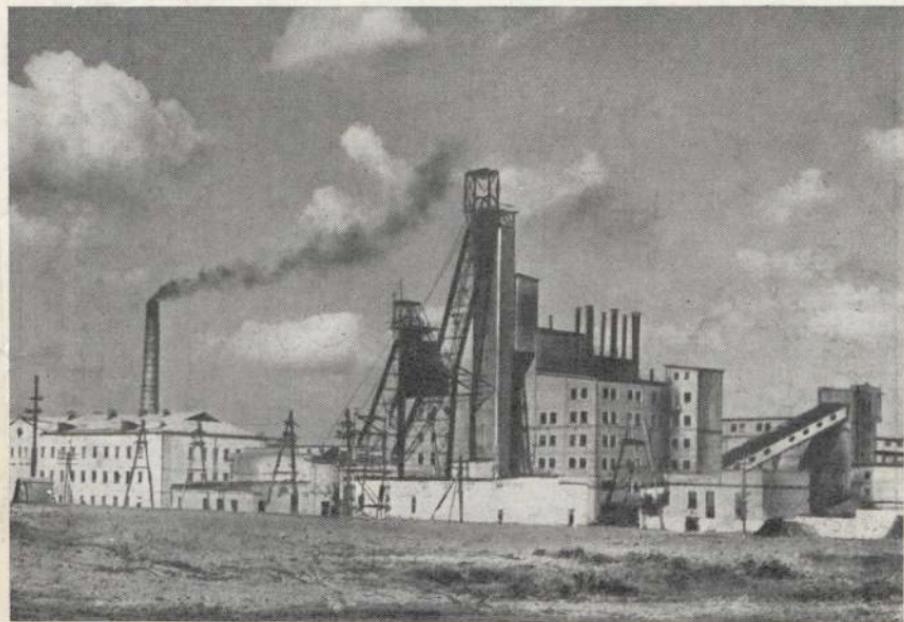

Буровая 22 на Лая-Вожском
нефтегазовом месторождении. 1972 г.

Инта. Улица Чернова

Воркута. Шахта 20.

Вскоре вышли к ручейку, бегущему с горы, и стали по нему подниматься. Лес мало-помалу начал редеть. Появилась пихта и высокий папоротник. Уже ощущался подъем: склоны становились круче, пихты уступали место лиственицам, и на высоте 400—450 метров последние деревья исчезли. Здесь проходит граница леса. Отсюда открылся вид на запад, но до вершины еще далеко. А там, внизу, под ногами темно-зеленым ковром раскинулся лес. Изредка виднелись плешины болот. Косью извивалась среди зелени, и в ее излучинах на солнце сверкали близкой выходы древних известняков.

Чем выше по склону, тем чаще появлялись осыпи розовых песчаников, иногда образуя террасовидные уступы. Но вот и вершина горы. На востоке — чарующая панorama. От подножия горы — глубокая и широкая троговая (корытообразная) долина реки Косью. Далее река секла более значительный по высоте хребет Западный Саледы. Южнее Косью возвышалась величественная пирамидальная гора Колокольня, а еще дальше — целый хребет Курсомбай с многочисленными конусовидными пиками, пологие склоны которых освещались солнцем, а крутые, покрытые тенью были мрачны и неприступны. На них резкими белыми пятнами выделялись снежники. Время в горах проходит быстро. Уже вечерело, когда мы начали спуск с гор, бросив последний взгляд на окружающее.

Далее Косью подмывали отвесные скалы все более древних пород. Преодолели узкий каньон, на протяжении одного километра русло реки представляло собой сплошной порог. Река стала вдвое уже. Пороги и быстрины чередовались почти непрерывно. С трудом поднимались по реке. Каждый километр уводил нас в глубь гор, и с каждого плёса открывалась взору какая-либо новая часть хребта. Обеиз и Маяк уже позади, но мы все еще шли, пока позволяла река и благоприятствовала погода: днем светило солнышко, ночью был морозец. Почти совсем пропали комары, и даже не было мошки. Вот река повернула под прямым углом, вода захлестнула берег, оставляя клачья белой пены, а далее стала дробиться на рукава. Нашли ровную семиметровую террасу и остановились. Дальше подниматься нельзя. За террасой сплошной быстрый шумный перекат. Горы обступили нас кольцом.

Осень окончательно вступила в свои права. Лес оделся в яркие осенние одежды. Температура воздуха в полдень около 15° , воды — 8° . Обследуем горы, разбившись на два отряда.

Я памеревался достичь того пика Колокольни, который возвышался над окружающими вершинами и не был помечен на картах. Западное подножие горы оказалось от нас на расстоянии более 15 километров. Этот путь отнял семь часов. Дойди до северо-запад-

нога участка подноожия горы, мы отчетливо увидели северный отвесный склон Колокольни, верхушка которого пависла карнизом над километровым обрывом. Несмотря на усталость и надвигавшиеся сумерки, решаем двигаться по западному склону, рассчитывая заночевать у верхней границы леса. Уже стемнело, когда мы устроили привал на больших плитах розовых кварцитов, обросших густым мягким высоким мхом. Понадеялись на теплый мох и решили спать без костра. Ночь выдалась ясной: ни одного облачка в небе. Я смотрел в синеву звездного неба и думал, что на сей раз поход в горы будет более удачным, чем в 1926 году.

В пять часов утра снова поднимаемся по склону, любуясь грандиозной панорамой гор. Солнце показалось из-за гор и тут же скрылось. Выше границы леса склон стал заметно круче. С него видно, как хребет Курсомбай со своими красивыми пирамидальными пиками опоясывал Колокольню с юго-запада. Перед нами круто поднимался западный склон вершины Колокольни со ступенчатыми скалами. Обрывистый северный склон поражал неприступностью и суровостью. Что ни лощина, то плотный вечный снег, на скалах ни единого пятна лишайников. Зато хорошо различается падение пластов, слагающих гору. Всматриваясь в долину Косью, я увидел струйку дыма от костра нашего второго отряда.

Примерно в 8 часов утра внизу, между гор, появилось маленькое облачко. Оно было неподвижно и заметно увеличивалось в размерах. Я торопил своих спутников, которые с каждым шагом вверх двигались все медленнее. Наконец у куполообразной вершины нам показалось, что мы уже у цели. Но, увы! На пути разверзлась расщелина метров 150 глубины, и только через нее можно было попасть на главную вершину Колокольни, которая возвышалась еще метров на пятьсот. Досадно, но я не думал возвращаться. Пришлось спуститься и преодолеть расщелину. Противоположный склон ее слагали огромных размеров глыбы, почти скалы, которые приходилось или обходить, или карабкаться на каждую, что еще больше задержало нас на пути к вершине.

Прошло четыре часа, как мы начали подъем на Колокольню от границы леса. Уже голод давал о себе знать, но вершины мы еще не достигли. Склон стал настолько крутым, что неприятно было смотреть вниз. Репили напиться чаю, но ни воды, ни приличного мха здесь не оказалось. Удалось лишь растопить снег. Наскоро поели копченых хариусов, запили тепленькой водичкой и заторопились в путь. Облака поглотили более низкие вершины. Мы находились выше облаков, на высоте 1400 метров над уровнем моря. Продолжая подниматься, наконец забрались на «площадку» около пяти — семи метров в поперечнике. С северного края она отвесно обрывалась на 1 тысячу метров в долину Косью,

с восточной стороны — на 50 метров в крутые ущелья, которое без веревок оказалось непреодолимым, а потому и главный пик Колокольни остался недосягаем. Он возвышался над площадкой лишь метра на три-четыре. Ни с какой стороны к нему нельзя было подобраться. Все склоны, кроме нашего, оказались непригодными для подъема. Мы уперлись в скалы главного пика Колокольни, и он закрыл собой вид на восток. Между тем облачность распространялась с необыкновенной быстротой. Мне удалось сфотографировать лишь самые макушки высоких горных вершин Уральского хребта. На западе от Курсомбоя виднелись только остроконечные вершины с караами, на востоке — гора Манарага, а на юго-западе — вершина Сабли. Только я успел убрать фотоаппарат, как нас обдало холодом, затем мгновенно налетел туман, и все кругом исчезло.

Видимой оставалась лишь наша площадка радиусом пять — семь метров с резко обрывавшимися в пропасть краями. Оставаться дольше на вершине не представляло никакого интереса. После короткого отдыха пошли в обратный путь. Спуск по крутому склону оказался более тяжелым и опасным, чем подъем. Глыбы пород скользили при малейшем прикосновении. В обход расщелины первой западной вершины Колокольни я взял направление несколько южнее, где располагалось большое каровое озеро; мне хотелось выйти к нему. Но туман застилал все вокруг. Скоро в трех — пяти шагах ничего не было видно. Три часа спускались по шатким глыбам в облаках. А когда выбрались из зоны облаков, нас встретил солнечный день. Все вокруг сверкало: и долины рек, и зеленые массивы лесов. Белые клубы тумана роились среди горных вершин, обволакивая их.

Когда мы подошли к озеру, солнце садилось за горные вершины. Быстро смеркалось. В полной темноте вошли в лес и здесь заночевали. Ночь оказалась холоднее предыдущей. Моховое логово не спасало от холода, и, как только рассвело, мы тронулись в путь. Мешки за плечами, набитые образцами породы, тянули плечи. Прямо от подножия Колокольни простипалось болото. Мы пошли через него по компасу к реке. На пути преодолели еще несколько болот и наконец, совершенно промокшие и прозябшие, выбрались к низким выходам коренных пород на Косью. Тут же наловили хариусов на уху, разожгли костер, пообедали, согрелись. Обратно возвращались по реке.

К палаткам подходили почти одновременно со вторым отрядом. Отец бродил в окрестностях реки тоже три дня. И хотя она уходила в горы, ему не удалось встретить ни одного обнажения. Вся долина была заполнена мореной из нагроможденных в беспорядке огромных глыб.

Путь вниз по Косью начался с порога. Лодки стремительно понеслись вниз по бурлящей воде, рассекая белую пену волн. Вода захлестывала борта, и казалось, что лодки вот-вот налетят на камни. Но рабочие прекрасно справлялись со стихией.

В середине сентября мой отряд добрался до Кохимского железозорудного месторождения. Восемь лет назад я был здесь студентом. Теперь мне предстояло дать оценку этому месторождению. После тщательного осмотра всего разреза оказалось, что месторождение не имеет практического значения вследствие бедности руд по содержанию железа и малой концентрации оруднения. Мощность всей рудоносной толщи была большая, но руда находилась в рассеянном состоянии. Пластовых залежей не наблюдалось.

В конце сентября дожди зарядили вперемежку со снегом. Исследования в этом районе надо было прекращать. До устья Косью спустились на лодках. Только здесь удалось попасть на пароход, который доставил нас до Усть-Усы. Там пересели на другой пароход, идущий в Нарьян-Мар, а далее — знакомый и неприятный путь морем.

В Печоро-Илычский заповедник

В 1936 году В. А. Варсанофьеву заканчивала исследования в южном районе Печорского края. В летний период ей предстояло сделать большой маршрут по всему бассейну Верхней Печоры, и она предложила мне принять участие в нем. Разумеется, такое путешествие не могло меня не заинтересовать.

Нас было всего двое. Почти без затруднений мы перевалили Якшинский тракт и выбрались на Печору к поселку Якша, где мне довелось побывать в 1931 году. Теперь здесь разместился научный центр Печоро-Илычского заповедника, учрежденного на этой территории в 1930 году. Из Якши на лодках мы поплыли в Усть-Илыч. Приезд Веры Александровны в Усть-Илыч явился сенсацией для всей деревни. Навстречу нам вышло чуть ли не все население деревни. Варсанофьеву здесь хорошо знали и любили. В избу, где она обычно останавливалась и где мы остановились на сей раз, то и дело приходили ее друзья. Среди них были и седые старцы, и молодежь.

Поднимались по Илычу на двух лодках. Илыч на значительном участке ограничивал территорию заповедника с севера. Южная и западная границы проходили по течению Печоры как раз до устья Илыча, восточная граница — по главному водораздельному хребту Урала, или «Коренпому поясовому камню», а самая северная граница — по течению левого горного притока Илыча — Ко-

жима. По своим размерам Печорско-Ильческий государственный заповедник в то время занимал второе место после Сихотэ-Алинского. Площадь его составляла 1 135 тысяч гектаров. Позднее, в 1951 году, она была сокращена (до 93 тысяч гектаров) за счет изъятия равнинно-боровой части.

Ильч чуть ли не самая большая река заповедника. Общая протяженность ее — до 380 километров. Она берет начало за пределами заповедника, в области западной увалистой полосы. Истоки находятся у восточного подножия Тимаиз, к которой близко подходит река Подчерем. С вершины Тимаиз хорошо видны болота, из которых вытекает Ильч.

Намерения наши сводились к тому, чтобы подняться как можно выше по Ильчу, затем перевалить на оленях через горный район, выйти в верховья Печоры и спуститься по ней на лодках. Нам надо было выяснить границы геологических систем и возраст «немых» толщ. Кроме того, я должен был изучить аллювиальные отложения исследуемого района, поскольку этим можно было заниматься попутно с общими работами.

Ильч охватывает три орографические области: Печорскую равнину, западную увалистую полосу и горную полосу. Печорская равнина простирается до Сарьюдина; она сложена слабодислоцированными, горизонтально залегающими породами перми. Ильч на этом отрезке — спокойная, глубокая река. В области западной увалистой полосы характер реки меняется, поскольку полоса представляет собой ряд возвышенностей, вытянутых обычно с севера на юг и сложенных более древними породами палеозоя, смятыми в складки. Врезаясь в них, Ильч образует незабываемые по красоте скалы, такие, как Испередыз, Лекиз и другие. Отвесные, восставшие из воды, стометровой высоты пласти известняков карбона среди роскошного леса оставляют неизгладимое впечатление. Здесь широко развиты карстовые явления. Удалось проследить течение ручья Испередь-Дикостильоль, который несколько раз скрывался под землей в карстовых полостях и вновь появлялся бурным потоком из-под толщи известняков. На Ильче, Печоре и Унье известны большие пещеры — свидетели бывших энергичных карстовых процессов. Такие пещеры, как Медвежья и Уньинская, в доисторические времена служили убежищем и зверю и человеку.

В восточной части западной увалистой полосы Ильч близко подходит к возвышенностям Эбельиз и огибает ее с востока. С меридиональных плёсов Ильча видна главная широкая и плоская вершина хребта. Она возвышается на 500 метров над уровнем реки.

Далее по Ильчу поднялись до Усть-Ляги и вскоре расстались: Вера Александровна работала на Большой Ляге, а я поплыл вверх

по Ильчу до Укюдина. От устья Большой Ляги долина Ильча резко меняет восточное направление на северное и идет вдоль Урала, обнажая древние породы силура. Подплыли к Шантым-Прилуку. Несколько пикообразных выступов возвышаются на высоком левом крутом склоне среди леса. Скалы издавна известны наличием свинцового блеска. Местные охотники отливали пули из шантымской руды для самодельных ружей. В 1843 году во время своего путешествия по Печорскому краю месторождением заинтересовался А. А. Кейзерлинг, но местные охотники, бывшие его проводниками, отказались показать ему это месторождение, боясь, что здесь начнется разработка и будет нарушен вековой покой в их охотничих угодьях — печорских лесах.

Выше скал Шантым-Прилука Ильч делает кругой поворот и подмывает красивые скалы Амбарной Кырты. Слои характерно изгибаются, образуя антиклинальную складку, по форме напоминающую крышу дома. Ее слагают углисто-известковые сланцы с листочками белой слюды, переливающейся всеми цветами радуги в ярких лучах северного солнца.

За Амбарной Кыртой потянулись темно-серые, мрачные доломиты, названные Филин. В 1921 году отец описывал это обнажение. Когда он ударил молотком по скале, откалывая образец, на его голову свалился спящий филин. Так скала получила свое название.

Из Укюдина возвратились в деревню Усть-Лягу и стали готовиться к переправе через водораздел с Ильча на Печору. Рассчитывали на лошадях добраться до горы Маньпупынёр, известной своими столбами выветривания — в понимании местных жителей фигурами загадочного происхождения. Но в Усть-Ляге нашлись только две лошади, и нам опять пришлось разделиться на два отряда.

Первый отряд на лошадях направился вдоль бывшей сибиряковской дороги в горы к оленеводам, а второй поднялся по Большой Ляге. Договорились, что один из рабочих вернется за нами на Большую Лягу с лошадьми.

Я не без сожаления проплыл мимо находящейся недалеко от Усть-Ляги вершины Торре-Порреиз, одного из живописнейших горных кряжей в этой части Урала. Наш путь по Большой Ляге оказался куда сложнее, чем на выюках по тундре. Чтобы продвинуть на несколько десятков метров свою лодку, нам приходилось лопатой расчищать русло реки от завалов. И все-таки, несмотря на все наши старания, мы поднялись только до первого притока, выше которого Большая Ляга стала очень мелкой. Пришлось разбить лагерь и здесь ожидать лошадей.

На четвертые сутки Иван пришел с одной лошадью, вторую

он потерял в дороге. В его отсутствие из загона убежала третья лошадь, испугавшись выстрелов во время моей охоты на рябчиков.

На другой день я все же решил сходить в деревню. Мысль о потерянной лошади не давала мне покоя, а главное, надо же было как-то перебираться через водораздел. Одна лошадь не могла захватить весь наш скарб. Но из деревни я вернулся ни с чем: лошади там не оказалось, к великому моему сожалению и большому огорчению хозяев. Пришлось навьючить собственные спины и отправиться к оленеводам за 25 километров.

Поутру моросил дождь, но мы двинулись в путь, надеясь, что к полудню погода улучшится. Однако дождь моросил не переставая. В чум пришли в полной темноте, промокшие до нитки. Нас встретили лаем собаки. Обеспокоенная Вера Александровна стала расспрашивать, что с нами случилось.

Рано утром на следующий день отправились по горным вершинам, лишенным леса, в верховья Печоры. Оленья дорога проходила в трех километрах от Маньпупынёра. Я не мог упустить случая полюбоваться этими столбами. Уже на расстоянии километра каменные «болваны» четко выступили на горизонте. Вблизи останцы напоминали фигуры людей. С вершины картина предстала поразительная. На ровной поверхности замерло семью каменных богатырей высотой метров тридцать каждый. Один из них, с тонким основанием и небольшим выступом, торчащим вверху, стоял в стороне от других и был очень похож на человека с приподнятой рукой, другие напоминали старцев, женскую фигуру. Столбы производили грандиозное впечатление. Существует легенда, что некогда эти каменные болваны были семью великанами. Они шли через горы в Сибирь, чтобы уничтожить vogульский народ. Но когда поднялись на вершину, называемую теперь Маньпупынёр, их вожак-шаман увидел перед собой Ялпингнёр — священную гору vogулов. В ужасе он бросил свой барабан, который упал на высокую коническую вершину — Койп (по-vogульски «барабан»). И шаман, и все его спутники окаменели от страха.

Столбы Маньпупынёра привлекали сюда исследователей еще с 40-х годов прошлого столетия. В 1843 году А. Кейзерлинг проехал огромный путь на оленях, чтобы увидеть «болваноиз». В 1887 году столбы исследовал Е. С. Егоров. В 1921 году их посетили А. А. Чернов, В. А. Варсанофьев, Т. А. Добролюбова.

Однако все легенды рассеиваются при первом знакомстве с породой, слагающей эти останцы. Древние метаморфические сланцы Маньпупынёра подвергаются усиленному морозному выветриванию. В результате колебания температуры порода покрывается тонкой сетью трещин. В трещины попадает вода, замерзает и

увеличивает их. Порода дробится на отдельные глыбы и разрушается. Дождевые потоки и ветер сносят осьпи с вершины горы. Неумолимое геологическое время делает незаметной эту работу для глаз человека. Гора Маньпупунёр когда-то была значительно выше, о чем свидетельствуют столбы, уцелевшие благодаря крепким породам. Горы разрушились, как разрушаются и в настоящее время, главным образом физическим выветриванием, работой текучих вод, а в ледниковую эпоху — и ледниковой эрозией. Все меняется под действием внешних сил природы. И с сожалением приходится думать, глядя на эти столбы, что и они обречены на полное разрушение.

Караван двигался на юг, к устью Большой Порожной — притока Печоры. Шли вдоль хребта Яныпупунёр, где также есть каменные столбы. Несколько юго-восточнее располагался величественный массив с главной вершиной Койп высотой 1108 метров, той самой, которая упоминается в легенде про «болваноиз».

На Печоре расстались с оленеводами. Нам предстоял спуск по реке, куда более порожистой, чем Илыч. Никакого транспорта у нас не было. Думали сделать лодку своими силами, благо леса здесь много, но решили походить по окрестностям и в первый же день нашли брошенную лодку. Рабочие заявили, что через два-три дня они приведут ее в полный порядок. За это время мы с Верой Александровной обошли окрестности в поисках коренных выходов.

Однажды, возвращаясь вечером к лагерю, мы совершенно неожиданно натолкнулись на странника, который, не обращая на нас ни малейшего внимания, устраивался на почлег под раскидистой елью или, вернее сказать, под открытым небом. Не без боязни подошли ближе, и Вера Александровна узнала в страннике жителя деревни Софонов Камешок по имени Софрон. Мы пригласили его в наш лагерь и разговорились. Оказывается, Софрон с товарищем решили попытать счастья: помыть в горах золото. Бродили они много и все безрезультатно. За несколько дней до нашей с ним встречи разошлись в разные стороны, но так как в горах был туман, то, куда попал, Софрон не знал. «Иду, иду я,— говорил Софрон,— вижу, незнакомая река. Гляди, а над лесом Медвежье рыло торчит (гора Медвежий Камень). А, думаю, никак меня вынесло на Печору. Ну, теперь, бог даст, найду дорогу до дому».

Нашему гостю было за 70 лет. Меня удивили в этом старице беспечность, пассивность. Ружья и рыболовных принадлежностей у него не было. Питался он разве что грибами, ягодами и травами. Встреча с нами не обрадовала Софрана. Между прочим, он был не единственным искателем счастья на Печоре. Их было много тогда, и в каждой деревне о них знали. Наша рабочие подружни-

вали над семидесятилетним искателем счастья. «Софрон, а рассказки, какая с тобой история произошла много лет назад, тоже в поисках счастья?» — пристали они к нему. Софрон поведал нам об одном из ряда вон выходящем случае из своей жизни, хотя и рассказывал об этом так, будто это произошло не с ним.

Ему было далеко за пятьдесят, когда он задумал жениться на молодой и интересной женщине по имени Аньюты. Скоро мечта его осуществилась. Женился и прожил несколько счастливых лет. А потом надоел он Аньюты, и она решила от него избавиться. «Пойдем, — говорит, — Софронушка, на высокий каменистый бережок погулять». Деревня, в которой они жили, располагалась на высоком скалистом берегу Печоры, благодаря которому и называлась Камешок. Старик не мог не уступить молодой жене, и они направились к обрыву. А женщина задумала злое. Подойдя к обрыву, она столкнула Софronа в воду, зная, что плавать он не умеет, а сама убежала домой, даже не посмотрев вниз.

«На мое счастье или несчастье, — говорил Софрон, — я не свалился в воду, а скатился по скале и зацепился за кусток. Пока выбрался, прошло немало времени. Все тело так ломило, что с трудом добрался до дома и залез на печку отогреться. Дома моей Аньюты не было. Лежал я лежал, и вдруг мне очень захотелось поесть шанег. Поздно ночью пришла Аньюты. Походила по избе, а на стол не накрывает и спать не ложится. И тогда я говорю ей: «Аньюты, ты бы шанежек напекла, уж очень хочется поесть». Она села на кровать, смотрит на печку и молчит. А потом схватилась за голову и залилась слезами. Жалко мне ее стало. Поплакала-поплакала она, а я опять за свое: «Слышишь, Аньюты, напеки, не полепись». Смотрю, взяла тесто, быстро развела огонь и напекла, да таких хороших и вкусных шанег, что я отродясь за свою жизнь таких не ел. Ел я, ел, и уж сил не хватает, а Аньюты все печет, а сама не ест. «Не хочу, — говорит, — не люблю я их». И все меня угощает».

«А спрашивал ты ее, зачем она хотела тебя утопить?» — не унимался я. «А чего спрашивать? Баба — баба и есть, что в ней разумного?» Софрон немного помолчал, а потом добавил: «Зато потом она меня так ласкала, так ласкала... и шаньги стала каждый день печь».

Рассказанная история казалась мне маловероятной. Но проводники уверяли, да и Вера Александровна знала, что это было на самом деле. После того деревню и стали называть Софронов Камешок. Во время чая я угостил гостя леденцами. Бережно сложив их в «платок», наш гость сказал, что это будет гостинец его Аньюты.

Софрон отказался ждать нас, да и лодка наша не смогла бы

вместить пятерых. Он смастерил себе плот из двух бревен и пустился вниз по Печоре. «Поплыву к своей Анюте», — сказал он нам на прощанье.

Мы уложили свой скарб в лодку, и троє из нас пошли пешком в надежде найти какую-нибудь лодочонку около избушки, которая должна была бы быть невдалеке отсюда. Нам повстречались люди, переселявшиеся с Печоры за Урал. Они поднимались на двух приличных лодках и, так как уже были на подступах к перевалочной дороге, одну лодку уступили нам.

Печора в своем верховье очень порожиста, хотя пороги и не представляют большой опасности. По мере того как плывешь вниз по течению, замечаешь, как расширяется долина и русло реки, которое несколько шире, чем у Ильча. Печора катит свои воды по быстрым галечниковым перекатам, и берега по-своему живописны. Правда, таких высоких скал, как на Ильче, здесь нет, но тем не менее Верхняя Печора также слывает красавицей рекой. Опа здесь почти не делает излучин и течет на запад, прорезая в крест простирацию горные породы, смятые в складки, так же как и на Ильче. Пласты залегают то полого, то круто, иногда стоят вертикально. К реке близко подходят возвышенности Манские Болваны и Горевский Носок. Первая из них является продолжением единой большой гряды, протягивающейся вдоль западного склона Урала, включающей в себя отдельные возвышенности Эбельиз, Волганчугра, Лягачугра и Шежимиз. Она простирается на юг по направлению к реке Унье — левому притоку Печоры. Все эти возвышенности покрыты лесом, но в рельефе выделяются хорошо.

Через два дня добрались до первой деревни — Усть-Шежим. Два домика приотились на берегу реки Большой Шежим, в них живут сторожа Печорско-Ильчского заповедника. Жители деревеньки немало удивились появлению Веры Александровны сверху реки. На участке от устья до деревни Собинской Печора обнажает коренные породы каменноугольного возраста, слагающие здесь Большую парму и Собинскую парму. Добираться до обнажений пришлось через многочисленные острова. Долина Печоры стала еще более широкой. И вот мы в деревне Софронов Камешок. Нас встречает сам Софрон, благополучно добравшийся на своем плоту. Отсюда направляемся на Унью — левый приток Печоры.

Унья, пожалуй, самая красивая река в бассейне Печоры. Она течет между возвышенностями Утланпарма и Андюгапарма. В нижнее река почти не меандрирует, в верховье делает крутые излучины среди хорошо выраженных террас. Высокие коренные берега полого повышаются и переходят в возвышенности. Мы поднялись только до Усть-Бердынского месторождения железной руды, где надо было установить генезис бурого железняка. Однако разрез

оказался сильно задернованным. Без горных выработок мы ничего не могли сделать, а собрали лишь дополнительный материал по разрезу. В деревне Бердыш еще сохранились жалкие остатки кустарного плавильного завода.

Наш маршрут заканчивался. Был уже конец сентября. Начались затяжные дожди, а нам еще предстоял путь более 120 километров до деревни Якши, откуда на попутных подводах, шедших с Колвы, намеревались добраться до Чердыни. Осень окончательно вступила в свои права, и дорога не сулила ничего хорошего. Наконец 12 октября серым, дождливым утром мы вышли из Якши. Груз кое-как погрузили на подводы, а сами отправились пешком вслед за подводами по ухабам, болотам и кочкам. Ночью кто-то догадался приспособить сзади подвод свечу. Тайбала надолго запомнилась. Лишь в деревне Корепино и для нас нашлась телега, а в Ныробе нам даже посчастливилось достать машину, на которой добрались до Чердыни. В Чердыни сели на пароход и поплыли в Пермь, откуда поезд доставил нас в Москву.

По Северному Тиману

Пятьдесят лет назад по Северному Тиману путешествовал академик Ф. Н. Чернышев, оставивший в наследие 10-верстную геологическую карту Тимана и его описание. В начале 30-х годов на Тимане проводил работы Северный геологический трест, в результате которых на карте Северного Тимана появились значки чуть ли не всех полезных ископаемых, начиная с золота и молибдена, кончая второстепенными, как точильные камни и кровельные сланцы. Разумеется, бесчисленные значки на геологической карте ничего не говорили о перспективах того или другого месторождения.

Весной 1937 года А. А. Чернов выехал в Архангельск, где проходило совещание по выяснению полезных ископаемых Северного Тимана, поскольку ими заинтересовались районные промышленные организации. Профессора попросили высказать свою точку зрения по поводу природных богатств этой территории. Он предложил организовать двухгодичную геологическую экспедицию для обследования Северного Тимана. Работать пришлось в том же составе, что и в 1935 году.

В конце июня в ясный день на маленьком пароходике «Канин» мы отчалили от Архангельской пристани. В этом сезоне он отправлялся лишь в третий рейс, так как навигация началась здесь очень поздно из-за заторов полярных льдов. Вместо положенных двух суток в море пробыли четыре дня, потому что заходили в поселки

Шойну и Пешу на разгрузку тары для рыбаков. Путешествие оставило самое приятное впечатление: море было на редкость спокойным.

При входе в Индигскую губу, невдалеке от скалистого острова Тиманец, вспугнув царство чаек, «Канин» встал на рейд. Узкая, длинная, с крутыми голыми берегами Индигская губа отделена от моря не менее длиной, но низкой песчаной косой, которую здесь называют «каргой» (полсотни лет тому назад «карга» представляла собой остров). «Канин» простоял здесь около десяти часов в ожидании приливной воды. По большой воде пароходик продвинулся еще километров на пятнадцать вверх и встал на разгрузку. Невдалеке виднелся поселок Индига. Мы перебрались в него. По договоренности на противоположный берег Индиги за нами из тундры должны были прийти оленеводы. Поселок оказался довольно большим. Здесь имелись консервный завод, кооператив, пинецкая и русская школы, почта, радио, тундровый совет.

За время, проведенное в поселке, мы обследовали близлежащие окрестности. Прошли на лодке вверх по Индиге до «Железных ворот», где описали разрез каменноугольных отложений. Мне удалось осмотреть обнажения четвертичных пород — это стало моей второй привычкой, так как четвертичная геология этого района была почти не освещена в печати.

Индига — широкая извилистая река, но мелководная. По безлюдным берегам зеленеют прекрасные луга, кое-где прерываемые зарослями ивняка. Лишь два небольших поселка встретились на пути до «Железных ворот», расположенные на расстоянии 25 километров друг от друга: Родин Мыс и Олень Совхоз. В первом живут исключительно рыбаки, поскольку в нижнем течении Индига богата рыбой, в том числе семгой.

В Индиге были наяты проводник Захар Апицын, знаток Тиманской тундры, и рабочий Александр Валов. В конце июля караван из двадцати нарт выступил в тундру с Черного мыса, расположенного против устья Большой Щелихи. За нартами шло стадо смешных оленей. Красиво выглядела эта живая цепочка на фоне однообразной, безжизненной Тиманской тундры. Карликовая бересика да заросли ивняка — вот вся растительность, которая нас окружала.

Мы углубились в ущелья Чайцынского Камня. По пути исследовали речку Вырей, впадающую в десяти километрах от устья в Индигу. Вырей — живописная река. Она прорезает базальтовую гряду и образует несколько водопадов. К вечеру этого же дня подошли к верховьям Малой Иевки. Разбиваем лагерь. Не успели натянуть палатки, как с моря надвинулся обычный для этих мест густой туман — «моряна». Стало холодно и сыро. Я решил по-

ехать на легковых партах в верховья Большой Иевки, которая берет начало в Чайцынском Камне и течет к северу, впадая в Индигскую губу выше Черного мыса. Она дважды прорезает базальтовую гряду. Южные выходы представляют 25-метровый обрыв с хорошо выраженной столбчатой отдельностью. Северные выходы тянутся вдоль реки на протяжении 300—350 метров. В этом каньоне обнаружил красивый каскад водопадов. На поверхности базальта, на правом берегу, видны вспаханные ледником желоба. Они протягиваются с запада на восток вдоль русла Иевки. Очевидно, река унаследовала одну из наиболее глубоких ложбин. Раньше считали, что здесь находится месторождение исландского шпата, ценного для оптической промышленности. Но тщательные поиски кристаллов кальцита не увенчались успехом: кальцит есть, но до прозрачного ему далеко.

В начале августа мы тронулись в путь к Болванской сопке. По пути осмотрели сопку Няр-седако, в переводе с пепецкого «Три сопочки». Она названа так потому, что имеет три вершины, сидящие на общем основании. С нее хорошо видна вся северная оконечность Тимана и остров Тиманец. На западе отчетливо выделяются песчаные бугры в устье Великой. Видно, как Чайцынский Камень переходит в беспорядочную сеть холмов, впадин с озерами и более высоких сопок и возвышенностей. На северо-востоке заметна сопка Чумок, отделенная трогом от базальтовой возвышенности. Дальнейший путь шел среди мелких впадин и заросших кустарником холмов.

Болванская сопка — плоская (столовая) гора до километра в поперечнике с базальтовыми обрывами во все стороны. Она поднимается всего на 55 метров над окружающей местностью. Сложена сопка преимущественно плотным базальтом. В осыпях у подножия встречаются базальты с выделениями агата и кварца. Болванская сопка когда-то была священным местом. Здесь еще остались оленьи кости, старые, выцветшие от времени тряпки, небольшая кукла. С сопки открылся вид на море, оно казалось синим и спокойным.

Болванская сопка сложена белыми кварцевыми песчаниками и потому называется еще Белый Камень. Скалы обрываются в широкую долину, по которой течет река Лабахейяха. Песчаники здесь очень рыхлые, в результате выветривания они приняли причудливые формы. По краю породы сильно изрезаны и дают ряд выступов, обращенных сначала к северу, поток к западу. Под обрывами располагаются озера.

Закончив работу на Болванской сопке, мы продвинулись к морю и подошли к Чайцыным Носам. Остановились в двух километрах от побережья, на берегу узенькой извилистой речушки —

Бесов ручей. А. Шренк сто лет тому назад в своем «Путешествии по северо-востоку Европейской России» так объясняет название этого мыса: «Мыс Чайцын Нос дал свое название всей горной цепи Чайцына Камня, а сам обязан ему группе трех небольших скалистых островов, которые, находясь около самого мыса, служат пристанищем бесчисленному множеству птиц, преимущественно чайкам, отчего они и получили название Чайчих островов, по-самоедски (по-пенецки) «Холавгойс».

Утром мы вышли к морю. Безбрежная синева с редкими белыми барашками уходила вдаль и терялась в беспредельном горизонте. Морской берег, казавшийся таким мрачным и неприветливым с парохода, был в действительности необыкновенно живописен. Морской солоноватый воздух приятно освежал лицо. Подле самых волн в утреннем тумане пронесся табун наших оленей.

Во время отлива перед дельтой Бесова ручья обнажается широкая песчаная отмель, заканчивающаяся вблизи базальтовых выходов. На песке разбросано много плавника, ракушек и морских водорослей. Виден невысокий базальтовый мыс, выдающийся в море. Волны с шумом разбиваются о него.

Мы забрались на самый конец мыса. Два потревоженных поморника с писком кружились над головами. Эти птички похожи на чаек, но крылья у них значительно короче, с черными полосками, клюв красный. Чайки плавали на волнах. Пока осматривали мысок, моряна неожиданно рассеялась и появились освещенные солнцем четкие линии берегов. Высокие, крутые склоны покрыты зеленой травой, необыкновенно яркой и свежей: на склонах только недавно стаял снег. Кое-где к морю спускаются песчаные осыпи и среди них — черные базальты. Чайцыны Носы — это собственно северный конец Чайцынского Камня, представляющий собой обширный базальтовый покров, обрывающийся в море. Общий вид побережья Северного Тимана — прихотливо изрезанный берег с отвесными базальтовыми стенами, многочисленными бухточками и мысами, выдающимися в море. Бесов ручей прорезал центральную часть Чайцыных Носов, восточную сечет река Лямца, а северную — Чайцына речка.

В базальтах большое количество жеод (не полностью заполненные кристаллами пустоты) и секреций (полностью заполненные кристаллами пустоты) с кристаллами различных минералов. Они образовались при сложных геохимических процессах: сперва в застывшей лаве возникали пустоты, а впоследствии в них выкристаллизовались минералы. Каждая жеода таит в себе необычайной красоты друзы кварца или агаты голубых оттенков. Особенно красив густо-лиловый аметист. Кристаллы этого полудрагоценного камня, сросшиеся в друзья, исключительно хороши.

Пока исследовали Чайцыны Носы, погода испортилась. Однако мы тронулись в путь на запад к Румяничному мысу. Кругом однобообразная, неприветливая, раскисшая тундра. Олени шли по болоту, глубоко увязая в трясине, обдавая брызгами грязи седоков. По пути описывали прекрасные выходы верхнесилурийских известняков на Васькиной губе. Дождь лил не переставая. Старые брезентовые плащи пропускали воду.

Румяничный мыс — единственное место на побережье, где на поверхность выходят разнообразные глубинные изверженные породы: граниты, сиениты, диабазы и кристаллические сланцы. К югу от выходов по берегу тянется огромный береговой вал. За ним в пизине прячутся озера. На Румяничном мысу было известно месторождение молибдена. Но он здесь обнаруживается в виде мелких прожилок и включений, не имеющих практического значения.

Шли на юг вдоль побережья Чепской губы. Задержались на реке Черной, она обнажает базальты, девонские песчаники, силурийские известняки и метаморфические сланцы. Самым замечательным здесь оказался контакт горизонтально залегающих известняков силура с вертикально стоящими сланцами рифея. Интересны базальты со столбчатой отдельностью, достигающие в диаметре около двух метров. Очевидно, они залегают в самой трещине земной коры, откуда выливалась лава. В верховых река стекает по уступам метаморфических сланцев и образует каскад водопадов. В каждой глубокой яме видны хариусы. Забравшись сюда весной по большой воде, они ждут осеннего разлива, чтобы спуститься на зимовку в глубокую воду. Голодные, жадные хариусы хорошо ловятся на блесну.

Далее шли к реке Великой. Путь лежал по бугристой тундре через болотца, заросшие белой пушницей (болотной травой). Пересякли реки Короткую, Шубную и Среднюю Шубную. Все они узенькие и маленькие, но с крутыми высокими берегами. Извилистой лентой наш караван спустился с крутого склона. Вот олени перепрыгивают через речку и опять карабкаются вверх по склону. В тундре много грибов, черники, голубики. Сколько пропадает здесь ягод! Только там, где пройдет стадо, ягоды дочиста съедены. Своими мягкими губами олени снимают их, оставляя целой листву.

Наш отряд остановился на крутом высоком берегу озера-станицы. Внизу густые заросли ивняка, чуть левее — склоненная трава в стогах. Широкая долина реки вся в зелени. Далее осматриваем реку Песчанку. Дорога к ней от реки Великой идет по кочковатому болоту через заросли кустарника, через заросшие озера. На Песчанке у живописных скал сделали привал. Обнаружили в

них остатки растений, зубов и чешую древних панцирных рыб, не-
когда обитавших в реках и озерах девонского периода.

В начале сентября опять вышли к морю — суровому и мрачно-
му. Белые валы катились на берег и с ревом разбивались о скалы.
Вода подмывала залегающие под скалами глины и образовывала
глубокие гроты и ниши. Вечерело. По небу ползли рваные серые
облака. Холодный дождь налетал бешеным шквалом. Нерадостно
нас встречал сентябрь. Развести костер — и то трудно. В брезен-
товых плащах разбивали свой лагерь. К вечеру дождь прекратил-
ся. Заходящее солнце окрасило грозные тучи в розовые тона, а
белые гребни волн казались плавающими льдинами, запорошен-
ными снегом. Обнаженный после отлива большой песчаный пляж
блестел. Волны набегали одна на другую и откатывались назад,
оставляя полосу белой пены. На вечернее море смотреть мож-
но без устали, пока краски его не поблекнут во мгле черной
ночи.

К устью Волонги подошли 8 сентября. На противоположном
низком террасовом мыске расположился небольшой поселок ры-
баков. Мы разбили свой лагерь напротив, а в поселок ходили в
гости. В одном доме хозяйка решила угостить нас топленым мол-
оком. Она медленно вытащила из русской печи... эмалированный
ночной горшок и поставила его на стол. Мы все переглянулись.
Добрые хозяева, видимо, даже не догадывались о настоящем на-
значении этой посудины, а в хозяйстве она оказалась очень удоб-
ной: без ухвата можно ставить в печку, хорошо моется, красивая.
Мы посмеивались, а хозяйка стояла в недоумении: молоко ведь
было хорошим и покрылось аппетитной коричневой пленкой. Под
шуточки и смешки мы опустошили горшок. Так хозяйка и не по-
няла, отчего мы смеялись.

От Волонги наш маршрут изменился. Шли па северо-восток, к
истокам реки Кумушки, левого притока Белой, также впадающей
в Индигу. Путь вдоль берега Волонги по так называемому летни-
ку — летней оленевой дороге, по болотам и кочкам. Изредка встре-
чались можжевельник и высокие лапчатые ели. У реки Санарки —
настоящий лесок. Он выдавался далеко на север. Обогнули его с
севера, кое-где пришлось вырубать в зарослях дорогу. Погода хо-
лодная и дождливая. Поднялись на возвышенность, с которой от-
крывался чудесный вид на долину реки Травянки, правого при-
тока Волонги. Местность холмистая. Внизу, на склонах, все еще
карликовая березка, а холмы покрыты зарослями золотой бересы.
Кое-где темными пятнами выступали ели. В низинах блестели
озера. Типичная картина моренного ландшафта, но несколько не-
обычайная: оригинальное сочетание тундры с чисто русским осен-
ним пейзажем.

За четверо суток добрались до Кумушки и пошли вдоль, пересекая многочисленные левые притоки, узкие, глубокие, из-за отвесных скал местами совсем непроходимые. На одном из ручьев неожиданно нашли крупную кварцевую гальку, спементированную баритом (сернокислым барием). Крупные месторождения баритового конгломерата в Советском Союзе неизвестны, так что в научном отношении наше открытие представляло большой интерес. Мне впервые пришлось встретить барит. Он распознается в конгломерате благодаря своему тяжелому весу. На другом ручье Кумушки среди девонских пород нашли тонкие прослои угля сапропексита, который в отличие от обычных углей образовался из бурых морских водорослей. У нас этот тип углей был открыт и изучен на северо-востоке Кузнецкого бассейна, по реке Барзасс. Сапропексит («сапрос» — гнилой, «миксис» — смесь, слизь) — ценнейшее сырье для получения различных нефтепродуктов. Найденное нами месторождение само по себе не имело практического значения, но представляло большой интерес как первое указание на образование в системе Тимана углей барзасского типа.

Наше путешествие заканчивалось, когда мы подошли к реке Белой. Верховья этой реки предполагалось исследовать в следующем году, а сейчас мы осмотрели отрезок реки только в области развития базальтов.

В конце сентября наконец прибыли на Черный мыс и переправились в Большую Щелиху. Только 11 октября удалось погрузиться на долгожданный пароход. Почти две недели, которые мы просидели в Индиге, бушевал шторм, начавшийся в день нашего приезда. Несколько раз выпадал и таял снег. В холодные вечера местность озарялась голубовато-фиолетовыми завесами северного сияния.

В 1938 году на Северном Тимане мы работали втроем с геологом А. Е. Первухиной и коллектором Наташей Зубаревой. Оленеводы приехали за нами в тот же поселок на легковых нартах и забрали нас вместе с грузом. Погода стояла отвратительная. Над тундрой повисли свинцовые тучи. Лил дождь. Голодные олени еле тащились и не слушались проводников. Через 30 километров мы оказались в знакомом нам Каменном Омыске.

А. Е. Первухина занималась осадочными девонскими породами, а меня интересовали геологическое строение Тимана и базальты, хотя до поездки на Тиман я предпочитал «белые пятна» исследованным районам. Надо было выяснить количество базальтовых потоков, сколько раз выливалась лава из трещин на поверхность земли, типы и мощность базальтов, структурные особенности, наличие секреций, их формы и размеры, состав секреций жеод и жил, проследить каждый поток не только по вертика-

ли, но и по простиранию, установить границу с осадочными породами, то есть установить контакты базальтовых потоков.

От Каменного Омыска наши исследования начались с реки Белой. Она красиво извивается в высоких скалистых берегах из беловатого кварцевого песчаника. На значительном расстоянии ее украшают причудливые фигуры останцов, напоминающие вазу, бокал (до четырех метров высоты), человека в картузе, пингвина, слона. Подобные формы выветривания свойственны пустыням, где господствуют ветры и сухой климат. Некоторые геологи предполагают, что эти фигуры возникли в результате эоловых процессов, то есть работы ветра, и что во время их образования на Северном Тимане господствовал жаркий сухой климат. На самом же деле скалы разрушаются и в настоящее время, в условиях современного климата тундр. Роль ветра здесь почти сводится к нулю, и фигуры своими очертаниями обязаны главным образом морозному выветриванию и разнородной цементации самих девонских пород. Характерно, что все эти формы образуются на склонах долин рек, где дождевые потоки смывают разрушенный материал. Надо сказать, что такие фигуры образуются не только в песчаниках, но и в конгломератах, галька которых сползает по склону. Характерно, что на водоразделах, где также есть выходы песчаников, подобных фигур нет, так как здесь не обеспечивается вынос материала ветром. Очевидно, останцы могут образовываться в совершенно различных климатических условиях — как пустынь, так и тундр.

Закончив исследования на реке Белой, я решил без провожаемых попасть на реку Большую Светлую. Мне запрягли самых лучших оленей, я уселился на нарты, как подобает настоящему оленеводу, взял в руки хорей и пустился в путь, думая, что справлюсь не хуже, чем любой ненец-оленевод. Но я ошибся. На первых же километрах вожак четверки не раз пытался повернуть обратно, очевидно чувствуя слабость моих рук. На протяжении шести километров мне непрестанно пришлось вести борьбу с упрямыми оленями. И только было я ослабил внимание, как случилось несчастье. Мы пересекали небольшую речушку. Я сосредоточил внимание на рюкзаке с фотоаппаратом и не заметил, как четверка оленей повернула в обратную сторону. Не успел опомниться, как почувствовал, что они плывут по глубокому месту, разворачиваются к берегу и увлекают меня вместе с нартами на глубину. Я подтянул вожжу, но было уже поздно. Нарты погружались в воду, а вместе с ними я и мои вещи.

На берег выбрался промокший. Пришло разжечь костер. Солнце уже пригревало. Я высунул лишь нижнее белье и, уверенный, что в тундре никого не встречу, поехал в таком виде дальше. Прибыв на место, разжег костер, развесил над ним свои ватные

вещи и приступил к описанию разреза. Увлекшись работой, я только через полчаса вернулся к костру и нашел свои брюки сгоревшими. Ватник тоже начал тлеть со спины. Работать здесь пришлось до следующего утра. Но зато в дороге я был вознагражден за мучения. Изголодавшиеся олени быстро доставили меня к чуму. Вид мой доставил немалое удовольствие ненцам-оленеводам.

Затем мы перебрались на Кумушку-Волонгу, прорезающую западный склон Северного Тимана, такую же живописную, с причудливыми фигурами-останцами. По обоим берегам прослеживаются базальты. Река режет их в крест простиранию. Но верхняя часть базальтового покрова здесь размыта древним морем. Оно же отложило на базальт пласти конгломерата. В разрезе Кумушки-Волонги явно обнажаются три базальтовых потока, в то время как на восточном склоне Северного Тимана, на Большой Светлой их насчитывается 12 общей мощностью 230 метров. На реке Лямце, конечном пункте наших исследований, где находилось главное стадо оленей, мы совершенно неожиданно обнаружили коренные выходы древних кварцитов, до сего времени неизвестных на Северном Тимане.

И базальты, и кварциты, и выходы горных пород — все это памятники, оставленные на поверхности Земли в различные эпохи ее жизни. И сущим пустыком выглядит умение описать разрез по сравнению с правильным пониманием природы геологических процессов, многообразия деталей, мелочей и характерных черт того или другого разреза.

Разрозненные выходы базальтов на Северном Тимане указывают на то, что около 600 миллионов лет назад, в конце рифейского периода, на территории от Урала (в районе Полюдова Камня) до Канина Носа (в Белом море) образовался горный хребет. Затем он постепенно разрушался. В силурийском и девонском периодах эта область покрывалась морем с илистыми осадками, песком и галькой. Но в конце девона в недрах земли бушевал океан расплавленных масс. Под влиянием внутренних сил происходили грандиозные землетрясения, вызывавшие расколы и трещины в земной коре. Раскаленная масса по трещинам устремлялась вверх и выливалась на поверхность земли, но чаще на дно моря. Лава подвергалась быстрому охлаждению, при этом в ней возникали пустоты и жеоды, по стенкам которых при сложных гидрохимических процессах выкристаллизовывались все те элементы и соединения, которые в виде газообразных веществ насыщали расплавленную массу.

Теперь Тиманский кряж невысок. Ряд отдельных сопок и гряд возвышается над ровной, унылой тундрой. И лишь по рекам и ущельям высится мрачные, черные базальтовые скалы — свиде-

тели грандиозных событий. Основное богатство базальтов — минералы. Практический интерес к ним возникает в связи с наличием кристаллов прозрачного кварца и аметиста, дымчатого кварца и исландского шпата, халцедона, агата различных оттенков. Но значение базальтов для промышленности представляется лишь в комплексном их использовании, поскольку минералы в них редки.

Самым интересным из известных полезных ископаемых на Северном Тимане оказалось угольное месторождение девонских отложений на реке Волонге, в 17 километрах выше поселка. Близость его к морю и к Архангельску вызвала интерес к этому месторождению угольной промышленности. В 1939 году здесь началась разведка, а мои работы в 1939—1941 годах были связаны с вопросами нефтегазоносности Большеземельской тундры.

Поиски марганцевых руд

Шел тяжелый 1942 год. Фашисты оккупировали Украину. Страна лишилась месторождений важных полезных ископаемых. Восполнить эту потерю могли лишь северные районы, но для этого надо было проводить исследования на территории малоизученного края. Небольшая группа геологов Северного геологического управления эвакуировалась из Архангельска в Сыктывкар. Все изыскательские работы управления ввиду ограниченности средств сосредоточились на проверке заявок на полезные ископаемые.

Заявок таких было множество, что доставляло нам немало хлопот. Помню, как-то из Котласа получили сообщение, что в Сольвычегодске, в одном из соляных колодцев, в которых еще купцы Строгановы в XVI веке добывали соль, появились нефтяные пленки. Я прибыл в Котлас, и отсюда мы вместе с председателем горисполкома выехали на лошадях в Сольвычегодск. Осмотрев колодец, мы выяснили, что масло, которым была вымазана его келья, и нефтяные пленки на воде имеют весьма заурядный источник: им оказался качавший воду насос.

Нужно было проверить заявку на марганцевые руды в районе деревни Пашня на реке Печоре. Я вылетел на маленьком самолете из Сыктывкара в Троицко-Печорск, где взял напрокат лодку и нанял двух рабочих.

Поскольку марганцевые руды приурочены либо к аллювиальным отложениям, либо к четвертичным послеледниковым, я решил осмотреть весь отрезок Средней Печоры, от Троицко-Печорска до будущего города Печора, и захватить часть Усы несколько выше устья Лемвы. Мне пришлось вести картирование террас и тщательно осматривать все берега.

У деревни Пашня действительно в канавах обнаружили рудное тело, но месторождение это по запасам марганцевой руды не имело практического значения. По пути следования останавливались в каждой деревне и расспрашивали жителей. За последние годы на Печоре выросло много новых населенных пунктов. По берегам Печоры простирались засеянные ячменем поля, в то время как ранее, кроме картофеля, здесь ничего не выращивали. В деревне Подчерье нам сказали, что на реке Побчерем, километрах в двадцати от устья, есть то, что мы ищем. Поднимаемся по Побчерему до единственной и последней деревни Орловки. Но ничего похожего на марганцевую руду мы не обнаружили, если не считать тех же бурых окислов железа.

От Подчерья мы спустились по Печоре до Еджид-Кыртинского месторождения, где в эти годы добывался уголь для Печорского пароходства. В Еджид-Кырте я расстался со своими лодочниками. Они погрузили лодку на корму парохода и отплыли вверх по Печоре в Троицко-Печорск, а я — вниз по Печоре с другим пароходом, а затем по Усе до Сивой Маски, где осмотрел аналогичные пучорским железо-марганцевые окислы, также цементирующие аллювиальные пески и галечники. Надо сказать, что подобные рудопроявления встречались во многих местах, но либо слишком малы были линзы, либо мала концентрация окислов. Тем не менее эти «бедные» марганцевые руды в условиях военного времени могли бы найти себе применение. Надо было только выяснить, что выгоднее: завозить марганец из Казахстана или обогащать на месте добытую марганцевую руду из мелких месторождений.

В это время Северное геологическое управление проводило разведочные работы на сидеритовом месторождении реки Кожим. Аналогичные Кожимскому месторождению руды были обнаружены на левом притоке Нерничьяиоль. Но разведка показала нецелесообразность эксплуатации этих месторождений. Однако вопрос о поисках железных руд на западном склоне Урала и в прилегающих к нему районах оставался актуальным, поэтому в последующие годы предпринимались самые тщательные поиски во всех районах, где были известны признаки рудопроявлений.

Поиски железных руд

Полевой период 1943 года я провел на реке Большой Сыне в поисках рудоносных толщ, аналогичных Усть-Бердышскому месторождению на реке Унье. Из Сыктывкара я выехал с геологом Верой Чумаковой и двумя коллекторами — Валей и Ниной. В Усть-Усе сельсовет выделил нам пятерых девушек, двух ребят лет по

16—17 и шестидесятипятилетнего Ивана Трифоновича, прозванного за остроумие и находчивость Мошкой.

Экспедиция оказалась нелегкой. Район работ — предгорья Урала — оставался таким же труднодоступным, как и в прежние годы. Время тяжелое — война в самом разгаре. Ощущался недостаток в продовольствии. С продовольственными карточками, выданными нам на три месяца, мы приехали в Усть-Усу, где отоварились только за два месяца. В селе с трудом отыскали четыре плохонькие лодки, на которые еле-еле вместили свое имущество.

Четыре лодочки под громкими названиями «Линкор», «Крейсер», «Канонерка» и «Дредноуд» в одно прекрасное утро отплыли от берега. На каждой лодке находилась группа из трех человек. Расстояние от Усть-Усы до устья Большой Сыни покрыли за два дня и решили пополнить свои продовольственные запасы. Зайдавшиеся рыболова щуки хватали блесну наперегонки. За каких-нибудь 20—30 минут поймали штук пятнадцать: ловили все.

Работа началась у обнажения «Красный Камень». Все рыли канавы. У скал «Сокотово» пришлось расчищать склон берега на протяжении 70 метров вдоль реки. Именно здесь предполагалось встретить рудоносную глинистую толщу, ту самую, которая на Кожиме содержит конкреции сидерита Fe_2CO_3 . В трех и в одиннадцати километрах выше по реке надо было рыть канавы двухметровой глубины, чтобы обнаружить контакт пород каменноугольной и пермской систем. Здесь могли концентрироваться различные рудные полезные ископаемые.

Да, рытье канав — это не геологическая съемка. Земляные работы пагоняли аппетит, и вскоре продукты оказались на исходе. Рыба изрядно надоела, ягоды были только лакомством. В какой-то мере спасали нас грибы. Ужас сколько их уродилось в это лето в лесах по Большой Сыне. Девушки за 15—20 минут набирали по мешку подсивинников и подберезовиков. Варили ведрами, но голоды утолить не могли. Пришлось отправиться за продуктами в Кожву. Поехали трое: Настя, Тихон и Валя.

Пока вели земляные работы, я решил подняться на лодке с тремя рабочими вверх по реке до самых верховий. Мы близко подошли к северной оконечности хребта Сабля. Погода стояла изумительная. Мошка остался у лодки. Мы втроем прошли несколько километров вверх по реке, а затем свернули в сказочно густой лес. Анастасия и Михаил стали отставать. В редколесье появились заросли кустов малины. Вкусные, ароматные ягоды заставили нас остановиться. Их здесь было столько, что впору собирать в корзинки, да, к счастью, у нас их не оказалось, а то бы мои спутники не прочь были поменять далекие горизонты на малину.

Мы вышли из лесной полосы, и перед нами открылся вид на

долину реки Печоры, плёсы которой, как озера, поблескивали зеркальной гладью среди зеленых массивов. А под ногами всюду крупные глыбы розовых кварцитов, тех самых, которые слагают Колокольню, Обеиз и многие другие хребты Полярного Урала. Как по лестнице, покрытой мягким мхом, мы поднимались выше по кварцитовым плитам пологого склона, но скоро вошли в область нагромождения скал. Склон стал круче. Выискали путь среди беспорядочных выступов острых гребней и глыб вулканической брекции рифейского возраста. Я заметил, что мой компас отклоняется на целые румбы. Оказалось, что на него действовал минерал магнетит, содержащийся в вулканической брекции. Почти обессиленные, достигли мы вершины северной части хребта Сабля — 1180 метров абсолютной высоты. Перед глазами — грандиозная картина неприступного восточного склона хребта, обрывающегося в кары. Яркой белизной сверкали поля снежников. Саблевидный пик находился в 14—15 километрах от нас. А далее на востоке в бледной воздушной дымке одна за другой тонули горы с остроконечными вершинами, которыми я любовался в 1935 году с горы Колокольня. Уже темнело, когда мы спустились со склона и пошли к реке на огонь костра, который поддерживал Мошка, не жалея дров.

За пять дней, пока мы отсутствовали, «землекопы» закопчили рытье канав. У «Сокотово» действительно оказалась глинистая толща, но она содержала еще меньшее количество конкреций сидерита, чем на Кожиме. В местечке Извятос-Ямы количество сидеритовых конкреций оказалось больше, чем у «Сокотово». Но оба месторождения из-за малой мощности рудоносной толщи не представляли интереса. В трех километрах от «Сокотово», опять-таки на границе каменноугольных и нижнепермских пород, мы встретили толщу выветренных пород, содержащую желвачки и линзочки бурого железняка. Отдельные образцы содержали до 50 процентов окислов железа, но и это месторождение не представляло интереса. Условия залегания толщи действительно оказались аналогичными условиям на Усть-Бердынском месторождении.

Тщетными оказались наши поиски рудных полезных ископаемых на реке Большой Сыне. Эксплуатация найденных здесь месторождений была бы нерентабельной.

Снова на коварный Кожим

В 1944 году Северное геологическое управление, кроме разведочных работ на Кожимском железорудном месторождении, проводило детальные геологические исследования и на притоках Кожима. Я возглавил партию из 11 человек. Одиннадцатым ее чле-

ном стал мой двенадцатилетний сын Вадим. Из Княж-Погоста мы выехали по вновь выстроенной ширококолейной железной дороге. По договоренности с машинистом у железнодорожного моста через Кожим мы быстро выгрузились на высокую насыпь правого берега реки и здесь основали свой первый лагерь.

Надо было найти шестерых рабочих для подъема трех лодок вверх по коварной реке. Кожим я хорошо знал, бывал на нем дважды и поэтому пытался найти рабочих из местного населения. Но в деревне Кожим нашлась лишь пожилая женщина, совершенно не знавшая русского языка. И все-таки я согласился зачислить ее в штат. За остальными рабочими мне пришлось выехать на рудник Инту, где нашел пятерых людей разных национальностей: это были татарин, украинец, грузин, эстонец и русский.

Беда была в том, что ни один из них не имел дела с лодками. В Кожве мы приобрели три старые лодки, достали паклю, смолу и вар для их ремонта. Теперь надо было обеспечить себя на все лето провизией, так как в районе исследований не было ни единого населенного пункта. Я хорошо помнил прошлый год, и мне не хотелось, чтобы люди ощущали недостаток в продовольствии. С двумя помощниками я выехал в Абезь — это более 100 километров по железной дороге от Кожима — с намерением отоварить карточки в Управлении строительства дорог. Я робко вошел в кабинет начальника строительства, но он встретил меня довольно любезно и разрешил получить продукты на базе строительства. Мы подкатили к базе на грузовике и нагрузили его такими продуктами, о которых и не мечтали. Кроме черной муки нам дали мешок белой, свиную тушенку, бекон, сосиски в масле, конченый окорок, сухие овощи, картофель, сахар, масло сливочное и топленое, печенье, крупы, в том числе гречку и рис. Но самое главное — на все карточки выдали махорку. Целый мешок махорки! Махорка в военное время! Да это же богатство! Я вспомнил, как в 1921 году в Сыктывкаре местные власти вместо денег дали отцу соль, и она оказала ему большую услугу в работе. Нас же из каждого затруднительного положения выручала махорка. Часть ее мы тут же обменяли на хлеб.

Всех продуктов оказалось с полгрузовика. Мы заторопились к поезду, ходившему на юг раз в сутки. Грузовик подкатил к первому, когда уже был дан звонок к отправлению поезда. Я стал упрашивать начальника станции дать нам возможность погрузиться. Но он категорически отказался задерживать поезд. Я его понимал, но это ставило нас в тяжелое положение. Надо было разгрузить продукты и охранять их целые сутки в ожидании следующего поезда. И тут я с досады предложил ему... махорки. Начальник станции оживился. «Ребята, поможем экспедиции погру-

зиться в вагон!» — обратился он к машинисту и проводникам ближайших вагонов. Все бросились к нашему грузовику, и через две-три минуты наше продовольствие оказалось в вагоне. Я щедро награждал горстями махорки подходивших ко мне по очереди довольных помощников.

На приготовления ушел целый месяц. Наконец все было готово к отплытию. Можно представить, с какими приключениями мы поднимались по Кожиму. Из всех работников надо было выбрать самых способных для управления лодками. Тащить бечеву — куда ни плю. Здесь важна сила. Но направить лодку навстречу течению и пройти мимо опасных мест оказалось нелегкой задачей, несмотря на все мои наставления. И правильно! Я хотел научить людей управлять лодкой за несколько уроков, хотя сам-то приобрел это умение далеко не сразу. Оставалось терпеть и вспоминать местных рабочих из деревни Кожим, которые владели этим мастерством по традиции, но все они ушли на фронт. Меня радовало, что наш коллектив сплотился в дружную семью. Люди разных национальностей подружились, сжились и хотели работать. Каждая пара в лодке старалась работать слаженно. Дружнее всех оказались Ульяна и Ахмет. Самая деловая и спокойная обстановка царила в нашей экспедиции. С известными трудностями, но без аварий мы подошли к северной оконечности хребта Обеиз и остановились у ручья Пальник-Шор.

На другое утро чуть свет отправились в маршрут в четвером. Ручей, сбегая с гор, выработал глубокую долину, как бы расшилив Обеиз на два отрога. Он был мелководен, но вода скатывалась бурным, пенистым потоком. Скалы поросли густым еловым лесом. Скоро стал ощущаться подъем, но лишь к вечеру мы подошли к крутым склонам. Нам хотелось выбраться из лесной полосы или заночевать где-нибудь на ее окраине, чтобы с первыми лучами солнца подняться на вершину. Мы немножко перекусили и решили продолжить путь. Но скоро солнце скрылось в горах, в лесу стало темно и тихо. Разожгли большой костер и вокруг него стали готовиться к ночлегу.

Рано утром продолжали подъем. Шли тихо, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь к обеду. Я был впереди и держал наперевес мелкокалиберку. Вдруг до меня донесся еле слышимый шорох. Я остановился в ожидании, но увидел всего-навсего преследование одного зверька другим. Оба они бегали по стволу толстой ели сверху вниз и обратно. Наконец один из них разделялся со своей жертвой у меня на глазах. Я не выдержал и выстрелил в хищника. Это оказалась низь — помесь соболя с куницей. Жертвой хищника стала белка. Местные охотники сообщили, что мне пришлось быть наблюдателем редкого явления.

Ручей затерялся в лесной чаще. Мы свернули на восток и стали карабкаться по его крутыму скалистому склону. Выбравшись из лесной полосы, замечаем, как с каждым пройденным десятком метров все шире развертывается панорама гор: на севере — приветливая долина Кожима, покрытая еловым лесом, кое-где среди леса блестят зеркала воды озер; на востоке, за большим левым притоком Дурной, — величественный хребет Западные Саледы, а за ним — горные пики Приполярного Урала с отвесными склонами, карами и снежными полями. Видно, как к югу Обеиз постепенно повышается. На западном его отроге открылся ледниковый ландшафт. Покровный ледник, надвигавшийся с востока из более высокогорной области Уральского хребта, оставил здесь целое море валунов чуждой породы и изрезал склон характерными ледниковыми долинами: троговыми (корытообразными), висячими, обрывающимися отвесно вниз, режущими поперек западный отрог Обеиз. С высоты мы рассмотрели, что Пальник-Шор в верховьях размывает дно хорошо сохранившейся троговой долины, приуроченной к синклинальному прогибу обеизского антиклинального поднятия.

Поворачиваясь вокруг, я поскользнулся и съехал с шаткой кварцитовой плиты, сильно ушибив ногу. Я нагнулся, и мое внимание привлекла злополучная глыба, о которую я ушибся. Всматриваюсь уже который раз в эти однообразные кварциты и не верю своим глазам: глыба усеяна бугорками. Да это же ядра брахиопод! Но тут же усомнился в поспешном выводе. Я стал ползать по плитам и всюду видел бугорки. Поразительно! Как они мне раньше не попадались на глаза? Ведь это же находка, да еще какая! Кварциты, достигающие 1500 метров мощности, слагают целые хребты и горные вершины, а геологи не знают, какого они возраста. Считалось, что кварциты относятся к нижнему палеозою, то есть к кембрию. Никто не мог указать более точно время их образования. Не хватало как раз того, что теперь лежало под моими ногами. Я набрал столько образцов, что каждому из нас пришлось нести по рюкзаку, надеясь из большого количества найти подходящие для определения экземпляры. Одну из плит я сфотографировал. Я понимал, что моя находка — открытие. Узнать возраст огромной толщи, слагающей хребты такого горного сооружения, как Урал! На моем бы месте каждый испытывал такое же чувство гордости. На обратном пути я продолжал приглядываться к «загадочным» бугоркам, но они скоро исчезли. Ниже по склону я их не нашел.

Свои драгоценные образцы я отправил из Сыктывкара в Москву специалисту-палеонтологу по древним брахиоподам А. Н. Сокольской. Достоверным стало то, что толщи «немых» песчаников

формировались в тремадокском веке, то есть в самое раннее время ордовикской эпохи, или во время второй эпохи после самой древней кембрийской палеозойской эры. Брахиоподы назвали красивым именем «ангарелла», так как впервые такие раковины были найдены на реке Ангаре в Сибири. Эта новость быстро облетела всех геологов, работающих в Печорском крае. А на геологической карте Приполярного Урала появились широкие полосы зеленого цвета, обозначающие отложения ордовикского возраста.

Мы обследовали реку Кожим до хребта Западные Саледы. Детальные исследования притоков отнимали много времени. В результате удалось полностью охарактеризовать геологическое строение района, но поиски рудных месторождений не увенчались успехом. По заснеженным тропам мы вернулись с реки Кожим к железнодорожному мосту. Сердечно рас прощались с нашим многонациональным коллективом рабочих. Обуроваемые страстью путешествовать по Уралу, все они в один голос пожелали нам благополучного возвращения на будущий год.

По высоким вершинам Приполярного Урала

Следующий год был особенным. Отгремели победоносные салюты. Все человечество вздохнуло с облегчением. Но русскому народу предстояло залечивать раны, нанесенные четырехлетней войной. В стране ощущался недостаток различного сырья, и в первую очередь железа.

Тщательные поиски перспективных железорудных месторождений в Печорском Приуралье не дали положительных результатов. Но зимой 1945 года у геологов вновь появилась надежда выявить такие месторождения поблизости от места добычи коксующегося угля. Еще в 1943 году в центральной части Приполярного Урала, в самых верховьях Вангира, у ручья Рудного, разведчики обнаружили выходы железных руд. В связи с этим Северное геологическое управление вновь организовало большую поисково-съемочную экспедицию на Приполярный Урал под руководством инженера А. И. Лебединцева и главного геолога М. М. Ермолова.

От Аранца по зимнему пути потянулись обозы с грузом в истории реки Большой Сыни, где предполагалось организовать перевалочную базу. Большую помощь экспедиции оказал двухместный самолетик, который летал от Аранца к базе и сбрасывал грузы. Геологи и разведчики двинулись к месту работ в конце мая. Двум геологическим партиям предстояло произвести площадную съемку с попутными поисками новых месторождений на территории 1500

квадратных километров. Мой район работ располагался к западу от указанного месторождения руд. На юге от него должна была провести съемку В. А. Чумакова. Руководство экспедиции все внимание сосредоточило на востоке, то есть на самом месторождении.

Предполагалось, что все мы соберемся на перевалочной базе и отсюда разъедемся каждый к своему месту назначения. Задача добраться до базы оказалась первостепенной важности. Транспорт — лошади. Территория работ располагалась в труднодоступной высочайшей части Приполярного Урала. На пути к месторождению надо было преодолеть ряд горных вершин с крутыми склонами, в том числе хребет Сабля.

Дорога от Аранца до Сабли мне была хорошо знакома еще с 1926 года, когда мы перебирались в верховья Большой Сыни. Мне было больше по душе подняться дедовским способом по Вангыру на лодках. С годами я убедился, что это самый верный путь к успеху. Нас было восемь человек: два коллектора, трое рабочих, мой сын и я. Через сельсовет в Кожиме мне удалось нанять Ивана Мартюшова, который работал с нами еще в 1935 году. Он прекрасно управлял лодкой. Второй лодкой пришлось управлять самому, а четверо остальных мужчин тянули лодки бечевой.

Вангыр — левый приток Косью — впадает в нее там, где Косью меняет меридиональное направление на широтное — в сторону Урала. Через 35 километров от устья Вангыр так же круто поворачивает на восток. До этого поворота от Кожимвома — 110 километров. Этот участок пути оказался самым трудным. Стояла жаркая погода. Под лучами июньского солнца в горах таял снег. Наступила пора второго разлива горных рек. Вангыр встретил нас бурным, стремительным потоком. Нам удавалось за день пройти не более десяти километров. Но зато на этом отрезке совсем не было порогов. Вздувшаяся река залила не только уступы, но и пойменные террасы. За поворотом на восток Вангыр резко изменился: 15 километров тянулся сплошной порог. Лодки протаскивали среди камней около самого берега по пояс в воде. Мокли, мерзли, уставали и на каждом километре разжигали костры, сушили одежду, грелись только для того, чтобы тут же войти в ледяную воду разбушевавшейся реки. Три дня преодолевали порог. Затем река успокоилась, и мы добрались до правых притоков — Ягинея и Хароты. Проплыли Ягиней, а у устья Хароты, на надпойменной террасе, разбили лагерь. Мы находились в северо-западном углу нашего района. Отсюда решено было исследовать территорию пешими маршрутами. После трудного, утомительного двенадцатидневного пути устроили первую дневку.

Место нашего лагеря оказалось весьма живописным: палатки стояли под раскидистыми елями на мягком моховом ковре. Визу

уже более спокойно бежал Вангыр в зеленых террасовидных берегах. Далее от реки поднимались лесистые склоны предгорий, а над ними вознес свои вершины хребет Курсомбай. Его крутой голый западный склон находился в четырех-пяти километрах от нас. Я решил сверху, с высоты птичьего полета, окинуть взором «свои владения» и наметить предстоящие нам маршруты.

Вчетвером вышли из лагеря и направились к ближайшей вершине, тогда мы еще не знали ее названия. Шли по низкому берегу реки, прокладывая тропику в зарослях кустарника, и незаметно для себя оказались в прекрасном, но совершенно диком еловово-березовом лесу. Ощутили мягкий, пологий подъем. Кругом гряды конечной морены, представляющие зеленые, лесистые холмы. Они тянулись вплоть до подножия облюбованной нами вершины. За одним из холмов поднимался крутой склон горы, поросший еловым лесом. Древний склон и старый лес. Могучие ветви толстых елей опутаны седыми длинными бородатыми лишайниками. Карабкались по склону, цепляясь за ветки. Солнце припекало, становилось жарко, за каждым из нас вился рой комаров. Лишь через три часа мы выбрались из лесной полосы, но подъем не стал легче, потому что склон становился круче. С величайшей осторожностью, выбирая место для ноги, переступали с плиты на плиту все тех же осипей розовых кварцитов. Молодежь устала, но не думала возвращаться. Панорама горных цепей увлекала всех в одинаковой мере. Вот заблестели плёсы Вангира. Средь темного моря лесов выросла плоской вершиной Лаптопая, за ней выступили резкие контуры хребта Сабля.

Через три часа утомительного пути по крутому скалистому склону достигли вершины высотой километр с небольшим над уровнем моря. На западе увидели Печору. Из леса сизой струйкой вился паровозный дымок. Развернувшись перед нами горные хребты на востоке, юге и севере не соответствовали топографии, которую я держал перед собой. Я наметил множество интересных маршрутов, но осуществить их удалось не все.

Безымянная вершина, как я подметил, отличалась от других исследованных мною вершин Урала. Из-под кварцитовойтолщи здесь обнажались конгломераты из крупной кварцевой гальки, поблескивающие золотистым цементом. Но проследить весь контакт конгломератов с кварцитами не удалось. Откуда-то налетел сильный порывистый ветер, нагнал черные тучи, и весь запас воды, думается, вылился на нас. Нам ничего не оставалось, как броситься вниз по склону. На голом плато не оказалось ни единого места для укрытия; спускались вниз под проливным дождем, подхлестываемые свистящим ветром.

Бородатые ели оказали нам огромную услугу. Они вспыхнули,

как порох. Около костра устроили примитивный шалаш и переждали дождь, подсушив промокшую одежду и только тогда пошли к палаткам. Дорогой решили, что вершина будет называться Конгломератовой. Это название существует и по сей день.

На другой день отправились на озера, приотившиеся неподалеку от Вангира, замеченные нами с вершины. От озер к реке тянулись узкие, совершенно заросшие протоки. Шли по одной из них. Издали перед нами открывалась картина совершенно изумительной красоты: холмистый рельеф Русской равнины и два озера. Подошли к одному из них: в спокойной голубой глади воды отражались горные вершины и богатая растительность, которая завладела окружающей местностью. Прозрачная вода омывала песчаное ложе озера, и чистая полоска песка окаймляла его почти круглую форму. Спокойствие озера нарушила брошенная мною блесна. То, что мы увидели, нас поразило: за блесной гнались восемь — десять крупных окуней. А далее я не успевал забрасывать блесну; без труда выловил штук пятнадцать по килограмму весом каждый. Окуни оказались отменными.

Так как мы обосновались здесь надолго, то решили, что будем с рыбой. У нас был певод метров пятьдесят длиной. Сформировали рыбачкую артель: два старика и парнишка.

В середине июля отправились в горы на семь дней. Путь лежал вверх по правому притоку Вангира — Ягинею. Стояла жаркая, почти южная погода. На голове густые зеленые сетки, тугозавязанные на шее, — защита от комаров, за плечами солидный груз: если спальные мешки, брезент (тент) для шалаша, инструменты и провизию. Вытянулись цепочкой, пронираясь сквозь кустарник, который буквально завладел берегами Ягинея. Иногда шли по самой воде: через заросли пробраться невозможно.

Выходов коренных пород не было. Останавливались лишь для того, чтобы освежиться и напиться вкусной уральской воды. Прошли километров пятнадцать и почти вплотную приблизились к западному склону хребта Курсомбой. Только здесь встретились первые выходы коренных пород — это были известняки ордовика. Далее маленький ручеек увлекал нас в глубокое ущелье. Не сразу поняли мои спутники, кто могучее в этом царстве гор: то ли каменные громады зажали в тисках речушку, то ли она испытывала свою силу на крепких древних породах. Верно, последнее. Прошло немало веков с тех пор, как маленький ручеек врезался в толщу горных пород и распил ее, проложив себе неудобное русло. Сюда не проникали даже лучи солнца. На северных склонах сохранились значительные снежники. В обнажениях хорошо были видны кварцитовидные розоватые и малиновые песчаники — все те же, полоса которых тянулась далеко на север, в сторону рек

Косью и Кожим. Западный склон Курсомбоя состоял из четырех антиклиналей.

Вещи оставили под горой и начали подъем по крутому северному склону. Трудная тропа вывела нас к большому кару с вечным снегом. Ниже его покоилось холодное каровое озеро, выше отвесно поднималась пикообразная вершина более 1400 метров абсолютной высоты. Нашли удобный путь к пику и поднялись на него. Отсюда заметили, что далее, на юге, возвышаются еще два пика с карами, обращенными на север. Вспомнил, что все три пика хорошо были видны мной с Колокольни в 1935 году. Моя мечты сбывались, хотя и через десять лет.

Ягиней повернул на юг и в этом направлении совсем маленькой речушкой извивался в каменистом русле. По склонам обнажились верхние слои обезской толщи. Бродили по воде от скалы к скале и в одном из обнажений нашли весьма редкие раковины ангарелл. С правой стороны в Ягиней врезался ручей, и нам предстоит путь по нему. У его устья опять устраиваем лагерь-склад и с пустыми рюкзаками идем вверх. Ручей шумел, бурлил, пенился, не предвещая хорошей дороги. Карабкались по скользким каменистым плитам крутого склона. Подошли к первому водопаду. Ручей низвергался со стометровой высоты с несколько наклонной плоскости кварцитов красного цвета. В склонах — те же кварциты, каждый пласт метр толщиной. На вымытой и выглаженной водой поверхности кварцитов была видна косая слоистость, напоминающая дельтовую или прибрежно-морскую слоистость. По всей вероятности, на месте этого бурного ручья в далеком геологическом прошлом простирался спокойный пляж. Выше водопада ручей тек в узком ущелье каскадом водопадов протяженностью до пяти километров. Назвали ручей Водопадным.

Выходим на своеобразное каменистое плато, как будто бы специально вымощенное толстыми плитами песчаника. Высота — 1400 метров над уровнем моря. Песчаники залегали здесь почти горизонтально, в то время как в береговых разрезах эти же пласти круто падали на запад. С трудом представляется сила тех горообразовательных процессов, которые смяли эту толщу песчаников в складки 150 миллионов лет назад.

Горный прохладный воздух, покой и тишина располагали нас к отдыху, который мы позволили себе после долгого пути. Местечко оказалось удобным, здесь даже не было комаров. Лежали на ровных песчаных плитах, пригретых солнцем.

День уже клонился к вечеру, солнце пряталось в горах, когда мы начали спуск к месту ночевки. К ночи похолодало. Пришлось разжечь костер из лиственниц, затем на золу положили ветки и улеглись на теплое ложе.

Четвертый день нашего пребывания в горах провели на правом истоке Ягинея, который протянулся далеко на юго-восток. Целый день шли в окружении серого, однообразного ландшафта по троговой долине, созданной ледниками и водами в толще кварцитовых пород. Правый борт истока поднимался полого, левый — круче и заканчивался отвесными караами, увенчанными характерными нависающими пиками. Высота каждого пика — 1500 метров. У подножия кара плескались небольшие озера с чистой, прозрачной водой. Все кругом голо. Лишь у самой воды редко встречались жалкие лиственницы. Исток ручья вывел нас к подножию висячей троговой долины. И здесь в обрывах из-под кварцитов обнажались конгломераты с кварцевыми жилами до полуметра толщиной. В них мы обнаружили первые рудопроявления в виде лиловатого гематита (железной руды) и кристаллов пирита (серного колчедана). В одном месте неожиданно увидели породы, не встречавшиеся на западном склоне Приполярного Урала. Это были кварцевые порфиры более древнего рифейского возраста, обнажавшиеся в так называемом эрозионном «окне». По контакту в конгломератах видны тонкие до 3—5 сантиметров прожилки гематита. Очевидно, выделявшиеся из магмы пары и газы приносили сюда окись железа. Рудопроявления сами по себе незначительные, по тем не менее они подтвердили правильность выводов геологов.

Отсюда карабкались по круче узкого гребня. В верховьях Хароты наблюдали развитие рифейских пород. Конгломераты уцелели от разрушения и представляли собой обломки некогда высоких горных пиков. Через полтора часа начали спуск вниз по склону и оказались в долине ручья. В лагерь вернулись очень поздно, уставшие, но в приподнятом настроении от впечатлений дня. Не прошло и часа, как все уснули крепчайшим сном.

На другой день ранним утром вышли в маршрут по левому истоку Ягинея. Погода благоприятствовала нашим походам. Стояли солнечные, ясные июльские дни. Исток увел нас далеко на юг, в горы, служившие водоразделом Ягинея и Хароты. За Харотой с вершин на юге была видна цепочка горных хребтов, возвышающихся по всей линии горизонта и поднимающихся за пределы облаков.

На этом заканчивались наши семидневные странствования по горам. Все удобные в этом направлении пути пройдены. Последний раз окинули взором панораму гор и стали спускаться вниз. Теперь надо добираться до лагеря с тяжелым грузом камней. Обратный путь проделали за два дня. И наконец мы у уютного костра. Надо было отдать должное нашему повару, у которого в запасе оказалась рыба соленая, вареная, копченая и жареная.

Чтобы дать некоторую передышку и себе и людям, я решил воздержаться от длинных маршрутов, а пока исследовать близлежащие вершины. Каждый день мы уходили в горы втроем. Усталые, возвращались с полными рюкзаками образцов к палаткам, где ласково горел костер и ждал ужин. Устраивались у костра, делались впечатлениями, хвастались находками.

Через несколько дней мы отправились вверх по Хароте в глубь пикообразных хребтов, в область развития рифейских кристаллических сланцев. На трети сутки подошли к месту назначения. У последнего лиственничного лесочка нашли место для бивака. Отсюда намеревались исследовать все доступные вершины. Два небольших тента растянули между деревьями. Под каждым натянули ситцевый полог.

Трудным оказался второй этап нашей горной жизни. По каменистым ручьям, по узким ущельям, по кручам гор под палящими лучами солнца и пронизывающим дождем на собственных спинах переносили грузы продовольствия и камней. Пока полярный день не сменялся ночью — часов не наблюдали и даже забывали, когда выходили из лагеря.

По каменистым склонам Курсомбоя шли вдоль узкой голой, беслесной долины Хароты. Заглядывали во все ущелья, из которых выбегают горные ручьи. Левому ручью дали название Большой, правому — Красный, затем Хрустальный. Многие ручьи и вершины приобретали названия и наносились на карту. С каждым днем приближались к высокогорной области Уральского хребта. Обнажались метаморфические сланцы осадочного происхождения, переслаивающиеся с эфузивными кислыми и основными породами, которые прорывались гранитами и габбро-диоритами. По контакту гранитов с мраморизованными известняками встречали линзы марганцевой руды до полуметра длиной, тонкие жилки асбеста, или горного льна, и включения гематита. Но однажды я увидел под ногами то, чего менее всего ожидал.

Подошли к истокам Хароты. Последние километры карабкались по осыпям крутого склона и заметили граневые кристаллы горного хрусталя. Чем выше по склону, тем больше кристаллов. Наконец нашли кристаллы в коренном залегании. Поиски разжигали азарт. Искали всюду. И вот мы на вершине. Здесь в кварцах по жеодам и трещинам обнаружили небольшие друзы и моно-кристаллы безростков и двойников совершенно прозрачного пьезокварца. Сомнения исчезли. Найдено месторождение сырья, ценного и необходимого в радиотехнической промышленности. Я подумал, что геологи, искавшие до нас в этом районе пьезокварц, не утруждали себя «лазанием» по высоким хребтам. Мне осталось лишь возблагодарить судьбу за то, что она уготовила мне это

открытие. Но я не назвал бы это и удачей, на которую часто ссылаются «неудачные геологи». Это скорее страсть и большое увлечение, без которых работа геолога иногда сводится на нет.

Решили пойти на разведку к среднему течению Рудного, где должна работать партия Садовского. Очень хотелось узнать, как прошли разведчики и какие результаты достигнуты. Через два часа нашли Садовского в унылом настроении. Оказалось, что работа фактически еще не начата. На аранецких болотах погибло несколько лошадей, и партия разбрелась по волоку. Лошадей пристреливали, увеличивая тем самым запасы провизии. Но это осложняло проблему передвижения. Разведчики только благоустраивались. Посочувствовав и снабдив их рыбой, мы расстаемся. Позже они неоднократно приходили к нам пешком и на лошадях и всегда уходили с рыбой.

Геологическую съемку северной половины исследуемой территории закончили. Предстоял путь в самую юго-восточную часть, куда Вангыр протягивался своими верховьями. У устья Ягинея под деревьями оставили склад: все собранные коллекции и запасы хорошо просоленной рыбы. С собой взяли только самое необходимое спаряжение и трехнедельный запас провизии. Шли вверх по Вангыру, тащили за собой две лодки, без которых не могли бы собрать все коллекции, которые увеличивались с каждым днем и которые приходилось оставлять на реке на промежуточных складах.

Остановились против горы Конгломератовой, до которой всего два километра. Детально обследовали крутой склон с северной стороны, где обнажились лишь песчаники и конгломераты. Но на самой вершине, так же как и в верховьях Хароты, из-под конгломератов выступали рифейские сланцы. Шли вдоль довольно узкого гребня. Восточный склон его слагали те же конгломераты, но пласти его падали уже не на запад, а на восток. Отчетливо прослеживалась антиклинальная складка, в центре которой залегли и обнажались древние рифейские породы. Они вызывали особый интерес. Но рюкзаки за плечами были нагружены до отказа.

На следующий день на гребне находим новые породы: рифейские сланцы прорваны гранитами; именно с ними связаны рудные полезные ископаемые, но найти их не удалось и на этой вершине.

Продвинулись по Вангыру еще на пять километров и стали базироваться заново. Обследовали южную часть горы Конгломератовой и проследили на вершине на протяжении семи километров вдоль Вангыра полосу гранитов. Гранитная магма попала в эти породы в результате процессов горообразования и застыла в глубинах в виде мощного массива. Три следующих дня прошли в беспрерывных, но тщетных поисках рудных месторождений.

Поднялись по Вангыру на семь километров. Разбили лагерь против горы, названной нами Шапка (Сундук). Здесь Вангыр меандрировал среди моренных нагромождений. По долине раскинулся первобытный елово-березовый лес. Выше река текла в ярко выраженной троговой долине: всюду видны «бараньи лбы» и выглаженные ледником скалы. Русло мелкое, каменистое. Опасных порогов не было, но тем не менее этот отрезок реки доставил нам немало хлопот. Сухое, жаркое лето иссушило реку. В такую погоду хорошо бродить по горам. Шли по воде реки и купались чуть ли не по пояс в холодной пенистой уральской воде.

Шапка оказалась почти круглой горой до четырех километров в диаметре. Ее слагали кварциты ордовика, пласты которых стояли вертикально. Весь горный узел характеризовался наличием глубоких троговых долин, скалистых пиков, острых гребней, развитием каров, каровых озер и небольших ледничков. А разрез древних отложений что слоеный пирог, и каждый слой в нем соответствовал длительному периоду геологического времени.

Обошли Шапку с севера и запада и поднялись на ее вершину. Она достигала 1200 метров абсолютной высоты (800 метров над уровнем Вангыра). Спустились вниз, к озеру близ Войвожа, того самого ручья, где находилась основная база экспедиции. Здесь нас радушно встретил Петр Устинович, сторож, и умолял заночевать: видимо, скучал без людей. Вечером при закате солнца сидели с ним на берегу забытого и дикого, но прекрасного озера. За разговором я поймал четыре крупные кумжи.

Ранним утром направились на юго-восток и через горный массив вышли к Вангыру, к лодкам. На другой день нам удалось подняться по Вангыру всего лишь на три километра. Тащили лодки почти по сухому руслу, огибая немало островов. Это был тяжелый день «отдыха» от маршрутов в горы. окончательно обессиленные, встали на дневку. А на следующий день отправились вверх по Вангыру пешком до первого притока. Далее шли в горы по ручью. Он увел нас на восемь километров к северу, к водоразделу с Харотой. Назвали его Длинный. Ручей собирал воду со всех окружающих его горных вершин со снежниками, достигающими 1500 метров абсолютной высоты. Целый день бродили по горам среди скал и осыпей разнообразных метаморфических сланцев. Здесь были и белые кварциты с друзами горного хрусталия, и кварцевые порфиры, мраморизованные известняки, диабазы, граниты. Вдоль контакта гранитов с другими породами обнаружили небольших размеров гранато-магнетитовый скари. Удивительна картина частой смены огромного разнообразия пород, переплавленных гранитами и габбро-диабазами, смятых в причудливые складки! Потребуется много лет совместного труда геологов и петрографов,

чтобы разобраться в этом геологическом хаосе. И в самом деле, на протяжении последующих лет о строении этой части Приполярного Урала возникали всевозможные гипотезы.

Рюкзаки набиты до отказа. Из каждого образца будут сделаны прозрачные шлифы, и лишь только под микроскопом можно определить происхождение породы. Спустились с гор к лодкам, согнутые под тяжестью заплечных мешков. Чтобы сократить путь к стоянке, решили продвинуться вверх по Вангыру к самому устью ручья. В течение трех следующих дней обследовали ручей Длинный и окружающие его горы. Вангыр превратился в сплошной порог, но мы надеялись, что на обратном пути нам поможет осень. За два дня нам удалось подняться еще на шесть километров, до самого крутого поворота реки на север. Отсюда недалеко до разведчиков Садовского. Шли вверх по Рудному со съемкой. В выносах ручья заметили большое количество рудных тел метра по полтора в поперечнике.

Шли по северному борту долины Вангыра, увидели уцелевшие от разрушения в виде небольшого «острова» кварциты и конгломераты ордовика. К югу от Вангыра располагалась безымянная горная вершина, которую прорезал живописный ручей, названный нами Мраморным. От границы леса, вернее, от последних лиственниц выступали белые мраморы. В них обнаружили древние водоросли. В течение дня обошли вершину винтообразным маршрутом.

На другой день повернули обратно. Пока рабочие спускали лодку до устья Длинного, мы обследовали левый борт долины Вангыра и ушли далеко на юг вверх по безымянному ручью. Миновали невысокий перевал и вышли к истокам притока Большого Патока, впадающего в Щугор. Справа от Большого Патока, в шести километрах к югу, возвышалась вершина с грандиозным цирком на северо-восточной стороне. Подошли вплотную к подножию цирка. Под снежным полем плескалось холодное, безжизненное озеро. Пока осматривали цирк, изрядно промерзли, а на обратном пути нас застал долгожданный на Вангыре дождь. Было негде и нечем укрыться, мы лишь прибавили шагу.

От Шапки направились к истокам Войвожа, что в бассейне Большой Сыни, и Седью, впадающей в Большой Паток. Налегке пришли на основную базу экспедиции, к озерам, и жили здесь несколько дней, пока не осмотрели окрестности. С ближайших вершин открывалась величественная панорама восточного склона хребта Сабля. До него всего лишь три километра, но время позволяло нам только полюбоваться им издали. В центральной части склона виднелся главный пик хребта, подтачиваемый ледником Гофмана. Весь гребень Сабли венчали причудливые пики.

В конце августа погода стала портиться. Наш расчет оказался

правильным. Пока она нам благоприятствовала, мы обследовали самую высокогорную область. На плохую погоду оставили самый доступный объект — горный массив Лаптопай, или Плоский Камень. Он возвышался метров на пятьсот над уровнем Вангыра. Мы видели, что он не имеет узких гребней, но не знали, какие породы слагают его. Предполагали, что это должны быть более молодые отложения: если не ордовикские конгломераты и песчаники, то силурийские известняки.

С утра моросил дождь. Подошли к самому восточному склону Лаптопая и внизу, у подножия, нашли выходы лиловатых конгломератов и кварцитов ордовика. Но как только вышли из лесной полосы, увидели метаморфические сланцы рифея совсем другого типа, чем те, которые описывали до сих пор. В восточной части исследованного района обнажались наиболее древние породы рифея (мы назвали их вангырской свитой), в южной — более молодые (войвожская свита). Лаптопай слагали туфогенные песчаники, конгломераты и сланцы — самые молодые, или самые верхние, слои рифея стали называть лаптопайской свитой.

На всех геологических и географических картах изображен характерный изгиб Уральского хребта на северо-восток. Лаптопай как раз приходится на этот изгиб. Антиклинальные (выгнутые) и синклинальные (вогнутые) складки, из которых он состоит, меняют свое строго северное направление на северо-восточное. Было ясно, что отдельные вершины Урала, в том числе и Лаптопай, когда-то достигали девятикилометровой высоты, как некоторые пики Памира и Кавказа. Много миллионов лет прошло с тех пор. Работа разрушительных сил постепенно сносила с лица земли эти каменные громады и увенчанные снегом вершины. Были разрушены какая-то часть рифея, полуторатысячная толща конгломератов, кварцитов и сланцев ордовика, тысячечеметровая толща известняков ордовика, около полутора тысяч метров силурийских известняков, более 700 метров девонских известняков, 800 метров пород каменноугольного периода и около трех тысяч терригенных пород, песчаников и глинистых сланцев пермского периода. Все они и составляли в сумме 9 тысяч метров. От высочайшей горной вершины осталась горушка Плоский Камень, сложенная рифейскими породами и уцелевшими на них в виде небольших лоскутков конгломератами ордовика. Лаптопай, как и хребет Сабля, резко обрывается к северу в низину, где на продолжении этого массива развиты породы всей палеозойской эры, которые были опущены по крайней мере километра на три в результате грандиозного сброса в юго-восточном направлении. Вдоль него образовалась впадина, по которой с юго-востока на северо-запад и течет река Вангыр.

Последняя ночь в нашем лагере была холодной, тихой, лунной.

Перед предстоящим спуском по Вангыру мы спали неспокойно. Длинный вангырский порог бушевал. У крупных валунов вода склокотала. Страшен был спуск на наших деревянных, изрядно потертых, до отказа нагруженных лодках. Теперь мне даже не верится, что мы благополучно спустились по реке, паводившей ужас на всех геологов, побывавших здесь после нас.

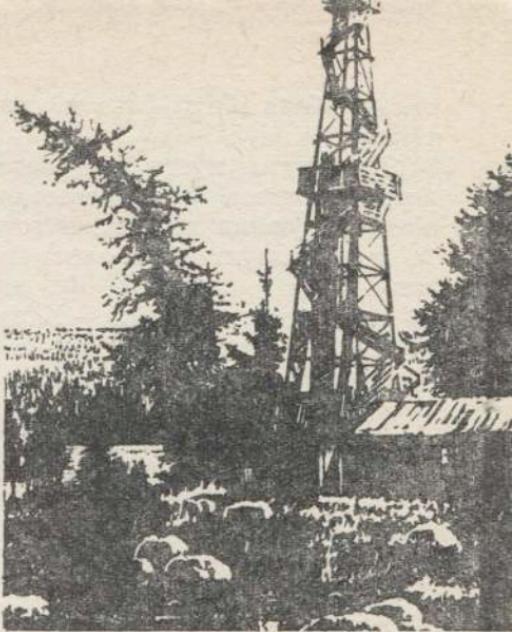
Без особых аварий добрались до крутого поворота реки на север. Далее Вангыр позволял спускаться на веслах. С сознанием гордости за проделанную работу, но с некоторым сожалением покидали мы эту дивную горную страну, все великолепие которой уносили с собой в многочисленных фотографиях.

И вот мы в Сыктывкаре. Экспедиция врезалась в память как одно из ярких событий в моей жизни. Полностью проведена геологическая съемка интереснейшего района Печорского Урала, незабываемого по красоте, суровости и грандиозности. Открыто богатейшее месторождение пьезокварца. Напрасно искали мы лишь рудные полезные ископаемые. Но зато на следующий год по нашей заявке с указанием мест находок пьезокварца разведчики открыли на Хароте и Вангыре несколько месторождений. На «Юбилейном», «Дальнем», «Харотском» и других было добыто несколько тонн кондиционного пьезокварца. Месторождения оказались единственными на территории Коми АССР.

Надо сказать, что начальник разведочной партии Г. Садовский весной 1946 года продолжал разведку на ручье Рудном, хотя и установил, что месторождение магнетита не заслуживает большого внимания, то есть эта разведка не принесла желаемых результатов. Однако поиски полезных ископаемых продолжались. Геологами Воркуты, в частности Г. П. Софоновым, на Полярном Урале были открыты хромиты, содержащие до 20 процентов железа и 22 процентов хрома с наличием платины и золота. Месторождения располагались всего лишь в 75—80 километрах от Воркутинской железнодорожной линии, но из-за небольших запасов руды, которые не превышали 70 тысяч тонн, они не могли заинтересовать промышленность. Уже в послевоенные годы были обнаружены молибден и медная руда. Разведочные работы проводились и на Ильчском свинцовом месторождении «Шантый-Прилук», к сожалению не представляющем интереса для промышленности.

Часть III

Борьба за «чёрное золото»

В центральной части Большеземельской тундры

Летом 1939 года Северное геологическое управление приступило к геологической съемке западной части Большеземельской тундры и организовало экспедицию из трех отрядов. Мне предложили руководство небольшим отрядом. Работать предстояло в бассейне реки Колвы. Как всегда, я много ожидал от поездки в неведомый край. Вдвоем с женой мы выехали в Котлас. От Котласа до Айкино добрались на пароходе, от Айкино — по тракту на грузовике до Княж-Погоста, а до Ухты — на платформе по вновь строящейся ширококолейной железной дороге на Воркуту. Через две недели мы спускались на барже вниз по живописной Ижме и через два дня были на Печоре. От Щельяюра пароход доставил нас в Усть-Усу.

Я планировал подняться по Колве километров на четыреста и обследовать ее притоки. Колва — самый большой правый приток Усы, впадающий в нее в 20 километрах от устья. В четырех километрах от устья, в деревне Колве, мы наняли две лодки и трех лодочников, окончательно укомплектовав свой отряд. Двое оказались сильными мужчинами лет сорока, третий — старичок лет семидесяти. Звали его Митрофан. Хороший рыбак и опытный охотник, он отлично знал Колву. Еще два живых существа сопровождали

нас — собака Митрофана и увязавшийся за нами маленький щенок.

Бурлацким путем мы двигались к истокам Колвы. Встречались одни лишь четвертичные отложения. На левом притоке — Возее обнаружили источники горючих газов. Теперь здесь открыто второе крупное нефтяное месторождение, называемое Возейским.

На правом притоке — Харьяга (в переводе с ненецкого — «Кривая река») ничего, кроме разреза все тех же четвертичных отложений, мы не обнаружили. Остановились на дневку у устья следующего большого левого притока — Сандибейю, который вытекает из больших озер, изобилующих рыбой. Сюда издалека съезжались рыбаки. В нижнем течении Сандибейю — довольно широкая река, через 70—80 километров она становится узенькой, но остается все же глубокой. Низкие обрывистые берега типа озерных, заросшие кустарником, течение быстрое и русло глубокое, глинистое. С бечевой по берегу не пройдешь. Шли на веслах: лодка стоит, а шесты в грунте увязают. Этого Митрофан не предвидел. Оказывается, рыбаки поднимаются к озерам весной в половодье, когда залиты все кусты и низкие берега. Мы мучились долго и все-таки протока не пропустила нас к озерам.

На обратном пути я прошел по коренному берегу с целью геоморфологических наблюдений. Кругом расстилалась пологовсхолмленная тундра с зеркалами озер и кое-где развевающимися песками, чистыми, желтыми, как на морском побережье. На этих песках мне впервые удалось обнаружить остатки культуры доисторического человека эпохи неолита и бронзового века, заселявшего этот край в 3—1-м тысячелетиях до нашей эры,— это кремневые орудия, черепки от глиняных сосудов с различным ямочно-гребенчатым и гребенчатым орнаментом и бронзовые амулеты.

Выше Сандибейю Колва поразительно однообразна. Она течет в низких берегах, на десятки километров уходящих от реки,— ровная, как стол, низина, поросшая тундровой растительностью. Ничто не нарушает этот полярный ландшафт: ни единого холма, ни единой гряды и, наконец, ни единой живой души, только в воздухе кружатся потревоженные неожиданным пришельцем тундровые хищники — варяши (местное название ястреба). Недаром это неказистое, унылое место А. Шренк, будучи здесь в 1847 году, назвал «Вороновой гладью». В послеледниковую эпоху в этом месте разливалось огромное озеро. На это указывают берега самой Колвы. В склонах узкой долины обнажаются так называемые ленточные глины, когда-то отлагавшиеся на дне древнего озера.

Прошли «Воронову гладь». Далее Колва славится своими примечательными лесными оазисами, очевидно с давних времен

привлекавшими сюда людей на поселение. Около каждого такого оазиса небольшая живописная среди суровой северной природы деревушка. В одной из них — Хорейвер — мы пополнили свои продовольственные запасы, в другой — Конковер — наняли проводника, так как маршрут наш несколько изменился.

В начале сентября добрались до озер Колвавис, истоков большого левого притока Колвы. Как всегда, в это время в тундре заметно похолодало, шел снег. Надо было бы подумать о возвращении, но... здесь, к нашей радости, оказались жилища пепцев-оленеводов. Я узнал, что олени стада придут сюда с севера недели через две, а может быть, и раньше. Это и заставило меня перестроить план дальнейших исследований.

Озера Колвавис располагаются в 60 километрах от озера Хоседаты, то есть истоков реки Хоседы, притока Адзывы, той самой, которую мы исследовали в 1931 году. Оставался неисследованным участок от самых верховий 150-километровой протяженности. Вряд ли когда-нибудь мне представилась бы еще возможность осмотреть этот отрезок реки. Я загорелся желанием осмотреть его сейчас же. Чем спускаться обратно 400 километров по уже исследованной реке, я решил на оленях перебраться в истоки Хоседы, спуститься на лодке по последней и через Адзыву выбраться на Усу.

Мы вернулись в деревню Конковер. Отсюда я отправил рабочих на лодке с образцами вниз по Колве в деревню Колву, а мы с женой и проводником стали поджидать оленеводов.

Первые стада подошли 15 сентября. Я стал договариваться о нашей переброске на озеро Хоседаты. Было принято решение: из Конковера оленеводы доставят нас к озерам Колвавис, а подошедшие сюда кочевники — к озерам Хоседаты.

Снарядили аргиш (караван) из шести нарт. Взяли с собой маленькую лодку, палатку, спальные мешки и продовольствие. Морозным утром выехали из деревни. Часа через полтора повалил снег. Нарты легко скользили по заснеженной тундре. Проводник, погоняя вожаков-оленей, затянул одному ему понятную песню. Мы накрылись оленьими шкурами. Приятная езда клонила ко сну. Ехали уже семь часов вместо пяти предполагавшихся. Разыгралась настоящая пурга. В довершение всего поломались нарты, на которых везли лодку. Оставили нарты с лодкой и в полной темноте продолжали поиски чума. Прошло еще три часа, и в самый разгар пурги наконец остановились. С невыразимым удовольствием вошли в чум и устроились у очага пить чай.

Отдыхали, пока оленеводы ездили за оставленной лодкой. На другой день двинулись к истокам реки Хоседы. Тундра покрылась полуметровым слоем снега. Нарты скользили превосходно, а в го-

лове, несмотря на весь оптимизм, далеко не превосходные мысли. Вспомнился 1933 год, когда мы спускались по Нямдаю в этих же числах сентября. Мелкие озера уже замерзли, а большие подернулись ледяной коркой у берегов. На одном из них среди льдин плавал одинокий лебедь, ожидая своей участи.

Я торопился, хотелось засветло попасть к истокам. Но мы проезжали озера одно за другим, а оленевод все еще говорил: «Да... легко!» Медленно двигались мы по болотистой низине среди озер и наконец около одного из них остановились в полной темноте. Оленивод быстро высадил нас, сбросил с нарт нашу поклажу и исчез во мгле ночи. И остались мы одни на берегу с мыслью: а что, если это не то озеро? Карты нет, да если бы и была, в этом лабиринте озер ночью немудрено заблудиться.

Принялись ставить палатку. Теперь бы чайку горяченького с дороги, как полагается, но сырье ветки при ветре не разгорались. Я предложил развести костер в палатке, а для выхода дыма прорезать дыру в потолке. Но и это не помогло: ветки не горели. Выпив по чашке теплой некипяченой воды, в плохом настроении легли спать, но, как ни странно, все скоро уснули крепчайшим сном.

Утром вышли из палатки; ветер стих, но чертовски холодно. Правда, солнце высоко над горизонтом, и кое-где таял снежок. Прежде всего я пошел поискать исток Хоседы и нашел небольшой заросший ручеек. Мы быстро собрались, наспех закусили, спустили лодку на воду и двинулись в путь. Холодно, пусто. Но я люблю прибрежную зимнюю тундру без комаров, без мошки. Только в этих условиях по-настоящему можно оценить сухое место в палатке, спальный мешок, нагретый камнем от костра,— иногда мы прибегали к такому способу — и горячий чай. И хотя мы не знали ни характера реки, ни истинной ее длины, к полудню настроение у всех поднялось. Солнце светило, снег таял, прибавляя воды в реке, и как бы то ни было, этот путь приближал нас к дому. Я рулил веслом на корме и одновременно диктовал жене свои наблюдения. Она писала дневник, проводник работал веслами. Из озера выбрались в ручей почти наугад. Он оказался таким узким, что весла касались берегов. Хоседа ли это? Но чем дальше, тем больше впадало в него ручееков. Наш ручей вскоре превратился в обычную тундровую реку с частыми порогами и перекатами. В нескольких местах пришлось перетаскивать лодку, и, если бы не выпавший снежок, нам пришлось бы туго. Река петляла, делая крутые повороты, но тянулась прямолинейно на юг, и путь этот оказался короче, чем обратный по Коллавис и самой Колве.

В геоморфологическом отношении Хоседа оказалась весьма интересной рекой. Она течет в области развития моренных гряд, му-

сюров и создает своеобразную долину. Перед тем как врезаться в трудноразмываемые валунные суглинки, Хоседа делает значительные меандры с тихими плесами. Моренные суглинки подпруживают реку. В местах же прорыва мусоров она становится бурной, порожистой. Здесь, так же как и на Колве и ее притоках, в рельефе прослеживаются все пять хорошо развитых террас.

На четвертые сутки приблизились к деревне Егор-Вань, знакомой мне с 1931 года. Вшли в первую попавшуюся избу. Хозяева всполошились: нежданные гости! И вскоре на столе появилось парное и топленое молоко и шаньги. Сидели в теплой избе, настроение прекрасное. Нами был пройден большой путь: 430 километров по Хоседе, по Адзье и по Усе до устья Колвы, где нас ждали рабочие. Выбраться бы на Усу, а на большой реке и зима не страшна.

В Хоседехард расстались с проводником. Он пошел прямиком по тундре 40 километров до своей деревни Конковер. Наняли другого лодочника, который проводил нас до самой деревни Колва.

Экспедиция закончилась благополучно. Правда, я не удовлетворен полностью, потому что не обнаружил ни единого скального выхода на такой огромной площади. Но проделана огромная работа по геоморфологии района. Положено также начало археологическим исследованиям, обнаружено 28 стоянок, давших первые представления о жизни неолитического населения и населения бронзового века этой огромной территории. План работ по съемке благодаря рискованному кольцевому маршруту выполнен на 180 процентов.

В Архангельск возвращались через Нарьян-Мар. В Нарьян-Маре я обычно заходил в облисполком, где интересовались геологическими исследованиями. В разговоре с председателем я посетовал, что на такой огромной территории не нашел ни одного выхода скальных пород. «А у нас один охотник привез недавно интересные образцы камня с побережья Хайпудырской губы, хотите, я вас познакомлю с ним?» — сказал председатель.

Кожевин Иван Прохорович, так звали охотника, показал мне свои находки — образцы известняков, пропитанные битумом, которые он отбил от скалы, выступающей на Синькином Носу. Меня это страшно заинтересовало, хотя я и не был уверен в том, что на побережье могут оказаться выходы древних пород. По возвращении в Архангельск я предложил Северному геологическому управлению провести в 1940 г. геологическую съемку на восточном побережье Хайпудырской губы, куда входил и мыс Синькин Нос. После некоторых хлопот мне удалось заполучить средства на отряд из четырех человек. Исследование предполагалось провести на побережье Хайпудырской губы.

Четверо на острове

Весной 1940 года я вылетел на самолете из Архангельска в Нарьян-Мар. Надо было застать оленеводов, кочующих в районе Синькина Носа, которые могли бы доставить нас туда. Жена и проводник, сопровождавшие груз, выехали пароходом позже меня. Но оленеводов я все-таки упустил; они уже ушли далеко в тундру. Оставалось одно: добираться из Нарьян-Мара до Синькина Носа на боте, который ходил здесь не регулярно, обслуживая рыбакские и охотничье становища. Я ухватился за эту последнюю возможность, тем более что бот «Вычейский» уже стоял у пристани, готовый к отплытию.

Мы отплыли в тихую погоду и через двое суток благополучно прибыли на Синькин Нос. Бот бросил якорь в километре от берега, на котором красовались низкие скалы, а неподалеку от них — деревушка из четырех домов. К нам подошла небольшая моторка и переправила всех на берег.

Пять часов утра, солнце уже высоко над горизонтом. Пока наш груз переправляли на берег, я заторопился к скалам. Они выдавались в море узким выступом. Здесь обнажались каменоугольные известняки и доломиты с многочисленными гнездами и порами, заполненными битумом. Подогретый солнечными лучами битум растекался по породе черными пятнами. С такими обильными нефтепроявлениями мне пришлось встретиться впервые.

Арендовав в поселке небольшую деревянную лодку, мы поднялись по реке Талате, где обнаружили разрез нижнекаменоугольных и верхнедевонских пород, также пропитанных битумом. Через две-три недели близлежащая территория была также исследована. Для того чтобы попасть в более отдаленные районы, нам нужны были олени, но оленеводы еще не пришли, и мы сидели без дела, теряя драгоценное время. Тут и появилась мысль обследовать остров Малый Зеленец, который, как говорили в поселке, целиком скалистый. По мере того как я собирал сведения об острове у жителей поселка, эта безумная, но заманчивая идея целиком захватила меня. Остров находится всего в 40 километрах от поселка Синькин Нос, через три-четыре часа мы были бы там.

В поселке была единственная моторка, та самая, которая перевозила нас с бота, и я стал упрашивать моториста забросить нас на этот островок. Моторист не соглашался, уверяя меня, что это рискованная затея. Да и все жители поражались моей настойчивости и в один голос заявляли, что я там погибну. Я же, увлеченный своей идеей, не мог предвидеть ту опасность, от которой меня предостерегали.

Неделя ушла на бесконечные уговоры, а на острове я рассчитывал пробыть всего три дня. Наконец моторист сдался. Я, кажется, все предусмотрел, и даже продуктов взял не на три дня, а на двенадцать, хотя об этом никто и не знал. Ранним утром в совершившую тихую погоду наша моторка не торопясь отчалила от берега, взяв курс на остров.

Я стоял с мотористом в рубке у руля, остальные находились в крошечной каютке. Кругом простиралась водная гладь, и ничто не предвещало каких-либо волнений. Синькин Нос медленно удалялся от нас, очертания берегов расплывались и меркли в голубой дымке горизонта. Как только из поля зрения исчезли очертания берегов материка, впереди показалась узкая полоска островов Малого Зеленца и Большого Зеленца. Спустя час мы проплыли мимо Малого Зеленца; но этот островок был настолько мал, что не имело смысла останавливаться здесь на три дня, и я упросил моториста плыть к Большому Зеленцу, расположенному севернее, всего в шести километрах от Малого Зеленца. Это наспех принятное решение не понравилось мотористу, но, как потом оказалось, оно спасло нам жизнь.

Подплыли к южной оконечности острова Большой Зеленец. Остров тоже оказался скалистым. Море слабо плескалось, обнажая подводные скалы, из-за чего к острову нельзя было подойти даже на нашей маленькой моторке. Пришлось бросить якорь в 200 метрах от берега. Спустив на воду маленькую лодочонку, вмещавшую всего двух человек, мы за два рейса перебрались на берег. Все это время погода благоприятствовала. С мотористом договорились, что он приедет за нами через три дня.

Моторка стала удаляться на юг и через полчаса скрылась из виду. Мы поставили две палатки и приступили к работе. Островок оказался шесть километров длиной и два километра шириной, где блестели небольшие озерки. Скал — хоть отбавляй, предстояла огромная работа. На второй день подул восточный ветерок, на третий день он усилился, а на четвертый превратился в штурм. Моторка, конечно, не могла выйти в такую погоду, и, как ни странно, я радовался этому. Вынужденная задержка моторки давала мне возможность более детально изучить разрезы коренных пород.

Ветер стих на шестые сутки, а на восьмые сутки море опять приобрело зеркальную поверхность, но моторка не появлялась, и это насторожило меня. Я решил проверить продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось ничтожное количество. На девятые сутки пришлось установить полуходный паек. Моторка задерживалась, и это заставило нас всерьез задуматься над пополнением наших скучных продовольственных запасов. Но на острове жил один заяц,

одна полярная сова, обитало десятка два-три куропаток и плавала одна утка.

Сначала охотились на зайца. Мы шли на него облавой все четверо и загоняли в узкие перешейки между озерами, но он всегда ухитрялся проскакивать мимо тех, кто шел без ружья. Я решил обхитрить зайца, а для этого всех снабдил палками в надежде, что заяц не разберется, где палка, а где единственное ружье. Но заяц был не дурак! И на этот раз он удрал, да так, что мы не видели его больше. Не повезло нам и с уткой. Мы убили ее на середине озерка, когда шли на работу, а забрать решили на обратном пути, после того как ее прибьет к берегу. Но когда ее подняли, она уже была выпотрошена совой. Сова тоже голодала и не замедлила воспользоваться нашей услугой.

Оставалась последняя надежда — куропатки, которые держались одной стаей и подпускали нас довольно близко на выстрел дробовика. Но стоило выстрелить только один раз, как они стали вести себя более осторожно. Напрасно я надеялся, что удастся погубить их всех. Нас постигло полное и неожиданное разочарование: стая взлетела и устремилась на восток, в море. Однако, пролетев километра два от острова, они, к нашей радости, повернули обратно. Видно, пробовали свои силы перед предстоящим пятидесятикилометровым перелетом на материк. Меня удивляло, почему куропатки не полетели на запад. В этом направлении всего лишь в 12 километрах находился Медынский Заворот. Мы опять возобновили охоту на них и, кажется, соблюдали максимальную осторожность, но и тут нас постигла неудача. Птицы устремились на восток и более не возвращались.

Двенадцатидневные запасы на четырнадцатые сутки иссякли. Осталось 300 граммов сливочного масла и единственная бутылка коньяка. Каждый день проходил в мучительном ожидании моторки. Самым ужасным был даже не голод, а неясность положения. Мы терялись в догадках. Уже дважды погода давала возможность прийти за нами. Нас не могли забыть, но в голову приходила страшная мысль, что с единственной моторкой что-нибудь случилось. И тогда мы обречены здесь на голодную смерть. Бот «Вычайский» должен был прийти на Синькин Нос не раньше как через две недели, в конце сентября. В этом заключалась единственная надежда на спасение. Но как продержаться эти две недели? На материке не знали, что я взял продуктов на 12 дней, вполне возможно, нас считали уже погибшими. Положение наше усугублялось еще и тем, что на Синькином Носу в те годы рации не было и дать знать в Нарьян-Мар о нашем бедствии не могли. Чем больше я рассуждал, тем тягостнее и невыносимее становилось пребывание на острове. Только теперь я осознал легкомысленность своей за-

тей, почувствовал себя виноватым перед другими членами экспедиции и от этого страдал вдвойне. Жена держалась стойко, но по ночам я слышал ее тихий плач: в Москве осталось двое детей.

Чтобы отвлечься от печальных дум, мы продолжали работать. В этом находили единственное спасение от самих себя. На пятнадцатые сутки рабочий Сидор отказался идти на работу: он слег.

Время подвигалось к концу сентября. Сильно похолодало, выпал снег, замерзли озерки. Как-то опять подул сильный ветер, и, вернувшись с работы вечером, мы нашли свой лагерь разрушенным. Ветер сорвал палатки, одну из них разорвав в клочья. Хорошо еще, что он дул с востока, а не с запада, иначе палатки очутились бы в море. Пришло устраивать свое жилище заново. Соорудили из плавника забор и за ним укрепили палатку.

С наступлением темноты мы разжигали большой костер и поддерживали его в течение всей ночи, давая этим знать о себе. На восемнадцатые сутки я выдал каждому по последней чайной ложечке сливочного масла. Это было все. Я стал писать дневник о последних днях, проведенных на острове.

На девятнадцатые сутки поздно ночью все сидели у ярко горящего костра, кроме Сидора, который уже несколько дней не выходил из палатки. Все молчали. Море спокойно катило волны на берег. Вода ритмично билась о скалы. На западе, всего в 12 километрах, на Медынском Завороте мигал огонек маяка. Он напоминал нам о жизни на материке, а мы были обречены на смерть...

Вдруг мне показалось... нет, скорее, я почувствовал приближение человека. Я вздрогнул и обернулся... Из темноты к нам шел человек в малице. Подойдя к костру, человек первым задал вопрос: «Хлеб есть?» Вспыхнувшая на мгновение надежда сразу же погасла. Я даже не сообразил, что, собственно, произошло, почему здесь человек. И остальные двое, паверное, тоже не могли побороть в себе охватившее их волнение. Наконец я ответил, что у нас вообще ничего нет...

Человек этот, Лагейский Василий, попал на Большой Зеленец совершенно случайно. Два года он жил с семьей на острове Долгом, расположеннном в 12 километрах от Большого Зеленца. Весной бот почему-то не зашел на Долгий, и люди остались без хлеба. На острове жили еще пастухи и находилось целое стадо оленей. Мяса вдоволь, но у Лагейского было четверо маленьких ребятишек, которые не могли жить без хлеба. Вот он и решил с семьей перебраться на материк, на Медынский Заворот. Загрузив до отказа маленькую шлюпку тюлеными шкурами и мясом, забрав всю семью и собак, он выбрался с острова Долгого. На Большой Зеленец Василий Лагейский приехал уже затемно и встал на ночевку

на западном берегу острова. Забравшись на скалы, он увидел наш костер.

Добрый человек дал нам огромный кусок оленины. За два дня совместной жизни с оленеводом мы воспряли духом, а Сидор окреп физически. Наконец Лагейский собрался в путь. Трудно передать то отчаяние, в котором мы находились, провожая его. Шлюпка Василия была так загружена, что я еле-еле уговорил его взять хотя бы Сидора. Сидору предстояло пройти пешком более 100 километров по морскому берегу до поселка Варапдей и по радио сообщить в Нарьян-Мар и Архангельск о том, что мы еще живы, находимся на острове и ждем помощи. С попутным ветерком шлюпка Лагейского покинула остров. Мы остались втроем и долго смотрели вслед удаляющейся шлюпке, пока она не исчезла из виду. С этого момента мы снова стали жить надеждой. Считали, что Сидор через четыре-пять дней доберется до Варапдея и еще через три дня, самое большое, нас снимут с острова. А пока... возобновили работу. По почам все так же жгли костры: ведь есть еще надежда на бот «Вычейский», который вот-вот должен был прийти на Синькин Нос.

Прошло еще четыре дня, мясо убывало. Снова упало настроение, и снова нас стали одолевать дурные мысли. На шестые сутки после отъезда Лагейского, на рассвете, я вышел из палатки. Дул сильный ветер, море волновалось, обнажая подводные скалы. И вдруг... На востоке я увидел мачты бота. На мой радостный крик из палатки выбежали жена и Терентий. Да, бот шел с юга на север, то есть с Синькина Носа, на расстоянии около 10 километров от острова. Мы впились в него глазами. Наконец сообразив, я заставил всех бегать по берегу и размахивать палками с прицепленными к ним белыми тряпками, подавая тем самым знаки. Сам же, прикрепив палочку на заборе у палатки и взяв бот на прицел, стал следить по этому «прибору» за его ходом. Прошло с полчаса. Бот уже был против острова. Жена с Терентием бросились было упаковывать вещи, но мне показалось, что бот продолжает двигаться. Наступили самые мучительные минуты в моей жизни. Да, сомнений не было, бот удалялся от нас. Через некоторое время он, очевидно, изменил курс, так как вместо двух мачт стала видна лишь одна. Значит, нас не заметили: бот повернул на Хабарово, к острову Вайгач.

Обессиленные, мы сели и не знали, на что решиться. Нервы были напряжены до предела. Надежда на спасение потеряна. Значит, на материке нас давно похоронили, и потому бот проходит мимо. В таком замешательстве провели еще несколько мучительных минут. И вдруг вблизи бота на воде выросли две ныряющие в волнах белые точки. «Ура! — закричал я.— Это шлюпки!» Они

явно приближались к острову. Только теперь мы пришли в себя и стали собирать вещи. Измученные голодом и переживаниями, мы с трудом волокли наши коллекции к берегу. Через час с лишним плюшки пристали к острову. На них была вся знакомая нам команда бота из четырех человек, кроме капитана. Они вышли на берег, и один из них нес подкрепление — буханку хлеба... Кто-то спросил меня, где четвертый член нашей экспедиции, но я, по-видимому, неудачно махнул рукой, и все решили, что тот погиб. Через полтора часа мы добрались до бота.

Дорогой выяснилось все. Моторист, который доставил нас на остров, повез кирпич к устью Морею и до сих пор не вернулся. В поселке о нем нет никаких сведений. Нас тоже считали погибшими. Поэтому капитан бота и не хотел заходить на остров. С десятикилометрового расстояния, хотя мы и усиленно махали палками, на боте нас, конечно, не заметили. И я отнюдь не ошибался, когда решил, что он взял курс на Хабарово. Но в этот самый момент капитан получил радиограмму из Нарьян-Мара, в которой ему предлагалось немедленно вернуться и снять людей с острова.

С Сидором ничего не случилось. Он благополучно добрался до Ваандея. Мы спасены и своим спасением обязаны иенцу-оленеводу с острова Долгий — Лагейскому. Теперь со всей очевидностью предстала передо мной правильность моего неожиданного решения высадиться на Большом Зеленце. На Малом Зеленце мы неминуемо погибли бы.

Долго меня мучил вопрос: что случилось с тем мотористом с Синькина Носа, который доставил нас на остров? И только зимой на мое имя пришло письмо в Архангельск, из которого я узнал, что моторист Василий сам чуть не погиб в Хайпудырской губе в устье Морею. Непрерывные восточные ветры выгнали воду из губы, и моторка легла на илистое дно. Три недели он провел на моторке, не имея возможности выбраться на берег. И лишь благодаря шторму, нагнавшему воду в губу, ему удалось избежать катастрофы. Человек этот, находясь в бедственном положении, все время не забывал и о нас, так как предполагал, что при сложившихся обстоятельствах нам никто, кроме него, не может оказать помощь.

В результате наших работ удалось выяснить, что древние породы с острова Большой Зеленец простираются на юго-восток, на побережье Хайпудырской губы, и далее в сторону Воркуты. Но в районе Воркуты древние породы северо-западного направления были установлены нами еще в 1930 году. Тождество простираций подсказывало, что на всем этом расстоянии в недрах земли протягивается единная гряда, породы которой где-то должны выступать на поверхность. Кроме того, сильная битуминозность пород

давала основание считать, что территория Большеземельской тундры может оказаться новым нефтегазопосным районом. Эти выводы заинтересовали сразу три организации.

В поисках неизвестной гряды

Северное геологическое управление почему-то не смогло отстоять в Комитете по делам геологии предложенную мной тему на 1941 год. А мне, естественно, хотелось продолжать начатые работы. Я недоумевал: почему для организации экспедиции в 1940 году оказалось достаточным одного образца охотника, а сейчас, когда я привез уйму материалов, интерес к этой проблеме потерян?

И тогда я решил предложить свои услуги Главнефти, где познакомился с геологом В. М. Сенюковым, которого мне рекомендовали как энтузиаста Севера. Посмотрев мои образцы и отчет по Синькину Носу и Большому Зеленцу, тот охотно взялся помочь и представил меня министру нефтяной промышленности. Когда Василий Михайлович изложил суть дела, министр спросил, о каких средствах идет речь. Подумав, я сказал, что поскольку работы только начинаются, то для небольшого отряда потребуется тысяч сто. Вероятно, сумма эта показалась министру небольшой. Он улыбнулся, и я понял, что вопрос будет решен положительно.

Комитет по делам геологии решил добавить к обещанным ста тысячам еще сто на организацию второго отряда. Я со своим отрядом направлялся в верховья реки Коротаихи, расположенной между Сипькиным Носом и Воркутой. Материалы подсказывали, что между этими пунктами, если действительно древняя гряда существует, надо искать выходы коренных пород. Район работ по тому времени был труднодоступным и геологами не посещался.

Мы выехали 17 июня. По приезде в Котлас мы узнали, что началась война, и не замедлили явиться в военкомат. Однако здесь нам было предложено продолжать свои работы.

В верховья Коротаихи можно было попасть или через Воркуту на олених, или через Большую Роговую на лодках, а затем опять на олених. В последнем случае наш путь совпадал с передвижением оленеводов, и поэтому я выбрал второй маршрут. От города Печора по воде добрались до устья Большой Роговой, нижнее течение которой до последней деревни Сявты было обследовано мной еще в 1932 году. Сейчас же нам надо было подняться по реке более чем на 350 километров. В Сявте мы взяли проводника с лошадьми и стали подниматься вверх. Река уже успела обмелеть, обнажились мелкие песчаные перекаты. Лошади тащили лодки прямо по сухому руслу, пока не добрались до притока Роговой —

Падимейтывис. Поднялись по нему, насколько позволила вода на лодках, а потом перебрались волоком через пятикилометровый водораздел до двух больших озер Падимейты, расположенных в 300 метрах одно от другого. Эти озера служат истоками Большой Роговой, текущей на юг, и Падимейтывис — притока Коротаихи, текущего на север.

Как только мы перевалили водораздел, проводник покинул нас, а вслед за ним, испугавшись трудностей, ушел пешком в деревню Сияту один рабочий. Нас осталось пятеро с двумя лодками. Надо сказать, что о характере реки мы ничего не знали и в полном неведении начали свое путешествие.

Падимейтывис вытекает из озер небольшим ручейком, совершенно непрходимым на лодке. Началась непосильная работа по расчистке русла. Нелегко давался каждый пройденный километр. Иногда ручеек совсем исчезал, и наше положение становилось безвыходным. Прибегали к спуску близлежащих озер, кстати, они здесь многочисленны. Общими силами рыли канаву от озера к реке. Пока озеро вытекало и уровень воды в реке несколько поднимался, быстро протаскивали свои лодки. Такими темпами проходили не более двух-трех километров в день. Успокаивали себя тем, что ниже по течению река должна быть многоводной. Работали по 16 часов в день, благо белые ночи, но зато спали мертвым спом. Настроение у моих спутников было подавленное, все были удивительно молчаливы: ни смеха, ни шуток, обычных в экспедиционной обстановке. Да это и понятно, одна неотвязная мысль владела всеми: война.

Где-то на линии фронта шли бои, а где эта линия фронта проходила, никто из нас не знал. Каждый думал об оставшейся семье, родине... Неведение приводило в отчаяние, и передко я слышал ворчание по поводу того, что в таких условиях мы бесполезно трудимся, преодолевая никому не нужные в настоящий момент пересохшие реки.

Постепенно Падимейтывис, принимая все больше притоков, из ручейка превращался в реку. Усиливалось течение, быстрее плыли лодки, вот только скал нигде не было видно, и это меня беспокоило. Весь этот трудный маршрут был предпринят с целью обнаружить никому не известные, новые выходы палеозойских пород. Сто километров пути по Падимейтывису — и никаких скал. И вдруг неожиданно за крутым поворотом река врезалась в каньон, и путь преградили скальные уступы, водопады, пороги.

Живописен каньон на реке Падимейтывис. Он тянется почти на километровое расстояние. Пласти горных пород круто падают вниз по реке и дают прекрасный разрез известняков, переполненных окаменелыми остатками животных и растений, обитавших

в силурийском море более 400 миллионов лет назад. Самое замечательное в разрезе — это прекрасно сохранившиеся окаменевшие постройки из водорослей в виде целых пластов с причудливой поверхностью, напоминающей головной мозг крупных позвоночных животных. Как листы каменной книги, известняки рассказывают о жизни силурийского морского бассейна. Мы узнаем, что этот бассейн был мелководным, теплым, с большим количеством организмы. Можно предположить, что впоследствии организма явились исходным продуктом в нефтеобразовании, так как силурийские отложения оказались нефтегазоносными. Сами же выходы коренных пород на Падимейтывис подтвердили наше предположение о существовании погребенной гряды. А если так, то и другие левые притоки Коротаихи, которые текут с юга на север, должны где-то обнажать древние породы. Это надлежало проверить, но сейчас нас занимала мысль, как преодолеть ущелье. Времени было в обрез, и мы не нашли другого выхода, как обойти каньон берегом. На это ушло более двух суток, но зато все остались живы и невредимы.

Продолжали спуск по Падимейтывису. Нам надо было выйти на Коротаиху и обязательно встретиться с оленеводами, чтобы продолжить свои исследования. Август подходил к концу. В это время олены стада возвращались с летних пастищ. Двигались навстречу им. В случае если мы разминемся с оленеводами, нам грозила опасность сорвать работы и, может быть, погибнуть в тундре. До устья Коротаихи, где находилась единственная деревенька и где можно было бы на худой конец зазимовать, осталось еще 200 километров. А наши лодки вряд ли выдержали бы такое длительное путешествие по многоводной реке. По этой причине мы торопились, а река, как назло, в нижнем течении сильно меандрировала. Я шел по высокому коренному берегу, обозревая окрестности в поисках оленеводов, Галия — вдоль реки. В случае обнаружения скал она должна была точно нанести их на карту. Болотистый, заросший кустарником берег был совершенно непригоден для ходьбы. Галина с трудом продиралась сквозь кусты. Мой путь был куда интереснее: перед глазами просторы необъятной тундры, а под ногами различные кремневые орудия: ножи, скребки, топоры, наконечники стрел и другие, а также остатки глиняной посуды с оригинальным и разнообразным ямочно-гребенчатым орнаментом. Здесь за два тысячелетия до нашей эры были стоянки доисторического человека.

С оленеводами мы встретились у самого устья Падимейтывис. К этому времени наши лодки пришли в совершенную негодность, однако мы вытащили их на берег: в тундре всякое бывает, может

быть, и понадобятся кому-нибудь. Оленеводы оказались знакомыми, из Петруньского сельсовета. Они дали нам несколько нарт и оленьих упряжек, с помощью которых мы обследовали верхнее течение Коротаихи, продвигаясь вверх по реке каждый день километров по десять. К сожалению, Коротаиха в верхнем течении скал также не обнажает.

О ходе войны от оленеводов мы ничего не узнали. Но однажды с Галей ушли от оленеводческого каравана далеко вперед вверх по реке Сядейяге и встретили людей. Это были изыскатели железнодорожной трассы от Воркуты на Хабарово. Подходя к ним, мы полагали, что узнаем наконец приятные новости. Однако нас немедленно попросили предъявить документы, а поскольку документов с собой не оказалось, изыскатели решили отправить нас пешком в Воркуту под конвоем для выяснения личностей. Мы упросили их подождать наших оленеводов. Изыскатели согласились, но это не помешало им задержать нас под строгим надзором остаток дня, пока не подошли оленеводы. С приходом каравана недоразумение было улажено. Изрядно посмеялся бы над этой историей, но было не до смеха. Инженеры рассказали, что гитлеровские орды подошли к Москве, а немецкие подводные лодки шныряют в Баренцевом море.

Нужно ли говорить, что после таких известий о войне пелегко было проводить геологические работы. Полевой период подходил к концу, но у нас оставалась неисследованной река Тарьё. Невзирая ни на что, я решил осмотреть ее на пути в Воркуту. На Тарьё были обнаружены коренные породы предполагаемой гряды и, кроме того, соляные источники, которые лишний раз подтверждали предположение о том, что эта территория может оказаться новым нефтегазоносным районом.

Приближались к Воркуте. Погода испортилась, тундра превратилась в сплошное болото. Нагруженные нарты еле-еле ползли. Я соскочил с нарта и пошел вперед. Топая в тяжелых сапогах по мокрой тундре, я далеко опередил свой караван. В моем воображении возникла та река, по которой мы с трудом поднимались на лодках 10 лет тому назад. Я представил, как сейчас выйду на ее скалистый берег и увижу неугомонный поток воды, а перед глазами раскинулся город.

Из Воркуты мы направились в Сольвычегодск, куда было эвакуировано Архангельское геологическое управление. По узкоколейке добрались до устья Воркуты. На Усе нас встретили шуга, резкие октябрьские ветры и рваные, низкие, черные тучи. На открытой барже переправились по Усе до Усть-Усы, пересели на пароход и приехали в город Печору. Отсюда поезд доставил нас в Котлас. В нескольких десятках километров от Котласа — Соль-

вычегодск — конечный пункт нашего трудного путешествия и место зимовки.

Исследования левых притоков Коротаихи подтвердили предположение о существовании гряды, которая впоследствии была названа именем открывателя Печорского угольного бассейна Героя Социалистического Труда, профессора А. А. Чернова. За лето нашим отрядом был собран большой материал, который позволял уверенно говорить о перспективах нефтегазоносности Большеземельской тундры. Геологические исследования в этом направлении следовало бы продолжать, но шла война.

По побережью Баренцева моря

Только после окончания войны, в 1947 году, по инициативе В. М. Сенюкова возобновились геологические исследования, связанные с проблемой нефтегазоносности Большеземельской тундры. Он организовал экспедицию на побережье Баренцева моря.

Предстояло преодолеть огромный путь — от Нарьян-Мара на восток до Медынского Заворота, па побережье Хайпудырской губы — и на этом пути обследовать все реки. Предполагалось также охватить исследованиями территорию, расположенную к югу от Хайпудырской губы.

Для перехода больших расстояний самым удобным видом транспорта в Большеземельской тундре был аргиш. Заполучить его я рассчитывал в Нарьян-Маре, куда мы прибыли в конце июня. Здесь же основательно подготовились к путешествию. Надо сказать, что горисполком всячески содействовал организации нашей экспедиции. В нашем распоряжении было оленье стадо — 600 голов, в числе которых 150 ездовых оленей. Отныне все наши успехи зависели от кочующих оленеводов.

Пока проходили сборы, возникло одно непредвиденное обстоятельство, заставившее несколько изменить наш маршрут. Председатель горисполкома уверил меня в том, что на реке Черной, впадающей в Баренцево море, есть отвесные скалы. Если это так, то обследование Черной представляло исключительный интерес, поскольку выходы коренных пород были известны лишь на Синькином Носу и на гряде Чернышева — это примерно в 200—300 километрах от Черной. Поэтому решено было обследовать Черную всю, от верховий до устья. Для этой цели мы прихватили с собой небольшую лодочонку, на которой намеревались осмотреть все берега. Наш караван потянулся в глубь тундры, в верховья Черной. Наступили последние дни июня. Всюду на северных склонах речных долин поблескивали на солнце снежинки, а на южных

склонах пробивалась молодая, сочная зелень. Самое лучшее время в тундре: не жарко, воздух чист и прозрачен, но, к сожалению, уйма комаров.

На Черной оборудовали лодку для спуска по реке. Она оказалась чересчур маленькой, когда мы погрузили в нее палатку, спальные мешки и кое-какую утварь. Для большей грузоподъемности и устойчивости приладили по бортам полозья от нарт. Управлять этой ладьей пришлось одному сыну, как самому маловесному члену нашей экспедиции. Я и лаборантка Маруся вынуждены были пойти пешком. На таком транспорте мы начали свое 300-километровое путешествие по реке. Оленеводы со стадом шли прямиком по тундре, вдоль реки, срезая лишь излучины. Мы встречались, поджидая друг друга.

Речушка в верховьях оказалась маленькой, узенькой и мелкой до того, что даже всю ладью мы не раз перетаскивали по сухим перекатам. По мере продвижения река ширилась. Наконец она стала многоводной, а наша ладья выглядела жалкой и беззащитной в ее водах.

Тщательно осмотрели все берега, но никаких скал не нашли. Не принял ли за скалы председатель горисполкома выходы озерных глин? Зимой они действительно выглядят как пласти древних пород. Я понял, что вышло недоразумение, но было уже поздно. Проехать такой путь!

Уныло и однообразно тянулось это путешествие. Лишь вынужденная охота вносила живую струю в нашу жизнь. На реке оказалось множество диких гусей. Если бы не наше появление, они спокойно прожили бы здесь сезон и вывели бы потомство. Но мы нарушили их мирное существование. Гуси в эту пору линяли, а у молодых еще не окрепли крылья. Им некуда было деться от нас, как только в воду. Мы плыли вниз, подгоняя стадо гусей, которое с каждым километром увеличивалось. Наконец никакого житья не стало ни нам от гусей, ни гусям от нас. Гоним гусей вниз по реке целый день, давая им возможность передохнуть, когда сами отдыхаем. И так повелось: мы на обед — и гуси на берег пощипать травки, мы на почлег — и гуси почевать. Трудно сказать, кому было хуже и кто от кого не мог избавиться. Они так гоготали по ночам, что нам было не до сна.

В деревне Черной примкнули к другим оленеводам, которые кочевали примерно в нужном нам направлении. Караван наш двинулся вдоль побережья на запад, в район так называемого Пыткова Камня. Но и здесь выходов древних пород не оказалось.

Попали на восток, на Медынский Заворот, вдоль побережья. Меня не покидала надежда где-нибудь встретить скалы. Путь проходил по болотистой низменной тундре, расчлененной множе-

ством больших и малых рек. По восемь часов простоявали в ожидании отлива или прилива. Ненцы отлично знали, в каком месте безопаснее пройти. То шли по зыбкому песчаному берегу, то направлялись па лодках в несколько приемов, а олени плыли рядом. Однажды во время такой переправы нашу лодочку подхватил неизвестно подкравшийся отлив и понес от берега. Хватились тогда, когда она покачивалась на волнах. «Ох, ах, что же делать?!» — закричали оба оленевода. А лодочка между тем удалялась.

Плавать я не умел. Ненцы, насколько мне известно, никогда не купаются, а Марусе я категорически запретил, хотя искупаться в Баренцевом море было ее заветной мечтой. Я знал, что только она может помочь нашему горю, и старался не глядеть на нее. А Марусе, видно, только этого и нужно было. Она мигом разделись и бросилась в воду. Баренцево море и летом-то неприветливое, а в такое время года (в августе) холодные, серые, пенистые волны его не вызывают желания купаться. Я смотрел на Марусю с замерзанием сердца: как бы чего не случилось! Оба старика тоже остановились как вкопанные, выражая не то удивление, не то восторг... Трудно сказать, что привлекло их внимание: сам ли процесс вылавливания лодки или раздетая девушка. Правда, один из них изрек слово «сумасшедшая». Так это прозвище и осталось за ней до конца экспедиционных дней. Не успели мы опомниться от этого происшествия, как вдруг опять оленеводы забегали, запрыгали, занумели: пока старики следили за Марусей, разбрелись олени.

Наконец прибыли на Медынский Заворот. Это тот самый пункт, с которого нам, приговоренным к смерти на острове Большой Зеленец, приветливо мигал огонек маяка в 1940 году. От Медынского Заворота всего в 12 километрах находится остров Малый Зеленец.

В 1940 году мы миновали его. Думая над проденным маршрутом, я с завистью поглядывал в сторону островка. За лето ни одного выхода древних пород, а тут совсем рядом скалы. Я ходил по берегу и не мог отделаться от этой мысли, да и случай представлялся удачный.

На Медынском Завороте жил охотник А. И. Чупров с семьей. Его охотничьи владения простирались и на Малый Зеленец. И вот теперь он готовил свою лодку к поездке на островок. Слушая постукивание его молотка, я все больше укреплялся в намерении непременно побывать на Малом Зеленце. Прошло семь лет после трагического путешествия на Большой Зеленец. В памяти вырисовывалась каждая минута, проведенная на острове в ожидании спасения. И все-таки я не мог устоять перед мыслью посетить Малый Зеленец. Я забыл свой зарок. Даже находил убедительные доводы, оправдывающие эту затею. Во-первых, поплыли на своем транспорте и никто нас не покинет, как тогда. Во-вторых, если даже

почему-либо застрянем на острове, то там есть утки. Словом, все складывалось в пользу этого путешествия. Андрей Иванович охотно согласился взять нас с собой и для большей грузоподъемности прибавил к бортам лодки лишние доски.

Дождавшись птилевой погоды, при очень слабом попутном ветерке отчаливаем от берега. На корме за рулем — Чупров, наш «капитан», две его дочери, Афимия и Ирина, умело справляются с веслами. Я и Маруся сидим без дела на правах пассажиров. Заметно удаляемся от берега, и я замечаю, что с каждым метром лодка все больше и больше раскачивается на волнах. Чувствую признаки морской болезни. Девушки надо мной смеются. Плытем дальше — волны большие, хотя ветерок совсем стих. Находимся на полпути. Сильный северо-западный ветер, который бушевал здесь до нашего появления, нагнал огромные пологие волны из открытого моря. Они подхватывают нашу шлюпку и перебрасывают ее с гребня на гребень, как щепку. Наконец и девушки утихомирились, стихли и побледнели. Один лишь «капитан» сохраняет бодрость духа. Он упорно сидит за рулем, как статуя, и покривляет на дочерей, чтобы они грели. Девушки еле-еле работают веслами. Парус на мачте висит. Ни малейшего ветерка, и кажется, что лодка скользит по одной волне сверху вниз. Лежу как пласт, надо мной покачивается голубое небо, а голову сверлят воспоминания о путешествии на Большой Зеленец. Только тут я осознал, что именно на лодке-то и опасно плавать по морю. Температура и направление ветра в этих местах меняются по нескольку раз в день. «Чуть-чуть ветер посильнее — и унесет неизвестно куда», — думаю я. Надо бы грести как следует, а мы не можем. Последние километры преодолеваем безумно долго. Но вот наконец и берег. Я выпрыгиваю первым, когда еще лодка не успевает причалить к берегу. Странное чувство — после такой качки ощутить под ногами твердую почву. Проходит немного времени, и мы окончательно оправляемся от качки. Снова звучит смех, сыплются шуточки, подтруниваем друг над другом. Но «капитан» ворчит по-настоящему и каждому ставит в вину не то, так другое.

Царство чаек и плавника — таким показался нам остров с первого взгляда. Мы с Чупровым припялись за устройство лагеря, а девушки — за приготовление обеда. Еще весной Андрей Иванович припас чаячьих яиц в земляном «погребе», и теперь на сковороде шипела прекрасная яичница. После обеда все крепко заснули и лишь на другой день обследовали островок. Он оказался 700 метров длиной и 300 метров шириной со скалистыми берегами, так что нас ожидала большая работа, хотя мы и не намеревались задерживаться. Афимия и Ира проявили интерес к геологии, и у меня оказалось, таким образом, три помощницы. Временами все

мы дружно помогали Андрею Ивановичу сооружать обширную землянку, которую он задумал здесь сделать для зимней охоты на нерпу.

В течение пяти дней описали и тщательно осмотрели весь разрез, собрали много окаменелостей. Но как-то к полночному ветерку, и мы вынуждены были отсиживаться на острове в ожидании полного штиля. С нагруженной до отказа лодкой нам был опасен любой ветер.

Лишь на десятые сутки наконец удалось покинуть остров. Подул слабый восточный ветерок, попутный,— как раз то, что нам было нужно. Через четыре часа благополучно добрались до материка.

Сутки мы гостили у гостеприимного хозяина, а затем наш караван опять двинулся в глубь тундры. Прошли вдоль западного побережья Хайпудырской губы, вверх по реке Хайпудыре, через верховья реки Колвы к морю, в поселок Алексеевка.

В конце сентября наше путешествие по Большемеземельской тундре с кочующими оленеводами закончилось. В итоге нашей работы удалось выяснить, что значительная часть территории Большемеземельской тундры покрыта четвертичными напосами. Немногочисленные выходы древних пород приурочены лишь к выровненным горным сооружениям, которые в современном рельфе почти совсем не выражены. Можно было предположить, что на большей части территории пласти древних пород залегают горизонтально, с небольшими пологими складками типа антиклиналей — структур, в которых скапливаются в промышленных количествах нефть и газ.

На Полярный Урал

В 1948 году геологические исследования проходили в восточной части Пай-Хоя и на западном склоне Полярного Урала. Жена, сын и я на сей раз путешествовали по тундре на лошадях. В угольном поселке Хальмер-Ю нам дали двух ямщиков и двух лошадей, запряженных в одноколки. Погрузив все свои вещи, мы направились из поселка в верховье реки Кара, где красовалась горная вершина Полярного Урала — гора Гнеть-Ю. Тундра в этом районе сравнительно сухая. Выбирая возвышенные места, не спеша, пешочком двигались вперед. С одной из таких возвышенностей перед нами предстала Кара, но, прежде чем попасть к ее берегам, надо было преодолеть каверзное болото.

Наконец мы на Кара. Перебрались вброд на правый берег и здесь облюбовали уютное место для лагеря. Сейчас, когда туризм в нашей стране достиг в своем развитии апогея, эти места, может

быть, и не покажутся столь экзотическими. Но в те годы одна мысль пожить у самого подножия западного склона Полярного Урала казалась почти нереальной.

При подъеме на крутой склон горы Гнеть-Ю или склон хребта Оч-Нырд открывается далекий вид на запад в сторону плоского хребта Пай-Хой. На востоке же, наоборот, видны величественные вершины Полярного Урала. Этот район называют еще стыком двух хребтов — Пай-Хоя и Полярного Урала. Кара течет среди высоких отвесных скал из розоватых мраморизованных известняков. Все здесь величественно, торжественно, и даже тундра как-то особенно неповторимо красива. Ямщики покинули нас.

Транспорта никакого не было, ходили по горам пешком, таская на себе тяжело нагруженные камнями рюкзаки. Каждый день возвращались к палаткам. В горах — тучи комаров. Диметилфталата тогда еще не было. Убежищем от комаров служила постель под пологом. Когда наконец заберешься туда и почувствуешь себя в безопасности, то испытываешь поистине блаженство и так сладко спишь под неугомонный комариный гул, как никогда не успеешь в городе. Чистый горный воздух нацело восстанавливает утраченные за день силы. Просыпаешься бодрым, веселым, и первая мысль — это интересная работа. Каждый день мы углублялись в горы настолько, насколько позволяли наши силы, получая все больше сведений о геологической истории края. По сравнению с этим интересом комары, трудности — ничто! В результате были изучены большие мощности палеозойских пород. Однако дальнейшие работы по организационным причинам стали проводиться лишь спустя четыре года, в 1952 году.

В 1949 году моя партия направилась на восточный склон Полярного Урала, в бассейн реки Щучьей.

Геологические исследования в бассейне Щучьей и на восточном склоне Полярного Урала были связаны с изучением тектоники и нефтегазоносности нижнепалеозойских отложений. Здесь, вдоль строящейся железнодорожной трассы Воркута — Салехард, в некоторых скважинах были встречены горючие газы, что представляло особый интерес в отношении нефтегазоносности этой отдаленной части Западно-Сибирской пизменности. Мне представилась возможность впервые взглянуть на Приполярный Урал со стороны Сибири.

Чтобы не застрять на вновь строящейся железнодорожной линии от Сейды на Обь, я решил попасть в район исследований через Тюмень. До Салехарда плыли по Иртышу и Оби на одном из лучших пароходов. Погода стояла жаркая, на реке ни малейшего дуновения ветерка. Я впервые плыл по сибирской реке и всю дорогуостоял на палубе, любуясь ее просторами.

В Салехарде напяли троих рабочих-манси. Отсюда добирались на буксирной барже до поселка Щучья, перегружались на лодки, чтобы потянуть их бечевой. Нас предупреждали, что Щучья выше поселка течет в каньоне с совершенно отвесными и неприступными скалами. Выше каньона никто на лодках не поднимался и не пытался подниматься со времен первых исследований реки Щучьей, которые проводились в 1876 году П. И. Матвеевым с целью выяснения водного пути с Оби в Байдарапскую губу.

Но нет ничего увлекательнее, чем преодолевать непреодолимое. Правда, у нас другого выхода не было: оленеводы пока что кочевали на побережье Карской губы, а мы и так работать начали только 1 августа. И здесь еще непроходимый каньон. Прибегали к разным хитростям, цеплялись за каждый уступчик, подтягивали за собой лодки, и наконец он позади. Выше каньона Щучья оказалась спокойной рекой. Мы подошли к самому подножию восточного склона Урала.

Интересен участок реки Щучьей в огромной северной петле. Последнее покровное обледенение образовало конечно-моренную гряду Собкае, которую Щучья не смогла промыть по кратчайшему расстоянию и вынуждена была сделать 150-километровую петлю, упавшая на этом отрезке дочетвертичные эрозионные участки древних долин.

Огибая с севера конечно-моренную гряду Собкае, долина Щучьей резко расширяется, в особенности когда она вплотную подходит к горным хребтам, расположенным на юге от реки. К северу от хребтов раскинулась плоская равнина, где река в крутых меандрах подмывает низкие берега, сложенные озерными ленточными глинами. Щучья, как и Колва в местечке «Воронова Гладь», течет здесь по дну древнего озера, разлившегося у подножия гряды Собкае, которая подпруживала ледниковое озеро. Далее Щучья приближается к горам с высотами порядка 300 метров. В 423 километрах выше устья Щучья принимает правый приток — Большую Хадату. В ней оказалось достаточно воды, и мы рискнули подняться на лодке километров на двадцать. Пока занимались обследованием массива Ходата-Пэ (высота — 741 метр), целиком сложенного ультраосновными породами, вода резко упала, и лодка очутилась на сухом месте среди валунов. Мы оказались в западне. Проводники сказали, что нам отсюда не выбраться до осенних паводков или по крайней мере придется ждать прихода оленеводов.

Обследуя окрестности нашего лагеря, я обратил внимание на одно довольно большое озеро, расположенное всего в 20 метрах от реки на высоте пяти метров над ее уровнем. Решение созрело мгновенно. Надо прорыть канаву от озера к реке и воспользоваться этой водой. Проводники не верили в мою затею. Однако мы вы-

рыли канаву с лопату шириной и полтора метра глубиной — как раз до уровня озера. К счастью, берег был сложен песками, но мы все же потратили на эту работу более четырех часов. Вода из озера потекла вначале маленьkim ручейком. Он бурлил, углубляя русло, ишился за счет подмыва стенок канавы. Поток воды усиливался. У реки образовался водопад, который отступал и уже через час подошел к самому озеру. Я ждал того момента, когда на дне озера возникнет воронкообразное углубление и вода хлынет большим потоком. Зачарованные грандиозной работой воды, мы не могли оторваться от этого зрелища и чуть было не забыли о своей лодке. Когда вода в Большой Ходате поднялась на метр, мы покинули свой лагерь и через два часа были уже в Щучьей.

От устья Большой Ходаты мы поднялись по Щучьей еще на 100 с лишним километров и подошли к горе Нуэн-Пэ высотой около 550 метров. Ее слагают гранитогнейсы и метаморфические сланцы. Восточные горы Харам-Пэ и Нара-Пэ не превышают 500 метров. Почти все горные хребты в верховьях Щучьей вытянуты в северо-восточном направлении и имеют невысокие вершины.

За счет мощных древних ледников хребты на восточном склоне Полярного Урала более расчленены, чем на западном. Ледники сохранились до наших дней. Один из них, длиной 1800 метров, спускается по восточному склону хребта Оч-Нырд, имеющего высоту 1363 метра. Реки глубоко врезаются в горы и текут в широких долинах, выполненных четвертичными паносами. По склонам долин уживаются лиственничные, хотя и не густые леса. Лиственница забирается далеко в горы. Интересно отметить, что на этой же широте на западном склоне лесов нет вообще. Это объясняется различием климатических условий обоих склонов. Хребет протягивается на северо-восток, и его западный склон доступен влиянию холодных ветров с Карского моря. В то же время высокие вершины западного склона предохраняют восточный склон от холодных северо-западных ветров. Хребты восточного склона необыкновенно живописны осенью, когда лиственница надевает золотистый наряд и солнце, скрываясь на западе, заливает горы пурпурным заревом заката.

На исследованной территории не удалось обнаружить ни газовых, ни минеральных источников. Более того, известняки, сланцы, песчаники и алевролиты среднепалеозойского возраста, по нашим наблюдениям, не имели каких-либо признаков нефтегазоизъявлений. Однако мы не считали себя вправе дать отрицательную оценку этой площади в отношении нефтегазоносности, хотя бы потому, что в более южных районах Западно-Сибирской низменности были известны многочисленные нефтепроявления. Теперь, как мы знаем, Западно-Сибирская низменность вплоть до

самого Уральского хребта является нефтегазопосной провинцией. На этой территории открыты месторождения нефти и газа, в том числе Березовское, близ села Березово, к югу от Салехарда, и крупное месторождение к северу от Березовского, в южной части полуострова Ямал, недалеко от Щучьей.

Вверх по реке Адзыве

В 1950 году в Московском филиале ВНИГРИ интерес к Большеземельской тундре пропал. Но мы не хотели мириться с прекращением геологических работ вообще на этой территории. «Белые пятна» ждали исследователя. И за каждую поездку приходилось «воевать». Наши настойчивые просьбы о продолжении работ в течение двух лет — 1950 и 1951 годов, — к сожалению, ни к чему не привели.

Незабываемым остался для меня день 26 июня 1952 года. Я вошел в просторный кабинет министра нефтяной промышленности и растерялся, когда увидел сидящих за столом представителей многих нефтяных организаций и сотрудников Главнефтегазразведки. Но робость и растерянность как рукой сняло, когда я разложил свои материалы на большом столе. Я ясно себе представлял перспективы этого района, а потому говорил и говорил, до неизличия увлекаясь волновавшим меня вопросом. Наконец я кончил, кажется изложив все «козыри» в пользу продолжения начатых работ. Довольно настойчиво меня поддержали многие присутствующие, в том числе и главный геолог Главнефтегазразведки А. А. Трофимук, ныне академик, и главный геолог Московского филиала ВНИГРИ А. В. Ульянов. И помнится еще замечание одного из присутствующих, который полуушутя-полусерьезно сказал: «Не понимаю: люди неохотно едут в этот край, когда их посыпают, а Георгий Александрович сам рвется — его не пускают». Все улыбнулись, и министр обратился ко мне с вопросом, как и в 1941 году, о каких средствах, собственно, идет речь.

Уже тогда я мог бы сказать, в каких районах не обойтись без глубокого бурения и где следует заложить скважины. Но к тому времени оставалась совершенно неизученной с точки зрения нефтяной геологии гряда Чернышева, породы которой выходили на дневную поверхность, тем более что вся территория Большеземельской тундры покрыта мощным чехлом четвертичных отложений. И опять я выступил всего-навсего в роли просителя небольших средств на организацию экспедиции.

На эти небольшие средства мы вдвоем с женой направились в Большеземельскую тундру. В Усть-Усу прибыли в пору сенокоса.

Председатель сельсовета уговорил поехать с нами двух ребят — пятнадцати- и семнадцатилетних Николая и Михаила, Настю — девушки того же возраста и Егора — инвалида войны средних лет. Арендовали лодку грузоподъемностью тонны полторы, закупили продовольствия на три месяца, насыпали сухарей. В одно прекрасное утро крохотный пароходик «Пионер», забуксировав нашу «баржу», потащил ее вверх по Усе, до устья Адзьвы.

Вверх по Адзьве идем на бечеве. На протяжении 400 километров река течет вдоль гряды Чернышева, и в некоторых местах она и ее притоки обнажают древние породы, слагающие гряду. Пока не спала весенняя вода, поднимаемся по Адзьве до ее истоков — Вашуткиных озер. По пути осматриваем берега. Притоки оставляем на обратный путь, когда будет прохладнее и меньше комаров в тундре, потому что исследовать их придется пешком.

Каждый день приближает нас к озерам. Поднимаемся шумно. Егор, когда-то опытный лодочник, а теперь беспомощный, покривляет и понукает молодежь. Тащат бечеву по двое, через каждый час — смена. Я иду по высокому коренному берегу, не спуская глаз с лодки, но ребятишки справляются, хотя и шумят. То и дело раздаются по реке голоса: «Тачи лок» (иди сюда), «Кыссыне» (тащи). На пороге Бурундук-Кось случилась авария. Как раз в тот момент, когда уже казалось, что порог преодолен, оборвалась веревка. Лодкой я управлял сам, пятеро тащили бечеву. Все произошло мгновенно. Ребята как подкошенные попадали на берегу. Я не успел сманеврировать, как меня отнесло вниз на километр. Одному с такой баржей трудно было справиться. Но все обошлось благополучно.

На другом пороге чуть было не утонул Егор. Порог не представлял ничего опасного. Ребята шли не спеша и разговаривали между собой. Егор сидел на корме за рулем. Думается, что он сделал неудачный поворот веслом, а когда сильная струя воды ударила в лодку, ребята на берегу ослабили бечеву. Лодку понесло вниз. Егор мигом прыгнул в воду, чтобы задержать ее, но течение сбило его с ног. Он каким-то чудом успел повиснуть на одной руке на борту лодки. Смыщеная молодежь на берегу, напрягая все силы, держала лодку, а жена тем временем с трудом вытаскивала беспомощного Егора из воды.

Трудно пришлось в самом верховье Адзьвы, где на расстоянии трех километров тянется порог «Сердце». В жаркий период, когда в тундре пересыхают реки, этот порог на лодке непроходим. А мы как раз и подошли к нему в летнее время. Солнце палит нещадно. В русле обнажились все большие и малые камни. Вот тут мы изрядно помучились со своей баржой. Шаг за шагом тащили ее почти по сухому руслу.

Все наши происшествия не обошлись без ущерба: подмочили часть продовольствия, заплесневел хлеб, так что в последние дни пришлось несколько подтянуть ремни. Словом, было всякое: и смешно, и тяжело, и опасно. Но как бы то ни было, подъем по Адзье был осуществлен за 24 дня. Проходили 16—20 километров в день — это неплохо при нашей рабочей силе.

Блаженный отдых поджидал нас на озерах. Наконец-то после месячного пешего маршрута ребята сели на весла. Многочисленные озера соединяются между собой узкими, но глубокими протоками. Надо было осмотреть их все. Мы попали в сказочную страну: лабиринт небесно-голубых озер. Над головой голубое небо и яркое полярное не заходящее за горизонт солнце. Вода блестит зеркальной поверхностью. Тихо скользит лодка, все объято торжественной тишиной. Ничто не шелохнется. И вдруг из заводи выплывает семейство царь-птицы: два белых лебедя, а за ними — еще не успевшие поменять наряд три молодых в серых перьях. Первая пара, горделиво покачивая головой, осторожно поглядывает в нашу сторону, явно недовольная вторжением в их владения.

На берегу одного из многочисленных озер приютилась избушка. Перед нами она появилась, как в сказке, совершенно неожиданно. Мы, конечно, поспешили высадиться и навестить хозяев. Войдя в избушку, поразились еще более. Перед нами сидела женщина необыкновенной красоты с осанкой королевы в старинной национальной одежде коми. Я не ошибся: женщина была родом из Ижмы. Голову ее обвивала вдвое уложенная тяжелая русая коса. Рядом на полу сидел малыш лет четырех-пяти. От неожиданности я и не сразу нашелся что сказать. Женщина молчала, и, как мне показалось, лицо ее даже не выражало удивления. Уж не помню точно, с каким вопросом я обратился к ней, но она, к сожалению, обнаружила полное незнание русского языка. Тогда мои ребята вступили с ней в разговор. Я заметил, как она, разговаривая немногословно, сохраняла все то же достоинство. Вскоре пришел хозяин, с ним мы разговорились. Он живет на озерах постоянно, занимается рыболовством и охотой. Связь с внешним миром осуществляется изредка: летом — на лодке по Адзье до деревень, зимой — по санному пути на собаках. Ранней весной и поздней осенью здесь проходят кочующие оленеводы со своими огромными стадами. На одной протоке оленеводы держат два чума для летних стоянок. Они запасаются здесь рыбой, прежде чем отправиться в дальний путь на Пай-Хой.

По берегам озер никаких выходов скальных пород мы не обнаружили, а потому заторопились вниз по реке. У каждого притока, который нам надлежало обследовать, надолго останавливались, готовились к маршруту и уходили на неделю. Брали с собой тент,

спальные мешки, провизию, но и этот груз в походе оказывался непосильным. Тент спасал от снега и дождя только с двух сторон. Фактически спали под открытым небом, на свежем воздухе.

А снежок между тем все чаще и чаще падал, одевая холмы и сопки в зимний наряд. «Рановато что-то в этом году», — подумал я. Продукты таяли у нас на глазах. Рыбы в нижнем течении Адзывы почти нет, и на блесну она осенью не ловится. Словом, холодно и голодно. В последний маршрут мы пошли со скучным дневным пайком: два черных сухаря и два куска рафинированного сахара каждому. Сыпал снежок и плотным слоем устилал всю тундру. Целый день мы карабкались по высоким и мокрым склонам Пымва-Шора, выискивали и выбивали окаменелости, описывали пласт за пластом. Наконец, измученные, часа в четыре расположились на утесе. Все поеживались и молчали. Ребята, очевидно, мечтали наесться досыта. А тут еще, как на грех, чай никак не закипал. Хвороста не было, а березка не горела — мокрая. Сидели жевали сухари, запивали теплой водой, молчали. И вдруг на противоположную скалу вышла важенка с двумя телятами, остановилась, горделиво поворачивая свою рогатую голову, очевидно выслушивая, в какую сторону безопаснее идти. Глупые телята тут же начали ципать ягель. «Какая красота!» — сказал я, обращаясь к ребятам. Но увидел вопрошающий взгляд. Я медлил, надеясь, что важенка вот-вот скроется. Ребята стали умолять. Мысль о голодных подростках взяла верх, и я решил убить старшего теленка. Тушку тут же раздели мальчишки с Егором и перенесли в лагерь. Мясо оказалось большим подспорьем.

Короткое полярное лето близилось к концу. 5 сентября рано утром наши палатки замело мокрым снегом, это было в устье Фомаю. От неожиданности мои спутники так засутились, заволновались, что в этот день пришлось устроить дневку. Не захотелось сворачивать лагерь под мокрыми хлопьями снега. Но этот отдых ребята, безусловно, заслужили. Фактически в течение всего лета у нас не было ни одного выходного дня. Рано утром с моим призывом к подъему свертывали палатки, грузили все в лодку и отправлялись в путь. Часа в два-три по команде тащили на берег из лодки ложки, плошки, котелки. После обеда — снова в путь. Часов в восемь, а то и в девять становились на ночлег — и так все лето.

Снег скоро стаял, но мы знали, что впереди погода нас уже не будет баловать. С каждым днем становилось холоднее. Зачастили дожди. Правда, при спуске по реке мы никаких затруднений не испытали. В устье Адзывы нас застала настоящая шуга. Реку закрывал лед, а на Усе образовались ледяные забереги. Дни стали короче. Но впереди оставалось 150 километров пути вниз по Усе.

Плыли в жуткую погоду. Лишний раз не хотелось ставить палатки на снегу, разжигать костер, готовить пищу. Мы плыли до темноты, подталкиваемые льдинами, пока совсем не выбивались из сил. Но настроение было отличное: ребята чувствовали близость дома. Последняя почевка состоялась в избушке. Мы увидели на берегу огонек и, обрадовавшись, причалили к берегу, с трудом преодолев нагромоздившиеся льды. Нас приняли как лучших гостей и накормили вкусной картофельной похлебкой, после чего ребята уснули как убитые, а я, к сожалению, провел ночь без сна: как всегда после экспедиции, я не сразу привыкаю к домашнему теплу.

На другой день подплыли к Усть-Усе. Здесь свирепствовала настоящая северная зима. Обычно Печора ставала в середине октября, а сегодня еще 28 сентября. Пароходство всплошилось, рейсы пассажирских пароходов на Печору были отменены, грузовые — заняты срочным выводом барж в безопасные кури. Мы с женой выбрались из Усть-Усы с большим трудом. У нас с собой целая тонна груза. Начальство разрешило нам разместиться на грузовом пароходе, который должен был идти в город Печору. Через 20 километров пароход остановился. Я вышел на палубу. И к своему ужасу, увидел, что находимся в Оник-Курье, битком набитой такими же пароходами, пришедшими сюда зимовать. Лишь спустя 15 дней мы наконец покинули воды Печоры.

В поисках «Нового Баку»

Зимой в результате камеральной обработки всех материалов, собранных в течение последних лет, был составлен подробный план дальнейших комплексных геологоразведочных и геофизических работ на территории Большеземельской тундры. Удалось наметить наиболее подходящие места под глубокое, или опорное, бурение. Рекомендовалось заложить скважины в низовьях реки Колвы, к северо-востоку от Усть-Усы, в окрестностях Нарьян-Мара, на побережье Баренцева моря и в низовьях реки Черной. Бурение нескольких менее глубоких скважин предусматривалось близ Воркуты. Проект получил принципиальное одобрение. ТERRитория Большеземельской тундры была признана высокоперспективным районом, однако разведчики Ухты медлили с началом буровых работ.

Нельзя не принять во внимание специфику залежей жидкых полезных ископаемых. Нефть и газ в большинстве случаев сосредоточены не в тех отложениях, в которых образовались. Залегают они на больших глубинах, иногда порядка 3000 метров и более, и обычно никак не проявляют себя на поверхности. Поиски нефти и газа — это многолетний труд, нередко сопровождающийся взаимоисключающими прогнозами.

Нашлись авторитетные геологи, которые мало верили или вообще не верили в возможность наличия нефтяных и газовых месторождений на территории Большеземельской тундры, и это падолго задержало освоение теперь всем известной Тимано-Пайхайской нефтегазоносной провинции.

Уже на ранней стадии изучения Печорского края возникли два резко противоположных мнения на перспективу отдельных его районов и областей. Наличие нефти на реке Ухте создавало представление, что нефть залегает в недрах близлежащей территории, и в частности на Тимане, а геологические исследования указывали, что наиболее крупные месторождения нефти и газа залегают ближе к Предуральскому прогибу, то есть значительно восточнее платформенной части Тимана. Разумеется, это мнение высказывало меньшинство геологов. Зато первое поддерживало большинство. Началась упорная борьба сторонников разных мнений. «Меньшинство» доказывало свою идею лишь теоретически, «большинство» — открытиями небольших месторождений нефти.

Разведчики Ухты сосредоточили буровые работы на ограниченной территории — от Тимана до Печорской гряды — и за пределы Тимано-Печорской провинции с буровыми работами не выходили.

На Печорскую гряду, по Подчерему и Щугору

В 1954 году и нам пришлось переключиться на Печорскую гряду, где изучали разрезы реки Кожвы и ее притоков. Но в конце сентября я все-таки сумел выкроить время для поездки на приток Печоры — Лаю, верховья которой лежат в Большеземельской тундре.

Отряд из пяти человек спустился из Усть-Усы на лодке по Печоре, а затем стал подниматься по Лая.

Лая течет в берегах, заросших прекрасным густым лесом. Путешествие по ней летом доставило бы большое наслаждение. Но мы попали в плохую погоду. Ни одного сухого дня за три недели: то ливень, то морося. Шли с лямкой по грязному, скользкому берегу. Сапоги вязли по колено. Дров много, но они не горели. В нашем распоряжении — далеко не достаточный запас провианта. Рыбу ловить даже не пытались: некогда и погода не располагала к этому занятию. Все мои помощники ждали дня, когда я дам команду повернуть обратно. Но меня интересовали верховья Лая.

Часто на берегах реки появлялся медведь или сохатый. Поэтому мы поднимались по реке тихо, проявляя максимум осторожности. И все-таки один раз случай свел нас с медведицей, которая

с двумя медвежатами вышла на отмель к реке. Мы притаились и прекратили подъем. Скоро медвежье семейство скрылось в лесу. Обогнув крутую петлю, на отмели мы опять увидели то же семейство. Медведица не замечала нас; она всецело была занята резвившимися около нее медвежатами. Расстояние между нами было метров 150. Вдруг медведица бросилась в воду и поплыла к нашему берегу. Трои из нас стояли на берегу: я с ружьем, Михаил с топором и Александр с охотничим ножом. Жена и Герман дрожали от страха в лодке. Я выстрелил в медведицу из мелкокалиберки с намерением отпугнуть ее от берега. Пуля, очевидно, прошла чуть выше головы, но нам показалось, что она попала в голову, потому что медведица зарычала. Решив, что она ранена и вот-вот упадет, мы побежали ей навстречу. А медведица, отряхнувшись от воды, бросилась к нам. Легко понять наше смятение. Не помня себя от страха, бежали, падали, карабкались и ползли по мокрому склону с одним желанием — попасть в лодку и оттолкнуться побыстрее от берега. Рыча от злости, медведица преследовала нас, а медвежата в это время карабкались на крутой берег. Видимо, угроза растерять детей заставила медведицу повернуть обратно. Она прекратила погоню, когда мы, обессиленные, очутились около своей лодки. Медведица скрылась вслед за медвежатами.

Время клонилось к вечеру. Дальше двигаться не имело смысла, а спускаться вниз мы не решились, потому что каждый километр вверх давался с трудом. Решили здесь ставить палатку. Но ночь прошла тревожно. Налетал шквалистый ветер. Дождь и град стучали по крыше. Скрипели и стонали деревья. И сквозь весь этот шум нам чудились шаги медведицы.

Наутро встали разбитые, нехотя погрузились и снова в путь. Зашли в устье Юр-Яхи. Прошли вверх километров пятнадцать и обнаружили в русле источники горючих газов. Впоследствии анализы показали, что кроме метана газ содержал тяжелые углеводороды, а это означало, что источники имели прямую связь с месторождением.

Последние дни варили кашу один раз в день вечером в маленьком котелке, делили ее ножом на пять частей и тут же съедали. У нас была мука, но она отсырела, а при постоянном дожде мы никак не могли наладить выпечку оладий. Повернуть бы обратно... Но желание выбраться в тундру и осмотреть верхнее течение реки толкало нас вперед. Настойчиво, несмотря ни на что, шли вверх по реке каждый день километров двадцать — двадцать пять. Давно кончился лес. Прошли лесотундру. По берегам появилась карликовая березка. Вдруг совершенно неожиданно на берегу мы увидели избушку. Это оказался кооператив «Миш-Вань», организованный

специально на пути следования олениеводов, которые заходят сюда два раза в год — весной и осенью. Здесь нам напекли настоящего хлеба. Мы отогрелись, отмылись и решили подняться еще километров на двадцать пять.

Поездкой на Ляю наши исследования не заканчивались. Мы вернулись на Печору и спустились на лодке до Мутного Материка, где изучили разрез опорной скважины.

В 1955 году исследования были перенесены на Среднюю Печору. Предстояло изучить разрезы рек Подчерьем и Щугора. Бассейны обеих рек в течение нескольких лет посещали сотрудники экспедиции Т. А. Добролюбова и Е. Д. Сошкина. В 1935 году они предлагали пробурить скважину на нефть на Вуктыльской структуре. На этом настаивал и А. А. Чернов в 1943 году, который рассматривал правобережье Средней Печоры как высокоперспективный район. Но еще оставалось много невыясненных вопросов как о возрасте некоторых свит, так и об их стратиграфическом взаимоотношении и границах.

Мы начали свои работы с реки Подчерьем, но чтобы попасть на нее, пришлось из Ухты по тракту добраться до Троицко-Печорска, а затем спуститься на лодках до реки. Пока мои товарищи разыскивали в селе лодку, я решил поискать археологические остатки на реке Мылве. Мне посоветовали обратиться к местному учителю. И когда мы вдосталь с ним наговорились, он вдруг сказал мне: «Георгий Александрович, а ведь мы с вами давно знакомы». Я вопросительно взглянул на него «Ну как же,— продолжал он,— вспомните футбол и французскую борьбу в 1924 году». И мы от души посмеялись.

Здесь, в Троицко-Печорске, я встретился с Вадимом, который направлялся в верховья Печоры с экспедицией В. А. Варсанофьевой. В этом году сын, будучи уже студентом Московского университета, проходил первую практику. После окончания восьмилетки он пошел работать на завод, затем служил в рядах Советской Армии. По возвращении за один год окончил два класса средней школы и поступил в университет — словом, решил стать геологом.

Поднимались на двух лодках. В качестве помощников у меня работали студенты Ухтинского горного техникума. Здоровые и смелые, бодрые и жизнерадостные ребята, лет по семнадцати каждому. Лето выдалось прекрасное, даже несколько жаркое для этих широт. Подчерьем — на редкость живописная река. В каждом плёсе обнажаются неповторимые по красоте и форме, в виде башен и стен древних замков, высокие отвесные скалы, поросшие вверху прекрасным смешанным лесом. Прозрачная вода не скрывает чистое каменистое дно и своих обитателей. Огромные хариусы отплывают от лодки, и семга прятается в глубоких ямах; рыба при-

ходит сюда из Баренцева моря на перест и живет в быстрых водах этой глухой уральской реки. Населенные пункты на Подчерьеме редки. В устье реки находится деревня того же названия. В 22 километрах от устья когда-то была деревня Орловка, от которой остались один-два дома. Подчерьем тянется к предгорьям Урала и близко подходит к горе Тимаиз, на которую мы поднялись, чтобы полюбоваться горными вершинами Урала и взглянуть на истоки Ильча.

Поездка на Подчерьем доставила большое наслаждение, но на всю жизнь оставила незабываемую горечь в душе. При совершенном невероятных обстоятельствах в отряде погиб человек. Вася Завещевский, наш лаборант, имел допотопное ружье, которое он зарядил картонным патроном. Патрон за ночь отсырел. Во время обеда Василий поставил ружье в нос лодки вверх дулом. Раздался выстрел — и проходивший мимо Алик упал как подкошенный, не издав ни единого звука. Мы похоронили юношу около деревни Дутово, на Печоре.

Надо ли говорить, в каком состоянии мы покидали Подчерье! Все чувствовали себя виноватыми. Не было ни шуток, ни смеха. Мы направились на Щугор — живописную, с опасными порогами реку.

Проплывали «Нижние Ворота» — узкий, глубокий, с голубой водой плёс. Толстые пласти светло-серого известняка возвышались отвесно над водой и тянулись один за другим наподобие театральных кулис. Вверху, на склоне, темнохвойный лес. Отдельные кедры наклонили могучие кроны над водой. Плыли мимо выглаженной отвесной скалистой стены «Средних Ворот». На гладкой поверхности склона раскинулся зеленый лес. Выше ворот к левому берегу примыкала терраса с луговой растительностью. Решили здесь переночевать. Наступило превосходное утро. Птицы щебетали в траве и над головой. Самые смелые ловили комаров около палаток. Поднималось солнце. Радоваться бы такой природе, но утрата человека сковывала наши чувства. Молча погрузились в лодки и поплыли дальше. Вот «Верхние Ворота». Реку стиснули скалы известняков; они здесь невысоки, но живописны, в особенности в верхнем конце, где с правой стороны в них врезался небольшой мощный ручеек, низвергавшийся в 200 метрах от реки красивым водопадом.

Щугор — мощная, многоводная река; долина реки широкая, коренные берега уступают место террасам, а террасами завладели прекрасные сенокосные луга. Мы поднялись до большого правого притока, реки Торговой, и подошли к подножию горы Тельпосиз («Гнездо ветров»). Щугор здесь круто поворачивает на юг и прокладывает свое русло между горными вершинами, огибая с востока

и с севера Тельпосиз. В районе пересечения реки с хребтом долина Щугора резко сужается, а сама река вплотную подходит к круто-му северному склону Тельпосиза. Очень удачно охарактеризовали местные охотники эту вершину. Здесь действительно властствуют непрерывные ветры, а сама вершина Тельпосиза высотой 1617 метров часто скрывается за плотным слоем облаков даже в ясную по-году. Но с этой высоты открывается вид в беспредельную даль горного ландшафта и Печорской равнины, широко раскинувшейся к западу от предгорий Урала. За невысоким хребтом на северо-востоке видны массивы высоких хребтов Приполярного Урала с гребнями и карами. Это район горы Неройки. На севере особняком возвышается хребет Сабля, в голубеющем небе отчетливо выделяются отдельные зубцы и самый высокий пик, изогнутый в виде сабли. На юг хребет Тельпосиз тянется в виде неширокого массива с плоскими вершинами и склонами, кое-где с карами. Вершина с юга от хребта отделена глубокими трогами с крутыми склонами. В верхней части склон Тельпосиза изрезан тремя кара-ми, в одном из них сохранился ледничок.

В разрезе Щугора мы собрали столько образцов горных по-род и фаунистических остатков, что задумались, как вывезти все это по порожистой реке. Наша две лодки не вмещали всего имущества. Мы соорудили плот. Он хорошо скользил по глубоким бы-стрикам, но тормозил плавание на тихих плёсах. Однако за три дня мы все же добрались до реки Печоры и с плотом на буксире прибыли в город Печору.

На реку Шарью

В 1956 году мы вернулись к проблеме нефтегазоносности Большеземельской тундры. Напомню, что за четыре года до этого проводились исследования в северной части гряды Чернышева. Теперь необходимо было охватить детальными исследованиями более юж-нюю часть гряды, породы которой обнажились на реке Шарью. Нас было семеро: постоянная спутница моих экспедиций — жена, лаборант Оля и четверо рабочих из Усть-Усы и Арапца. Поднимались по реке на двух лодках. На берега Шарью я смотрел теперь другими глазами и по-иному ценил красоты и характер этой не-большой горной реки. Скалы по берегам ее тянутся почти непре-рывно, лишь в местах прорыва пермских пород, легко разрушаю-щихся, долина реки становится более широкой. Пласти древних пород стоят на «головах», и это дает возможность проследить пере-ход одного слоя в другой, наблюдать контакты и выяснить зако-номерности и условия осадкообразования.

В «Нижних Воротах» мы задержались: расчищали склон и выбивали палеонтологические остатки. На правом берегу возвышалась одинокая скала «Окно». На взгляд туриста, обыкновенный памятник неживой природы, а геолог-исследователь по породам, слагающим ее, разгадывает условия, при каких накапливались осадки, послужившие образованию этих пород на территории Большеземельской тундры, в том числе и в районе гряды Чернышева, 350 миллионов лет назад, в силурийском периоде. История скалы начинается с момента отложения известковых илов в силурийском море. По мере накопления осадков дно этого бассейна постепенно прогибалось и опускалось. Нижележащие слои уплотнялись. Впоследствии осадки превратились в известняки, погрузились на большую глубину, перекрылись мощными осадками девонского периода, отложившимися в аналогичных условиях, затем каменноугольного и, наконец, пермского. В конце пермского периода и в начале следующего — триасового, примерно 150 миллионов лет назад, под действием внутренних сил Земли из океана поднялись погребенные породы силура и девона. Возникла горная страна.

Не успели появиться молодые Уральские горы, как вечный разрушитель — денудация начала свою деятельность, в процессе которой с гор сносился преимущественно грубый обломочный материал в предгорную впадину, образовавшуюся вблизи теперешней гряды Чернышева. В конце триаса тектонические движения распространялись и на предгорную впадину. Они создали здесь гряду (гряду Чернышева), протягивающуюся с юга на север, а затем и на северо-восток, вдоль Полярного Урала. Впоследствии эта гряда была почти полностью снивелирована. Она не выделяется в рельефе. И лишь по рекам обнажаются пласти древних пород силура, как, например, на Шарьё.

В коренных породах силурийского и девонского возраста выявлены сильные битумопоявления, позволившие с полной уверенностью говорить о том, что в недрах этой территории должны быть сосредоточены нефть и газ в больших количествах. И это предположение полностью подтвердилось. Всего лишь в 60—70 километрах к западу от «Окна», в низовьях реки Колвы, открыто крупное месторождение нефти. Те самые силурийские известняки, залегающие на глубине 3100 метров, дали промышленный приток легкой нефти.

От «Четвертых Ворот» готовились в обратный путь. И как всегда при этом возникала проблема перевозки груза по сухой реке. Поджидали осенних дождей. Ниже по реке, в 40 километрах, у «Вторых Ворот», остался склад с запасами продовольствия. Троє в лодке отправились за продуктами, рассчитывая вернуть-

ся через два дня. К вечеру этого же дня пошел дождь, а утром вода подобралась к нашему лагерю, который располагался на узком террасовидном береге, у отвесных, поросших мхом и кустарником скал. Были приняты срочные меры по эвакуации лагеря на высокий склон. Вода наступала на глазах. К обеду терраса была залита водой. Вечером пошел снег. Все изменилось. Долгожданная осень наступила. Река вздулась. На другой день вечером ждали людей с продуктами. Сидели у костра и прислушивались к каждому всплеску воды на реке. Наступила ночь, одна из таких, когда отойдешь от костра на десяток метров и ничего не увидишь кругом. Все разошлись спать. Я сидел один у костра, поддерживая огонек. Лишь к рассвету сквозь шелест мелкого дождя до меня донеслись голоса. Нелегким оказался подъем по разлившейся реке.

Не мешкая, мы благополучно спустились по реке, вывезли все коллекции и вернулись в Ленинград. Однако па будущий год экспедиция не состоялась. Работы срывались уже не в первый раз тогда, когда были близки к завершению. Но я задался целью доказать, что территория Большеземельской тундры богата нефтью и газом и что она неотъемлемая часть единой нефтегазоносной провинции вплоть до Пай-Хоя. Я предлагал назвать ее Тимано-Пайхайской. И филиал Академии наук СССР в Сыктывкаре дал мне возможность продолжить исследования.

Близко к завершению

Каждая экспедиция подтверждала предполагаемые прогнозы и вносила новые детализирующие данные. Мало-помалу выявились физико-географические и палеогеографические условия далеких геологических эпох. Обозначались в земной коре структуры, резервуары, горизонты и ловушки, в которых могли формироваться нефть и газ в промышленных количествах. Дальнейшее должны были решить буровые работы. Но разведчики не верили в реальность этих богатств, и Ухткомбинат оставался глухим на все наши призывы начать буровые работы в Большеземельской тундре.

Как-то на одном из заседаний совета президиума Коми филиала Академии наук присутствовал сотрудник обкома, который отметил, что геологи филиала не помогают разведчикам и потому нет в республике прироста запасов нефти и газа. Было вынесено предложение прекратить разведочные буровые работы в Печорском крае. «Позвольте,— сказал на это председатель Коми филиала Академии наук,— наши геологи дают новые направления, куда

следует идти за большой нефтью и газом. Это ухтинцы не прислушиваются к науке».

В скором времени республиканская газета «Красное знамя» опубликовала мою статью «В поисках Нового Баку». Через месяц в этой же газете ухтинские разведчики выступили со статьей «Где надо искать Новое Баку». Вот тут-то и выяснились два противоположных направления в вопросе поисков месторождений. Разведчики тянули к Тиману, ученые — к Уралу и в Большеземельскую тунду, которая, по мнению разведчиков, лежала за пределами Тимано-Печорской провинции, ограниченной с востока Печорской грядой, и потому считалась бесперспективной. По научным данным, нефтегазоносная провинция простиралась от Тимана на западе до Пай-Хоя на востоке и от Урала на юге до Баренцева моря на севере. Я упорно цастивал на скорейшем начале опорного бурения в Большеземельской тундре и упрекал разведчиков в том, что они не уходили в новые районы. Джебольская структура на Южном Тимане, где ухтинцы надеялись получить в 1958 году большой газ и проектировали направить его по газопроводу на Урал и где почти началось строительство города Комсомольска-на-Печоре, оказалась пустой.

Суть дела справедливо отметил А. Старков в своей статье «Сияние Севера», напечатанной в 1970 году в 34-м номере журнала «Огонек». «...И Джебол, — писал он, — был наиболее болезненной, но не единственной осечкой на подступах к газовому Вуктылу. Так было и с нефтью в Кomi. За 30 лет поисков ее запасы почти не возросли, а в какие-то годы даже уменьшались, поскольку добыча шла, а новых месторождений не обнаруживалось. И поговаривали о беспадежности здесь нефтеразведки. О передаче отпущеных на нее средств в другие, действительно перспективные районы страны. Всякого наслышались в свой адрес местные геологи, доставалось им на конференциях и совещаниях, и в первую очередь главному геологу Андрею Яковлевичу Кремсу».

Но и история с Джеболом не вразумила разведчиков. В статье ухтинцев «Где надо искать Новое Баку» прямо говорилось, что нефть будет открыта в Печорской депрессии, то есть в Тимано-Печорской области. Более того, руководство Ухткомбината наше предложение о направлении работ назвало легкомысленным. Теперь-то можно сказать, что «легкомысление» принесло государству миллионы запасы жидкого топлива. А в 1958 году ухтинцы констатировали: «Ухтинский комбинат развивает и усиливает разведочные работы, в первую очередь в Печорской депрессии. Здесь намечается пробурить 19,5 тысячи метров, то есть 30% глубокого бурения по комбинату». Намечали и бурили. А Г. А. Чернов, по мнению ухтинцев, был совершенно неправ, назвав выбранное

Ухткомбинатом северо-западное направление для поисков нефти неудачным; он весьма поверхностно подошел к выводу о выборе направления, рекомендуя Большеземельскую тундру для геологоразведочных работ.

Решение обкома Кomi АССР положило конец спорам между разведчиками и учеными, копец недоверию и колебаниям. В 1959—1960 годах по разным направлениям супровой тундры мощные тягачи везли буровые станки. Но делалось это отнюдь не силами Ухткомбината. Разведчики Ухты твердо отстаивали свои позиции вплоть до того, пока в Большеземельской тундре не брызнул фонтан нефти. Ухта перепоручила разведку Кomi-Ненецкому геологическому управлению. Первые буровые вышки в тундре были установлены в соответствии с моими планами. Скважины заложили в тех самых местах, которые рекомендовались под разведку нефти и газа еще в 1953 году,— в низовьях реки Колвы и в Нарьян-Маре.

Первые тысячи метров бурения в низовьях Колвы дали хорошие результаты. Сначала триасовые, затем пермские и, наконец, каменноугольные трещиноватые известняки дали промышленный приток нефти. Однако, по прогнозам, большую нефть надо было ожидать в более древних, девонских породах. Наступило время, когда буровой станок на первой глубокой скважине, достигнув 2900 метров, врезался в девонские отложения. С этой глубины скважина дала промышленный приток легкой нефти с суточным дебитом около 700 кубометров. Но большая залежь нефти скрывалась в среднедевонских, обычно пористых, породах. Бурение продолжалось...

Блестящие результаты бурения заставили наконец ухтинцев изменить взгляды на Большеземельскую тундру, более того, дальнейшие работы Ухта взяла под свое руководство. И совершенно правильно на шестой геологической конференции, проходившей в Сыктывкаре в 1964 году, Б. Л. Афанасьев сказал: «Мы не считаем случайным отставание в изучении северных районов Большеземельской тундры. Несостоительны и ссылки на трудности освоения этих районов. По нашему мнению, причина этого кроется в тех теоретических позициях, на которых стоит Ухтинское управление и которые прямо ведут к недооценке перспектив этих территорий... Ссылка на трудности опровергается тем, что бывшее Кomi-Ненецкое управление их легко преодолевало и организовало бурение Усинской (Колвинской) и Нарьян-Марской опорных скважин и выходило с картировочным бурением к побережью Баренцева моря, и, если бы оно не было ликвидировано, сегодня мы уже знали бы о строении и перспективах Большеземельской тундры».

В 1966 году на Вуктыльской структуре было открыто крупное газовое месторождение. И тогда местная газета «Молодежь Севера» от 2 апреля 1967 года в статье «Профессор был прав» вспомнила слова А. А. Чернова, который говорил, что «разведчики знают, как бурить, а геологи — где бурить». Вот если бы разведчики больше прислушивались к науке, то «Новое Баку» в Большеземельской тундре было бы открыто давно.

Вокруг хребта Енганэ-Пэ

В 1958 и 1959 годах наша экспедиция проводила исследования на территории Большеземельской тундры. Работы сосредоточились в восточной части тундры, в предгорьях Полярного Урала. Накопленные материалы требовали детального изучения пород девона, ибо с ними были связаны многие месторождения нефти в Печорском kraе. Девонские породы обнажали верховья Усы и ее притоки Лёк-Елец и Нияю и приток Воркуты — Аячага.

В первых числах июня мы направились на лошадях от Хальмерю на реку Аячагу.

Закончив работы на Аячаге, пошли пешком в Хальмер-Ю, откуда поездом добрались в Воркуту. Из Воркуты на вездеходе возвратились к своим палаткам. Наш водитель, бывший танкист, тут же решил доставить нас на Лёк-Елец. Мы было запротестовали. Но он сказал, что знает тундру вдоль и поперек и что ему не страшны никакие дороги. Собрались в путь на ночь глядя. Погрузились и отправились по тундре на вездеходе в первый раз за все годы. Легко понять впечатление человека от этой поездки, исходившего тундру пешком. Зарычал мотор, вездеход развернулся на своих гусеницах и пошел по бугристой тундре через болота и озера, ручьи и реки.

Вскоре, однако, наша вера в надежность вездехода была поколеблена. Чтобы обойти торфяные кочки, наш танкист ринулся через небольшое озерко, и вездеход сел кузовом на торфянную подушку. Около двух часов машина вертелась волчком на одном месте, разрыхляя под собой торф. Воды в озере было по пояс, а кузов засел крепко, гусеницы работали вхолостую. Наш смельчак не на шутку загрустил.

Уже стемнело совсем, пока мы выбрались из злополучного озера. Взяли курс на юго-восток, на южную оконечность хребта Енганэ-Пэ, и поехали при свете фар по тундре — не романтично ли?! Дорога прекрасная. Я похваливал возможности вездехода, танкист дал предельную скорость. Вдруг впереди заблестела освещенная огнем фар вода. Вездеход резко остановился, я вышел из кабины

и увидел: гусеницы почти наполовину повисли над обрывистым берегом реки. От катастрофы нас спасла лишь особенность гусеничного хода. «Стоп,— сказал я,— здесь будем почевать. Больше рисковать не стоит».

Забрались в тесный кузов, закутались плащами и, тесно прижавшись друг к другу, заснули в бронированном доме.

Утро наступило сырое, неприветливое. Медленно и осторожно спустились по пологому берегу и наискосок переплыли Усу. Далее обогнули южную оконечность хребта Енганс-Пэ и остановились у восточного склона хребта, на реке Лёк-Елец.

Танкист оставил нас на пустынном берегу реки. Как в сказке, 100 километров за одну ночь! Разве можно было мечтать об этом в 30-х годах, разве можно было охватить исследованиями оба района в течение трехмесячного полевого сезона?

По плану работ мы должны были отправиться в глубь Большеземельской тундры, где и реки-то зачастую непроходимы на лодках. Филиал снабжал нас резиновыми лодками отличного качества. Но чтобы попасть к рекам, приходилось изыскивать различные средства передвижения. И я искренне благодарен руководству Коми-Ненецкого геологического управления и Печорской геофизической экспедиции за безвозмездное предоставление нам вездеходов, вертолетов и самолетов, без которых мы просто не могли бы проводить свои исследования по нефтегазоносности в бездорожной Большеземельской тундре.

В одно прекрасное утро тундра встретила нас зимним пейзажем. За ночь намело сугробы снега. Река покрылась тонким льдом. Нам оставалось обследовать небольшой отрезок реки, километров пять — семь до устья и до поселка Елецкая, где находилась железнодорожная станция. Спускаться на резиновой лодке по ледяной реке было рискованно: лед сразу же ее порежет. Решили идти пешком в поселок просить помощи. Но судьба благоприятствовала нам. Не успели мы позавтракать, как услышали звон колокольчиков. Поднялись на бугорок и увидели: среди кустов мелькали олени рога. Подали знак. Две олени упряжки приблизились к нам. С нарт весело соскочили два молодых здоровых ненца.

Так неожиданно на двух оленьих упряжках мы покинули Лёк-Елец.

Исследования в 1959 году мы начали с этой же реки. Здесь надо было дополнить сборы палеонтологических остатков из пород девона. Обрабатывая палеонтологический материал, собранный во время первой поездки на Лёк-Елец, мы обнаружили среди ископаемой фауны один экземпляр раковины рода герцинелла с двумя неразрозненными створками. Род этот относился учены-

ми к классу колпачковых односторчатых гастропод. Экземпляр герцинеллы с двумя неразрозненными створками ввел в заблуждение специалистов-палеонтологов. Одни полагали, что он образован случайно присоединившимися створками раковин двух герцинелл; другие говорили, что створки принадлежат разным организмам. Чтобы разгадать загадку, мы предприняли вторичную поездку на Лёк-Елец. Из выбитых нами почти 500 экземпляров окаменевших организмов удалось найти всего лишь пять штук с обеими створками. Но и этого было достаточно, чтобы говорить о важном открытии в палеонтологической науке, так как род герцинелла пришлось отнести к классу палеципод, или двухстворчатых моллюсков. А вместе с тем массовое количество этих мягкотелых организмов в данных породах подтверждало выводы о благоприятной обстановке для развития жизни в девонском морском бассейне. Очевидно, моллюски обитали в море поблизости рифовых построек, а рифовые постройки, как известно, становились впоследствии хорошими вместилищами жидких полезных ископаемых. Шесть экземпляров герцинелл оказались уникальными находками; они описаны в палеонтологическом журнале Академии наук СССР. Весть об открытии облетела многие страны.

Мы прилетели в Лёк-Елец в холодную весеннюю погоду. По берегам реки лежал еще плотный снег. Но лучи яркого солнца и неугасающий полярный день быстро изменили облик тунды. Уже через три-четыре дня нам пришлось искать холодильник для своих продовольственных запасов. Удобное место для него оказалось в 12—15 метрах от палаток, где широкой полосой лежал снег. Я направился туда и на пути чуть было не раздавил ногой искусно свитое из сухих травинок гнездышко трясогузки — одной из самых маленьких гостей тунды, прилетавших сюда на лето с далекого Юга. Птичка выпорхнула почти из-под ног.

Трясогузки вьют свои гнезда в зарослях карликовой берески прямо на земле. Чтобы не терять гнезда из виду, я поставил сухую ветку, и, таким образом, мы могли наблюдать за жизнью нашей маленькой соседки. Трясогузка вылетала из него и пряталась здесь же, в зарослях берески. Шло время. С каждым днем становилось теплее. Тундра покрылась ярким ковром цветов. У нашей соседки появились птенцы. Сколько нужно было энергии и ловкости, чтобы поймать насекомых для такой оравы детей! И мы решили помочь птичке — устроили ей кормушку. В течение нескольких минут у палаток с помощью сачка можно было поймать целую спичечную коробку комаров. Этую коробочку жена подставляла к гнезду. Можно было подумать, что птичка побоится коробки. Но мы ошиблись. На что только не решится мать, чтобы сохранить детей! И птичка охотно, хотя и не сразу, стала принимать наш

дар. По несколько раз в день приходилось наполнять коробку комарами и мошкой. Трясогузка тем временем к нам привыкла и с каждым днем все ближе и ближе подпускала к себе.

От станции Елецкая мы возвратились поездом в Воркуту, затем на вертолете летели в верховья Малой Усы, к тому месту, откуда можно было спускаться на резиновых лодках. Верхнее течение обследовали пешком, а затем спустились вниз на двух лодках до слияния Малой Усы с Большой Усой. Порожистой оказалась Малая Уса, особенно в нижнем течении, где нас кидало с камня на камень. Лодки, обернутые в возовые брезенты, связанные вместе, падая на камни, разворачивались, а нам ничего не оставалось, как держаться покрепче за веревки.

От развилки поднялись по Большой Усе до устья левого притока Нияю. Здесь, на низкой террасе, организовали свой лагерь. Отсюда начались пешие маршруты по Большой Усе и по ее притокам. По Нияю прошли пешком лишь до первого водопада и возвратились к устью Малой Усы. Отсюда около 32 километров шли по сравнительно хорошей тракторной дороге пешком в Воркуту просить геофизическую экспедицию о помощи. Обратно прилетели в лагерь на вертолете Ми-4. Палатки были в снегу, тундра раскисла, даже вертолет не мог приземлиться, повис в воздухе, пока не сделали для посадки дощатый настил. Через час поднялись в воздух и минут через двадцать приземлились в Воркуте.

Лишь в 1962 году удалось продолжить маршрут вокруг Енганэ-Пэ. В начале июня, когда в тундре еще лежал снег, мы приехали на станцию Сейда Печорской железной дороги, а отсюда — 96 километров до станции, затерявшейся среди сумрачных снежных Уральских гор. Здесь базировалась воркутинская партия разведчиков. Я пришел к начальнику партии с предписанием руководства Воркутинской экспедиции выделить нам два вездехода для переброски в верховья реки Нияю.

Выезжаем неприветливым, сырьим утром. В горах стоит сизый туман. Кое-где в долинах лежит снег. На южных склонах пятнами пробивается жалкая тундровая растительность. Безжизненные горы холодного, сурового Полярного Урала. Машины идут вдоль склона хребта, иногда забираясь и на самый склон, на твердую почву, избегая засасывающих болот, раскисших от весенней распушки.

Приехали на Нияю. Вездеходы отправились обратно. Разбили лагерь. В круtyх излучинах реки по берегам огромные толщи плотного снега. Он будет лежать здесь все лето — такова природа этого края. Нияю оказалась спокойной рекой. Пошли вниз, опиная по пути редкие и небольшие выходы пород палеозоя. Вскоре эти выходы исчезли. Река превратилась в озеро. Наш резино-

вый плот почти стоял на месте. На этом отрезке река текла в так называемой Нияюской депрессии, или межгорной впадине, налево возвышался хребет Енгапз-Пэ, направо — западный склон хребтов Манита-Нырд и Ния-Хой.

По характеру течения догадались, что впереди какая-то преграда, подпруживающая реку. Наконец до нас донесся шум воды. И надо отдать должное нашей осторожности. Вовремя причалили к берегу. За поворотом реки по обоим берегам выступали скалы, появлению которых мы обрадовались. Вода с этих скал низвергалась водопадом с высоты полтора метра. А далее река оказалась непригодной для плавания. Совершенно непредвиденное препятствие, а геологи Воркуты уверяли нас, что Нияю легко проходила на лодках! Прошли вдоль каньона берегом добрых три километра, так и не увидев на этом расстоянии проходимых плёсов.

Решили спустить лодку через водопад на веревках, как это уже делали не один раз. Но в данном случае мы недооценили силу падающей воды. Обернутая в брезент, лодка, поддерживаемая веревками с обоих берегов, нырнула в воду вверх дном и исчезла в пучине водопада. Выловили ее в двух километрах ниже по реке, часть вещей утонула совсем. Пришлось отказаться от такой «переправы».

Перетаскивали все имущество на собственных спинах в середину каньона. Здесь разбили лагерь. Работали около двух недель. А потом тем же способом переправились в нижнюю часть каньона — это еще три километра. На этом расстоянии Нияю текла небольшим ручьем в узком ущелье по каскаду водопадов. Нагрузились и отправились в первый маршрут. Пришли в изнеможении от усталости. Не хотелось двигаться, чтобы разжечь костер и вскипятить чай. Вдруг услышали шум мотора вездехода. Он шел с Урала вдоль высоковольтной линии. Как нам повезло: вездеход пустой! Через двадцать минут мы со всем своим грузом оказались у нижнего водопада Нияюского каньона.

Разрез в каньоне оказался на редкость интересным. Здесь обнаружились рифовые силурийские известняки с огромным количеством ископаемой фауны. От каньона дорога была уже знакома. Мы быстро и без труда спустились до «развилки». Отсюда — опять с попутным вездеходом — выбрались в Воркуту.

На гряду Чернова

Новые задачи и цели требовали поездки на гряду Чернова, где мне уже приходилось работать 20 лет назад. Еще раз следовало изучить разрезы рек Тарьи, Падимейвис, Коротаихи и Синькин Нос. Из Воркуты на двух вездеходах мы направились через тунд-

ру в верховья реки Тарью. От озера Харбей простирались болота и озера, чередуясь одно за другим. Через восемь часов прибыли к устью реки Солаю, где в 1941 году обнаружили соляные источники. Отсюда началось длительное путешествие на лодках. У нас их было три, грузоподъемностью до 600 килограммов каждая. Погода стояла великолепная: теплые солнечные дни, только докучали комары. Молодежь в пути мазала спины диметилфталатом, раздевалась до пояса и загорала.

У первого водопада, где выступали древние породы, остановились на несколько дней. Тщательно изучили разрез. Взяли часть образцов для различных анализов. К сожалению, склад камней оставили в тундре.

Дальше плыли по обмелевшей реке. Ниже водопада увидели яму, в которой кишили не видевшие блесны хариусы и окунь. Решили запастись рыбой. Река пересохла настолько, что даже мелкосидящие лодки приходилось вести гуртом и перетаскивать через каменистые перекаты. Резиновые лодки были незаменимы в этих условиях и совершенно несравнимы с деревянными. Руслу расчищали иногда лопатой. Прибегали к спуску озер.

Тарью впадает в Сядейаху, и обе они образуют Коротаиху. Нам осталось километров восемнадцать до устья Падимейвиса. Но они доставили нам немало хлопот. Река стала многоводнее, а русло шире. Появились песчаные отмели, от берега до берега тянулись косы. Мы буквально отыскивали глубокие места, затем тянули за собой лодки.

Наконец мы у устья Падимейвиса. На пойменной террасе, среди толстоствольного ивняка, разбили лагерь. Оставили часть снаряжения, продуктов, освободив по возможности лодки. Нам предстоял подъем по Падимейвису на 50 километров до каньона. Четверо суток ушло на этот путь. Перед каньоном, на высоком луговом берегу, нашли удобное место для лагеря. Поблизости заросли ивняка. Место превосходное, живописное. Внизу журчала река, шумели водопады. Над головой безоблачное солнечное небо. Легкий северный ветерок нагонял прохладу, отгонял комаров. Самая благоприятная погода для пеших маршрутов! Задача наша — описать разрезы в каньоне и по притокам Падимейвиса. Разделились на два отряда, один работал на притоках, другой — на основном разрезе Падимейвиса и его притоке Ховрапоре.

Незаметно за повседневной работой пролетели три недели. Наконец последний десяток метров разреза, последний пласт. К этому времени второй отряд идет в последний маршрут, на Сизим-Тальбейшор. Расстаемся с прекрасным, обжитым местом. Ликвидируем лагерь и опять оставляем шесть ящиков коллекций в тундре.

Короткое полярное лето было в разгаре, в воздухе плюс 30°. В такую жару начали спуск по реке до устья. Бродили по воде, испытывая величайшее наслаждение. Остался самый труднодоступный объект изучения — Синькин Нос. Из-за недостатка денежных средств мы не могли себе позволить роскошь перелететь на самолете из Падимейвиса на Синькин Нос, куда по договоренности с Воркутинским аэропортом за пами в конце сентября должен был прилететь самолет. Нам надо было спуститься по широкой и многоводной Коротаихе до ее устья на лодках. На этом пути мы не учли одного обстоятельства. Наш превосходный резиновый плот даже на веслах двигался почти со скоростью течения, которое на разлившейся реке оказалось незаметным. Пришлось взяться за бечеву.

В 30 километрах от устья Янгарея повстречали рыбаков. Они прицепили наш плот к своей «доре», и через несколько часов мы прибыли в поселок Коротаиху на сутки раньше, чем предполагалось. Оставалось 100 километров самого трудного пути. Все наши надежды на оленеводов, но они стояли в 35 километрах от Коротаихи, в Коротаихской губе. Туда отправились на «доре». Весь день моросил мелкий осенний дождь. Мы укрылись брезентом и с кормы поглядывали на неприветливые берега этой северной реки. К вечеру причалили к обрывистому грязному моренному скользкому склону невысокого, заливаемого в весенний паводок берега.

Мы попали на сентябрьский убой оленей. Всюду валялись туши убитых животных, всюду кровь.

Переговоры с главным пастухом о нашей дальнейшей транспортировке были недолгими. Через день оленеводы закончили убой. И ранним морозным утром паш аргиш из шести парт с тремя вожаками двинулся на запад по тундре, вдоль побережья Баренцева моря, к реке Талате, впадающей в море недалеко от Синькина Носа. Путь — около 60 километров. Проехав часа четыре, вдруг остановились. Требовался отдых — это понятно. Кто ездил на оленях, тот знает, что олень — слабое животное. Освободили оленей из упряжек, они должны на свободе подкормиться ягелем. Вся беда в том, что олена не пакоришь сеном, как лошадь. Мы разожгли костер. Напившись чаю, пастухи легли спать, «отдыхать». Нам ничего не оставалось делать, как последовать их примеру. Тропулись в путь только к вечеру.

Быстро темнело, и паконец на западе погас последний луч осеннего полярного дня. Я почувствовал, что оленеводы стали кружить между сопок, отыскивая в темноте одним им ведомые тропы, пока не вспыхнули в холодном небе яркие лучи ночного северного сияния. Лишь под утро прибыли к месту назначения. Остановились на высоком скалистом берегу Талаты, около неболь-

шого озерка с пресной водой. Оленеводы покинули нас тут же. Оставшись одни, мы раскинули палатки.

Талата зажата высокими отвесными, неприступными скалами, сложенными породами девона и карбона. Доступ к ним возможен только с лодки. Разрез длинный, интересный — работы много, а времени было мало, не больше двух недель. Зима на подходе. Пока описывали пласт за пластом, наполняя ящики образцами, мы не замечали ни времени, ни признаков наступающей зимы. А между тем снежные тучи забрасывали тундру крупой и снегом. Побелели высокие сопки. Однажды утром озерко нашли замерзшим. Кололи лед для стряпни. Это было 23 сентября. Работа фактически закончена.

Самолет ожидали 25—26 сентября. Привели площадку в порядок, поставили колышки в определенных местах. Зима полностью завладела побережьем Баренцева моря. Палатки замело снегом, озерко промерзло насеквость. Правда, воды теперь было много: кругом сугробы чистого снега. За дровами ходили к устью реки, плавник вытаскивали из-под снега. Положение, конечно, не катастрофическое: в пяти километрах поселок, но тем не менее зимовать здесь не хочется. Через день каждый из нас по очереди направлялся в поселок, где была рация, и телеграфировал в Воркуту о нашем желании побыстрее выбраться отсюда.

Гул самолета мы услышали 7 октября. Выбежали из палаток, а самолет помахал нам крылом и полетел на Синькин Нос. Не прошло и десяти минут, как снова послышался рев мотора. И вот долгожданный самолет приземляется близ палаток. Оказывается, о нас особенно не беспокоились: поселок поблизости. Ждали попутного рейса, а на обратном пути решили вывезти и нас. Резонно! Поэтому самолет и пролетел сразу на Синькин Нос, летчики не надеялись найти нас в эту пору на берегах замерзающей Талаты.

АН-2, как известно, берет около тонны груза. У нас было по меньшей мере 800 килограммов, да каждый человек в среднем около 60—80 килограммов. Я думал, что мы выберемся за два рейса. Но летчики, оглядев нас всех вместе с грузом, решили отделаться одним. В отваге воркутинским летчикам действительно нельзя отказывать. Они ведут свои машины в любую погоду по любым воздушным трассам. Взлетают и садятся на любые более или менее ровные террасовидные площадки, которые уготовила здесь сама природа.

Самолет набили до отказа. Торопились вылететь, пока безветренная погода.

Все сели, тесно прижавшись друг к другу. Командир завел мотор. И только тогда, когда мотор неестественно заревел, самолет

сорвался с места. За два-три десятка метров над обрывом он оторвался от земли, а нам показалось, что еще мгновение — и он врежется в противоположный скалистый берег... Метрах в десяти под нами промелькнула линия противоположного берега. Самолет стал набирать высоту. Миновали ужасные секунды.

Через полтора часа мы приземлились в Воркуте. Спустя два дня на вертолете полетели в тундру собирать свои коллекции.

Вниз по Каре на резиновом плоту

В результате предыдущей экспедиции наметился дальнейший путь нашей партии на северо-восток Большеземельской тундры, к реке Каре. В 1948 году мы охватили исследованиями лишь самое верхнее течение Кари и прилегающие к ней окрестности горы Гнеть-Ю. Теперь предстояло обследовать среднее течение этой бурной, коварной и своеобразной реки.

Вездеход из Хальмер-Ю забросил нас в местечко несколько севернее нашей стоянки в 1948 году. Отсюда пешими маршрутами мы обошли истоки Кари, Большую и Малую Кари. Долины обоих истоков углубляются в горы Уральского хребта. От Гнеть-Ю начинается путешествие на плоту из четырех резиновых лодок по сырой красавице Кари.

В геологическом отношении район оказался весьма интересным. Кара прорезает с юга на север хребет Пай-Хой. Унаследовав древнюю, дочетвертичную долину, она течет в корытообразных каньонах среди высоких, крутых и выглаженных ледником скользких скал. Каждый каньон отличается своим характером. Течение быстрое, нередко с водоворотами. Есть такие отрезки, где совершенно невозможно причалить к берегу. Сооружая свой плот, мы имели в виду коварный характер реки и ее стремительное течение, ибо ему не противостоят никакие лодки, никакие весла и, разумеется, никакие силы, а тем более наши. Нас было шестеро: четверо молоденьких ребят, одна женщина и я, уже в возрасте. Только осторожность могла обеспечить благополучный исход этого путешествия. Перед каждым каньоном приходилось останавливаться, прежде чем пускаться вплавь.

Бот проплыvаем светлые, слегка розоватые мраморизованные известняки и мраморы, очень эффектно возвышающиеся над самой водой. Живописный 50-километровый участок реки заканчивается неглубоким каньоном, в нижнем конце которого небольшой водопад. В каньоне — совершенно отвесные скалы белых мраморов. Проходим целую галерею сказочных ущелий и совсем незаметно выплываем на широкий плёс.

Далее Кара снова устремляется в каньон с быстрым течением и опасными порогами. Когда-то мраморизованные известняки вышли на отвесно, но покровный ледник, двигавшийся с севера на юг, сгладил эти скалы. Теперь пласти обрываются острыми уступами в воду. Намечаем фарватер. Важно попасть в основную струю потока, но сверху видно, что она зигзагами течет от одного уступа к другому. 20—30 минут — и наш плот в тихом плёсе. Но такой путь требует огромного напряжения сил и даже риска.

Через 35 километров опять каньон, правда со спокойным течением. После семикилометрового спокойного плавания готовимся к встрече с новой опасностью. Впереди каньон необыкновенной красоты с совершенно непроходимым Карским водопадом. Именно здесь О. О. Баклунду, путешественнику прошлого столетия, посчастливилось повстречать кочевников. Идем осматривать каньон и находим подходящее место для причала перед самым водопадом. Высота берегов здесь 60—70 метров. Надеясь на свой резиновый плот, решаем подойти к водопаду метров на сто. Двое идут по берегу, по покато сложенным скалам, не спуская глаз с лодок, готовые в любую минуту в случае опасности поймать приготовленные веревки. В каньоне стремительное течение и много порогов. Основной поток воды устремляется к отвесным скалам, перекатываясь от уступа на уступ. В узком пятикилометровом рукаве собирается огромная масса воды, которая устремляется сначала к левому берегу, затем к правому и, перекатываясь через ступенчатый каскад двухметровой высоты, бьет в нишу левого берега.

Сфотографировали это грандиозное творение природы. Разгрузили лодки, перетаскали вещи по скалистому склону, замечательному своими исполинскими котлами. Лодки спустили на веревках по волнам водопада. Пошел дождь. Все посерело, а в узком каньоне, где мы трудились, стало совсем темно. Пора было остановливаться на ночь.

Любопытное явление — котлы. Здесь они сохранились со времен покровного оледенения, образовавшиеся миллион лет назад и срезанные в верхней части ледником. Сам водопад после образования этих котлов отступил вверх по реке метров на восемьдесят, а русло реки углубилось метров на десять. Котлы в скалистых берегах Кара поражают исключительно правильной окружной формой: строго вертикальные стенки до двухметровой глубины и метрового диаметра. Иногда в них находится галька совершенно правильной шарообразной формы. Она-то и точит известняк при вращении воды. Исполинские котлы раскрывают историю образования долины Кара, которая существовала здесь за много миллионов лет до наших дней.

Ниже этого каньона на Кара еще много опасных мест. Мы

предварительно осмотрели каждый порог, но все-таки нас затянуло в один водоворот. Обогнули две крутые излучины с резким поворотом с юга на север и за одним из них совершенно неожиданно попали во власть стремительного течения. В плёсе 10-метровой длины не было никакой возможности причалить к берегу, а вода между тем падала с полутораметровой высоты со скоростью до 10 километров в час. Лодки неудержимо понеслись вниз. Удар — налетели на подводный островок. Не успел я дать команду держаться за веревки, как две первые лодки пырнули, а две задние встали на нос. Всех захлестнуло водой. Наконец подпираемые высокими волнами и задние лодки свалились вниз. Затем плот несколько раз повернулся в водовороте у левого берега, и перед глазами неожиданно выросла огромная отвесная скала в виде гладкой стены, за которой ничего не было видно. Поток воды нес наш плот именно к этой стене. Напрягли все силы, чтобы вовремя оттолкнуться от скалы. К счастью, за скалой оказался тихий плёс с песчаными берегами. Обогнули скалу и причалили к правому берегу с ног до головы мокрые и порядком напуганные происшествием.

На другой день мы осмотрели место катастрофы. По обоим берегам виднелись сильно смятые в складки слоистые известняки и кремнистые яшмовидные сланцы, образуя узкие ворота. Яшмы выступали из воды острыми гребнями, а на месте известняков образовались глубокие промоины. Вода, падая с яшмовых гребней, клокотала в глубоких ямах. С высоты это место выглядело как кипящий котел. Мы еще раз воздали должное своему резиновому плоту. Благодаря амортизации резины мы остались живы и невредимы.

Далее скалы сопровождают реку почти непрерывно. Но Каре ниже яшмовых ворот становится широкой и глубокой. Высокие скалы встают из воды в одиночку то тут, то там. Вот видны головы «древних рыцарей» в шлемах, поставленные на пьедесталы. Затем вырисовывается «часовой на посту». Далее из-за поворота выглядывает голова дикой птицы, затем пирамidalный пик, фигура человека, крепостные ворота. А в одном месте на гладкой скалистой поверхности темной породы видны буквы «М» и «С» из более светлой породы. Всего разнообразия скал на Каре не ошишешь. Эту реку надо видеть, по ней поплавать, и тогда она запомнится на долгие годы. По возвращении в Воркуту нам никто не поверил, что мы прошли все каньоны и пороги.

Незабываемое впечатление оставляют на Каре скалы темно-серых туфов мезозойского возраста (своеобразная порода, состоящая из вулканического пепла, довольно крепкая, но пористая, оттого легкая.—Г. Ч.). Они возвышаются над рекой метров на

семьдесят и тянутся километра три. Вверху туфы изрезаны небольшими овражками, они легко разрушаются.

Далее по Каре, как и по Коротаихе, пришлось тащиться вниз на бечеве, пока не повстречали перед самой Карской губой пенцев, перевозивших оленье мясо. Мы погрузились на борт их «доры». В губе нас застал туман. Белая плотная пелена окутала все вокруг. Но уже чувствовалось влияние океана. «Дора» качалась на волнах, как щепка. Рассчитывали добраться до поселка Кара часа за три, блуждали в тумане пять часов. Поселок Кара — благоустроенный населенный пункт. При аэропорте оказалась гостиница. Отсюда рейсовым самолетом мы вылетели в Воркуту.

На юго-западный склон Пай-Хоя

Шел 1963 год. Прошло 30 лет с тех пор, как я начинающим исследователем посетил Пай-Хой с экспедицией отца в поисках угля. А вот теперь, решая нефтяную проблему, я отправляюсь на Пай-Хой, на его юго-западный склон, для изучения разрезов верхнего палеозоя. Мы вылетели из Воркуты с попутным рейсом АН-2 Печорской геофизической экспедиции. Правда, перед вылетом выяснилось, что площадка близ деревни Карапайки после весенних паводков пока для посадки не пригодна. Самолет приземлился километрах в семидесяти от деревни. Дальше плыли на рыбакских моторках. От Карапайки еще сто километров трудного пути: через дельту Коротаихи вдоль побережья Баренцева моря к устью реки Большой Талаты (Пайхойской). В этот путь мы собирались па крохотном колхозном катере, на котором председатель колхоза осматривал свои владения. День выезда выдался неудачным. С утра моросил дождь. А в полдень по-настоящему заштормило. Серое небо слилось с серой водой. В дельте реки разыгрались волны. Наша моторка ныряла в волнах разбушевавшейся стихии. Я стоял подле рулевого. Остальные члены экспедиции — их было трое — прятались в маленьком укрытии вместе с вещами, где можно было сидеть только на корточках. Они испытывали полное впечатление плавания в закупоренной бочке.

Наконец добрались до устья Большой Талаты. Моторист испробовал возможности своей моторки и пытался протащить нас немногим вверх по течению. Но ему удалось пройти не больше трех километров. Дальше не пустили галечниковые перекаты. Сюда должен был подойти проводник с лошадью, вышедший из поселка через тундру после нашего отъезда. Иван прибыл через два дня верхом на неказистой лошаденке, с которой мы позднее хлебнули немало горя.

По мере работ мы продвигались вверх по реке километров на пять-шесть ежедневно. Пока работали на разрезе, Иван в два-три маршрута должен был перевозить весь наш скарб на новое место. Но у лошади хватало сил только на один. Больше она не желала работать, несмотря на отчаянные понуждения Ивана. Она останавливалась, комары нещадно осаждали несчастное животное, а Иван хлестал ее в это время кнутом, не жалея сил. Пришлось подкармливать лошадь хлебом и макаронами. Пока лошадь простояла часами, Иван отсыпался в кустах. А мы работали: днем описывали разрез, вечером перетаскивали мешки и ящики на собственных спинах.

С Большой Талаты нам надо было перебраться через тундру к следующей реке — Бельковской, находящейся всего в 12—15 километрах от стоянки. Осуществить переброску отряда на нашем «транспорте» было просто немыслимо. Я решил отделаться от лошаденки и отправился с Иваном в деревню просить помощи. Несколько-негаданно здесь оказался маленький вертолетик, принадлежащий той же геофизической экспедиции. Я упросил летчика пойти мне навстречу, и через 30—40 минут вертолетик приземлился у наших палаток. В первый рейс на Бельковскую я полетел с ним выбирать место для посадки и лагеря. Во второй рейс отправились Юра и Нелли. В третий рейс летчик полетел с грузом. И лишь в четвертый я сел с женой в кабину вертолета. Жена держала в руках небольшую лайку, увязавшуюся за нами из деревни. Летчик завел мотор. Он затрещал и тут же заглох. Завел второй раз — опять заглох. Жена побледнела. Летчик попытался в третий раз завести свою машину и при этом оглянулся в нашу сторону. На бледном лице жены отразился испуг. Летчик, заметив это, сказал так просто, как будто нам предстоит проехать эти 15 километров по земле на колесах: «Да он у нас иногда останавливается». Трудно было что-либо возразить на это замечание, и мы промолчали... и лететь-то всего 8—10 минут. Наконец мотор затарабахтел. Вертолетик поднялся в воздух. На высоте около 40 метров мы благополучно подлетели к Бельковской.

С Бельковской наш путь лежал на реку Гусиную, протекавшую параллельно Бельковской, в 10 километрах к северо-западу. Мы надеялись преодолеть его на оленях. К этому времени оленеводы со своими стадами возвращались с побережья Карского моря. Однажды почти у устья Бельковской в дымке вечернего тумана на пригорке показалось стадо. На следующий день мы отправились для переговоров. Обстоятельства складывались не в нашу пользу. Оленеводы не хотели возвращаться и тем более ждать нас, пока мы будем работать на Гусиной. Я предполагал пробить на этой реке не менее десяти дней. Порешили на том: оленеводы доста-

вят нас на Гусиную, где мы разыщем второе стадо, а если его не окажется, вернемся обратно. Дальнейшая работа становилась под угрозу.

В полдень 14 сентября ликвидировали лагерь на Бельковской. К вечеру подъехали к Гусиной. Следуя вдоль реки в поисках чума, быстро нашли его. Здесь узнали приятную новость: стадо с главными пастухами прибудет дня через три-четыре, и мы сможем легко выбраться к устью Талаты, куда за нами должны прибыть рыбаки на лодках.

На Гусиной мы пробыли неделю, в течение которой поддерживали связь с чумом. Работать начали с верховий реки, постепенно приближаясь к чуму; он стоял в устье Гусиной. Наконец работы закончены, и мы примкнули к оленеводам. Теперь мы в безопасности. А между тем на Пай-Хое царила предзимняя пора. Падал редкий колючий снегок. В палатках было холодно, вечера проводили в чуме, где дымно, но тепло и пахло вкусной пареной олениной. Блаженствовали, сидя вечером у очага при свете керосиновой лампы за чаем. У очага хлопотала фельдшерица Нина, родом из Вологды. Вышла замуж за оленевода и вот теперь кочевала с мужем и оленями стадами по тундре. У этой четы была прехоршенькая белокурая девчушка лет трех, Анночка, совсем не похожая на всех остальных жителей чума.

Два дня жили с оленеводами, они задержались по случаю традиционного ненецкого праздника. Затем отправились вдоль побережья Баренцева моря к Талате. Неспокойно северное море осенью. От Талаты оленеводы двинулись на Коротаиху, а мы стали ждать рыбаков. Неподалеку от палаток стоял геодезический столб, на который Юра забирался не один раз в день и поглядывал вдаль. Через два дня поднялся западный ветер. Ночью он усилился. Заштормило холодное Баренцево море. С бровки высокого берега были видны кудрявые белые гребни волн. Да, в такую погоду рыбаки не отважатся приплыть за нами.

На реке Талате работала разведочная партия Н. В. Шмелева. С утра ушли с Юрай к разведчикам, а по возвращении вечером не узнали устья Талаты: вода поднялась метра на полтора. Мы с ужасом подумали о двух оставшихся в лагере женщинах и удивились их предприимчивости. Жена, привыкшая к капризной северной природе, при первом же падении воды решила перебраться на высокий склон. За два часа они вдвоем перетащили весь груз на другое место. Через два часа место бывшего лагеря погрузилось под воду.

Рыбаки на двух лодках прибыли через четыре дня после шторма. Мы сразу же погрузились. Насколько мне помнится, ожидание транспорта в конце экспедиции всегда становилось тягостным. Ве-

лика была жажда выбраться, когда уже нельзя работать. Ко всему прочему, мы торопились воспользоваться приливной водой. Но отлив все-таки застал нас в протоке. К 6 часам вечера вода покинула протоку и лодки увязли в иллистом дне. Время подходило к ужину. На широкой заливаемой равнине набрали веток для костра. Но кругом ни капли пресной воды. Рыбак, блуждавший по равнине в поисках воды, подстрелил крупного турпана. Сварили утку в морской воде и уничтожили ее. Спустилась темнота, кругом мрак и сырость, лишь огонек костра весело горел. И таким никчёмным показалось мне наше пребывание здесь, на берегу сурового моря. Рыбаки как будто бы угадали мои мысли и спросили: «А что вы искали в этом диком месте с одним молотком, золото?»

Такой вопрос я слышал не впервые. Его часто задавали оленеводы, выпытывая пришельца о богатствах своего края, жители местных деревень. И когда я показывал свои находки — окаменевшие ископаемые организмы, — мне не верили. Все хорошо знают цену блестящего металла. Но никто, кроме геолога, не может оценить камни, помогающие ему найти не блестящее «черное золото». Так я примерно начал свой рассказ о наших многочисленных экспедициях и поисках «драгоценных» фаунистических остатков.

Мы вышли в воды широкой Коротаихи и поплыли под звездным небом. Моторист стоял на носу лодки с веслом, пашущим фарватер, чтобы при первой возможности запустить мотор. Я старался увлечь своим рассказом слушателей.

Чтобы найти «черное золото», надо знать, в каких породах скрыта его таинственная природа. Возраст пород можно установить только по фаунистическим остаткам, в которых они захоронены. Тип осадков и содержащаяся в них фауна подсказывают, где и в какую эпоху существовали континентальные пространства и водные бассейны. Геологи составляют так называемые палеографические карты, которые отражают историческое развитие нашей планеты. В зависимости от изученности района для каждого отрезка геологического времени можно составить очень подробные карты. Прошлое геологических эпох позволит судить о перспективах тех или других отложений. Зная мощность пластов и толщ определенного возраста, можно предсказать, на какой глубине будут вскрыты те или другие породы, если, скажем, пробурить скважину. Если известно, с какими породами связаны нефте- и газо- проявления, то нетрудно предсказать и глубину, на какую следует бурить скважину, чтобы вскрыть месторождения жидких полезных ископаемых.

Так определялись глубина залегания наиболее перспективных среднедевонских пород в районе Колвинской структуры, первоочередные районы для поисков нефти и газа. В итоге наши исслед-

дования в комплексе с геофизическими и буровыми работами привели к открытию крупных месторождений нефти и газа в Большеземельской тундре.

«Новое Баку» открыто

Теперь я вспоминаю, каким исключительно трудным и сложным был переход от исследований к разведочным и буровым работам. В результате настойчивых геологических изысканий, которые наконец убедили разведчиков Ухты выйти с бурением в новый район, на территории Большеземельской тундры были открыты богатейшие месторождения нефти и газа: Усинское, Возейское, Лаявожское и другие. Трудно передать словами те чувства, с которыми я встретил после восьмилетнего ожидания долгожданную весть о начале бурения первой усинской скважины.

В 1968 году газета Коми АССР «Красное знамя» 27 февраля сообщила о том, что одна из скважин, пробуренных на Усинской площади, дала мощный фонтан легкой нефти с суточным дебитом 700 кубометров. Это месторождение было названо «Гигантом». В Советском Союзе таких мощных скважин пять, а на всем земном шаре — около двадцати.

На Усинской площади уже завершены разведочные работы. Здесь выявлены огромные запасы нефти. Отложения пермского и каменноугольного периодов, залегающие на глубине около двух километров, в общей сложности содержат сотни миллионов тонн густой нефти. Скважины дают по 35 тонн в сутки. Извлекаемые запасы, по подсчетам разведчиков, составляют пока что 90 миллионов тонн. Для увеличения дебита необходимо густую нефть подогревать горячей водой, по практическим это возможно только до глубины порядка 1400 метров. Перед эксплуатационниками возникла задача разработки нового метода подогревания нефти на больших глубинах. И надо полагать, он будет найден в скором времени. Целесообразность его очевидна по той причине, что усинская густая нефть содержит масла высокого качества, пригодные для использования при низких температурах.

Извлекаемые запасы легкой нефти с суточным дебитом 700—1100 кубометров, залегающей на глубине 3100—3200 метров, в среднедевонских отложениях, составляют основное богатство Усинского месторождения. Добыча этой нефти к 1975 году должна достичь 5 миллионов тонн в год. Нефть потечет по нефтепроводу от вновь строящегося первого города нефтяников — Усинска на юг до железнодорожной магистрали. От Усинска намечается построить нефтепровод в северном направлении, где открыты Возейское и

Лаявожское месторождения и где пока продолжаются разведочные работы. Если и эти месторождения окажутся такими же крупными, то нефть от них потечет в основной усинский нефтепровод.

Таких крупных месторождений еще не знала Тимано-Пайхайская провинция. Они открыты на территории Большеземельской тундры и со всей очевидностью подтверждают высказывания о существовании здесь давно предполагаемого «Нового Баку». Еще не одно месторождение будет открыто в тундре, и первый город нефтяников — Усинск на берегах безмолвной холодной Колвы будет не последним. И не удивительно, если через десяток лет вырастет город на побережье Баренцева моря, где-нибудь недалеко от устья реки Черной.

В 1972 году я решил совершить поездку по Печоре на пароходе до Нарьян-Мара. В последний раз я был на этой реке в 1956 году, а в Нарьян-Маре — в 1947-м. Я знал, что за последнюю четверть века в Печорском крае произошли перемены, но то, что довелось увидеть мне, превзошло все мои ожидания.

Приехал я в город Печору скрым поездом «Северное сияние». Пошел в речной порт брать билет на пароход «Республика», заранее предвкушая наслаждение от уютного места в каюте у окна. Я мечтал с недельку поплавать по старой, знакомой Печоре и насладиться, может быть последний раз в жизни, ее дикими просторами. Подошел к кассе, протянул деньги и сказал: «Билет в каюте до Нарьян-Мара на любой пароход». В окошечке появилось лицо кассирши. Удивленно взглянула на пассажира из того века и говорит: «Вы что, папаша? У нас колесные пароходы не ходят, если только на буксирую хотите». «Как, на буксирую? — в свою очередь удивился я.— А на чем же еще можно добраться до Нарьян-Мара?» «На «Ракете», — услышал я в ответ. — Полутура суток и салон с пятьюдесятью пассажирами». Какая досада! «Ракета»... Рушились мечты хорошо провести время. Вот если бы эту «Ракету» предложили мне, скажем, в 20-х годах. А теперь... Теперь у меня иные цели...

Выбора не было, пришлось взять билет на «Ракету». Я занял место справа у окна с тем расчетом, что высокие берега с населенными пунктами ниже Усть-Усы потянутся по правую сторону реки и я смогу их рассмотреть. Погода была ясная, тихая. «Ракета» рассекала водную поверхность Печоры со скоростью почти 60 километров в час. Создавалось впечатление, что я еду по асфальтированному шоссе на автомашине. Такую скорость на воде я ощущал впервые, а тем более на Печоре, которую измерил всю шагами. Но я не только не успевал задерживать взгляда на бере-

гах, но и не узнавал места ночевок. Вот она промчалась, как и полагается «Ракете», мимо высокого хорошо знакомого, почти родного берега Усть-Усы. За 14 ходовых часов «Ракета» доставила нас в Нарьян-Мар. На 900-километровый путь в былье времена мы тратили по меньшей мере неделю.

Нарьян-Мар стал неузнаваем. Город оказался в центре грандиозных событий. В тундре, невдалеке от него, велись разведочные и буровые работы. Над городом не умолкал гул вертолетов, перебрасывающих людей и грузы на многочисленные разведочные буровые. Вертолеты летели на остров Колгуев, в низовья Печоры, на реку Шапкину, где обнаружены крупные газовые и нефтяные месторождения. Доступ к буровым только по воздуху. Суровый Север боролся с дерзновенными намерениями человека покорить бездорожье, но не мог противостоять натиску техники. Проложены многочисленные воздушные линии. Ежедневно из Нарьян-Мара улетают десятки самолетов разных конструкций в Архангельск, Индигу, Коротаиху, Печору, Хорей-вер.

Из Нарьян-Мара до Шапкиной я долетел за 40 минут. Из Печоры в новый город нефтяников — Усинск добрался через три часа на катере «Заря», который идет со скоростью 40 километров в час. Усинск! Знаменательное место! Высокий тридцатиметровый берег, названный Болванским Носом, хорошо знаком мне с 1924 года. С этой высоты я в первый раз, будучи мальчишкой, любовался просторами тундры. А сколько останавливались здесь в последующие годы! Трудно подсчитать все почевки и обеды на этом пустынном берегу в устье Колвы. Теперь здесь стройными рядами раскинулись одноэтажные аккуратные коттеджи с центральным отоплением, электрическим освещением. В них живут первые жители Усинска — разведчики недр богатой нефтью Усипской плещади. Радио, телеграф — обычная принадлежность любого города. Но для меня здесь все необычно, и меня можно понять. По телеграфу осуществляется связь с Печорой, Ухтой, Усть-Усой и даже Москвой. А в моей памяти живо встает то время, когда мы, абсолютно оторванные от людей, не могли дать о себе знать.

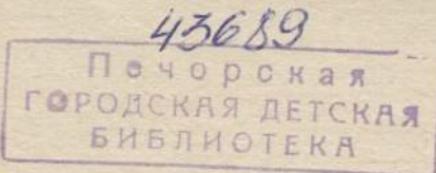
Основное строительство города ведется в 14 километрах выше по реке и в стороне от Усы, на высоком коренном берегу, с тем расчетом, чтобы город находился выше уровня воды, которую поднимет на 40 метров Щельяюрская плотина, строительство которой должно начаться в скором времени.

Обратно лечу на самолете АН-2. Еще раз с высоты птичьего полета обозреваю тундру. Под крылом самолета расстилается тундра с сетью петляющих многочисленных рек и речушек, исхоженных пешком с лямкой на плече. Слезы выступают при виде этих бесконечно близких и дорогой ценой доставшихся трудных дорог.

Мелькают новые поселки, новые города, мелькают буровые вышки — их множество, несмотря на недоступность и суровость края. Вот горизонт осветился заревом горящей нефти в одной из скважин на Возейском месторождении. Зарево гаснет, самолет летит дальше, вдоль Печоры. По берегам ее простираются полотнища колхозных и совхозных полей. Мы пересекаем реку дважды — у устьев Лай и Кожвы.

Неожиданно из-за облаков вырастает город Печора. Первый свой взгляд я бросаю на старые места, на ту боровую террасу у Канина Носа, где не раз грелись у костра и откуда отчаливали на своих утлых лодочонках, отправляясь по реке Печоре. Боровая терраса неизвестна. Здесь вырос новый район. У пристани воздвигнут памятник В. А. Русанову. Асфальтированные улицы и тротуары тянутся от реки к центру города. Аэропорт с бетонированными и асфальтированными дорожками, проложенными опять-таки на месте бывших топких болот. Вокруг аэропорта — уютные котеджи.

Самолет делает несколько крутых виражей и идет на посадку. Я увидел, как преобразовывается и становится неизвестной тундра. И с гордостью сознаю, что в это грандиозное преобразование внесена и моя лепта. Прогресс и развитие сурового края — это, собственно, мечты первых покорителей. И тем не менее мне немножко грустно, мне жаль того, что теперь уж не потяпнуть лямку по порожистой непроходимой реке, не забраться на высочайшую вершину Уральского хребта, жаль... молодости. Если бы человеку была дарована вторая жизнь, я начал бы ее с других «белых пятен». Мне хочется, чтобы молодежь поняла, что истинное счастье человеку приносит только кропотливый, настойчивый, упорный труд.

Содержание

Часть I. Открытие

Печорский край в начале 20-х годов	3	Знакомство с Большеземельской тундрой	65
По стопам предков	7	Открытие углей на реке Воркуте	70
На далекую Инту	9	Снова на Воркуте	78
Поступление в Московский университет	35	Зимовка в Заполярье	94
На Большую Сынью	40	Вверх по реке Большой Роговой	101
На коварный Кожим	49	Пешком и на лодках через хребет Пай-Хой	107
По гряде Чернышева	62		

Часть II. Поиски рудных полезных ископаемых

На Приполярный Урал	125	Поиски железных руд	149
В Печоро-Илычский заповедник	132	Снова на коварный Кожим	151
По Северному Тиману	139	По высоким вершинам Приполярного Урала	155
Поиски марганицевых руд	148		

Часть III. Борьба за «черное золото»

В центральной части Большеземельской тундры	167	На реку Шарью	199
Четверо на острове	172	Близко к завершению	201
В поисках неизвестной гряды	178	Вокруг хребта Енгана-Пэ	204
По побережью Баренцева моря	182	На гряду Чернова	208
На Полярный Урал	186	Вниз по Каре на резиновом плоту	212
Вверх по реке Адзъве	190	На юго-западный склон Пай-Хоя	215
В поисках «Нового Баку»	194	«Новое Баку» открыто	219
На Печорскую гряду, по Подчерему и Щугору	195		

Чернов Г. А.
Ч 49 Полвека в Печорском крае. М., «Мысль», 1974.
223 с. с карт.; 8 л. илл.

В книге рассказывается о многочисленных экспедициях в Печорский край и прилегающие к нему области, о романтической полевой жизни геологов, об увлекательной работе, завершившейся открытием и освоением богатейших месторождений угля и нефти.

Ч 20804-014
004(01)-74 175-73

91 (С 12)

Чернов,
Георгий
Александрович

ПОЛВЕКА
В ПЕЧОРСКОМ
КРАЕ

Редактор Ю. П. Митяева
Младший редактор С. И. Ларичева
Редактор карты В. В. Рязанова
Оформление художника
А. Ф. Сергеева
Художественный редактор
С. М. Полесицкая
Технический редактор Т. Г. Сергеева
Корректор Т. М. Шпиленко

Сдано в набор 13 сентября 1973 г. Подписано в печать 25 декабря 1973 г.
Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 2. Условных печатных листов
13,95 с вкл. Учетно-издательских листов 15,63 с вкл. Тираж 60 000 экз.
А 03887. Заказ № 701. Цена 55 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

55 коп.

Издательство
"Мысль"